

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ САРАТОВСКОГО КРАЯ

ОХРАНА И ИССЛЕДОВАНИЯ
В 1998 - 2000 ГОДАХ

ВЫП. 4

САРАТОВ 2001

ПРАВИТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
УПРАВЛЕНИЕ ПО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
САРАТОВСКОГО КРАЯ
ОХРАНА И ИССЛЕДОВАНИЯ
В 1998 - 2000 ГОДАХ

ВЫП. 4

Издательство
«Научная книга»
САРАТОВ 2001

ББК 63.4 (2)
Ю 16

Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998-2000 годах. Вып. 4. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2001. 156 с., ил.

В четвертом выпуске сборника «Археологическое наследие Саратовского края» представлены итоги работ по сохранению археологического наследия на территории Саратовской области, публикуются новые материалы археологических памятников и результаты научной обработки полевых и музейных коллекций.

Для всех, интересующихся древнейшей историей края, археологов, историков, студентов.

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук А.И.Юдин (отв. редактор);
кандидат исторических наук, доцент А.В.Балановский;
И.И.Дремов (отв. секретарь).

Рецензент:

кандидат исторических наук, доцент В.А.Лопатин
(Саратовский госуниверситет)

ISBN 5-93888-068-8

© Управление по историко-культурному наследию министерства культуры Саратовской области

Исследования 1998-2000 гг.

А.А. Хреков
НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ СТОЯНКИ РАССКАЗАНЬ-III

Исследование неолитических памятников в районе села Рассказань Балашовского уезда (района) Саратовской губернии началось еще в начале XX века. Первые сведения о них поступили в Саратовскую ученую архивную комиссию в 1911 году. В статье А.А.Кроткова «О памятниках старины в Саратовской губернии» отмечается, что «... на Песковой горе, среди песчаного грунта имеется, например, одно место, твердое, как бы залитое асфальтом, и когда вы ступаете на него, то от шагов получается звук пустоты под этой площадкой» (Кротков А.А., 1912, с. 161-162). Недалеко от этой площадки были обнаружены раздробленные человеческие кости, отдельные черепа, целые скелеты людей, черепки глиняной посуды, угли, куски краски и кремневые наконечники стрел.

Повторные сборы на Песковой горе, проведенные А.А.Кротковым и Н.Я.Федоровым в 1925 году, позволили получить богатый кремневый материал, в настоящее время хранящийся в Саратовском областном музее краеведения (СОМК. Инв. № 37145). Следует отметить, что иногда в тексте архивной карты под рубрикой «стоянка древнего человека» вместо «Рассказанской» называются «Кардаильские россыпи». Исследователи, изучавшие архивные материалы, считают, что речь в одном и другом случае идет о Песковой горе (Матюшин Г.Н., 1968, с. 238). В целом, соглашаясь с этим мнением, отметим вероятность происхождения собранного материала с разных памятников, расположенных на Песковой горе. В пользу этого свидетельствует керамика, представленная фрагментами эпохи бронзы, а имеющиеся орудия - трапеции со струганной спинкой, пластины, тесла, скребки, наконечники стрел треугольной и ромбовидной формы по всем признакам относятся к поздненеолитическому времени (Матюшин Г.Н., 1968, с. 237-239). К сожалению, неолитическая керамика среди находок отсутствует.

В настоящее время в районе с.Рассказань открыто семь разновременных памятников и местонахождений. На одном из них - Рассказань III - с 1996 года ведутся стационарные раскопки (Хреков А.А., 1997, с. 40-45).

Памятник расположен на дюнном всхолмлении, в широкой пойме левого берега реки Хопер, в одной 1,5 км к западу от с. Рассказань Балашовского района Саратовской области. Размеры дюны 200x140 м, высота склонов более трех метров. Поверхность хорошо задернована за исключением северо-западных склонов, где по обнажениям собраны грубые, ручной лепки, фрагменты керамики, кусочки охры, кварцитовые отщепы и камни. С востока к дюне примыкает открытая пойменная по-

ляна, в 100 метрах к северу находятся сосновые лесопосадки, южный и западный склоны выходят к берегу озера Рассказань.

К 1999 году исследованная площадь составила 864 кв. м. Культурные напластования исследованные в пределах раскопа достигают 1,15 м. Основная масса находок представлена комплексами эпохи неолита, позднего энеолита, бронзы и раннего средневековья. В публикации речь пойдет лишь о материалах неолитического времени, большей частью концентрировавшихся в основании культурного слоя. Более поздние комплексы рассматриваться пока не будут.

В 1999 году, во время исследования центральной, наиболее возведенной части памятника были обнаружены разной степени сохранности неолитические погребения. Литологические наблюдения в районе костяков показали отсутствие позднейших перекопов. Время захоронений, на наш взгляд совпадает с периодом формирования неолитического культурного слоя. Поскольку подобный могильник в лесостепном междуречье Волги и Дона обнаружен впервые остановимся на его характеристиках.

Погребение 1 обнаружено на границе квадратов 114-115, на глубине 1 м от уровня дневной поверхности в предматериковом слое светлокоричневой супеси. Костяк сильно потревожен грызунами. Сохранились обе бедренные кости, берцовую кость левой ноги, отдельные фрагменты таза и черепа. Судя по расположению костей (рис. 1, 1; 2, 1), погребенный лежал вытянуто – на спине, головой на север-северо-восток. Инвентарь отсутствовал. На бедренных костях зафиксирован красноватый налет охры. Очертания могильной ямы не прослеживаются.

Погребение 2 расположено в квадрате 115, на глубине 1,1 м от дневной поверхности, в 0,8 м к юго-востоку от погребения 1. Костяк потревожен грызунами. Очертания могильной ямы не прослеживаются. Погребение открылось берцовыми костями ног человека, которые расположены параллельно друг другу под углом 30° и аккуратно уложены на затылочную часть черепа. Дальнейшие исследования показали, что они, видимо, принадлежали другому индивидууму. Череп человека покоялся на материке, чуть выше туловища, опущенного в желтоватый материковый песок. Расположение сохранившихся костей позволяет предположить скорченную позу погребенного – на спине, ноги согнуты в коленях и завалены на левый бок (рис. 1, 2; 2, 2). Остатки плечевых костей отодвинуты к левой стороне груди. Череп крупный с широким лицом слегка повернутым на левый бок. Костяк ориентирован головой на север-северо-восток. На черепе и костях зафиксирован красноватый окристый налет.

Погребение сопровождалось инвентарем. В области плечевых костей обнаружены, в количестве 2-х экземпляров, кварцитовые наконечни-

ки стрел (рис. 2, 3). Один из них обломан (рис. 2, 3), другой сохранился полностью (рис. 2, 4). Он имел подтреугольную форму и усеченное основание. Поверхности наконечников обработаны плоской двусторонней ретушью. У правой ключицы находился кремневый концебоковой скребок на удлиненном отщепе (рис. 2, 5), вероятно выполнявший функции скобеля. Рабочая часть, со стороны спинки сформирована крутой притупляющей ретушью. Подобные орудия в эпоху неолита и энеолита имели довольно широкое распространение в культурах степной и лесостепной зон. В 15 см к западу от костяка встречен небольшой фрагмент керамики с резным орнаментом (рис. 2, 6), но связать его с погребением, видимо нельзя, учитывая бытование здесь нескольких неолитических стойбищ.

Погребение 3¹ обнаружено на границе квадратов 130, 142 в слое чистого желтоватого материкового песка, на глубине 1,18 м от дневной поверхности (рис. 1, 3; 2, 8). Очертания могильной ямы не прослеживаются. Большая часть костяка истлела или уничтожена грызунами. Частично сохранился череп мужчины 30-40 лет, отдельные фрагменты ребер и лучевых костей окрашенных в розоватый цвет. Череп находился на затылке лицом вверх, слегка развернутый на левый бок. Судя по положению черепа, погребенный, вероятно был ориентирован головой на север-северо-восток.

Погребение 4 находилось на границе квадратов 129-130, в слое чистого желтоватого материкового песка на глубине 1,2 м от дневной поверхности, в 0,15 м к северо-западу от погребения 3 (рис. 1, 4; 2, 7). В отличие от первых трех погребений четко фиксировались очертания могильной ямы. Она имела подпрямоугольную с закругленными углами форму размером 1,15x0,73 м, глубиной в материке 8-10 см, ориентированную длинными сторонами по линии северо-восток юго-запад. Практически все заполнение ямы имело розоватую окраску с небольшими включениями мелких кусочков охры. В северо-восточной части погребения зафиксировано яркое окристое пятно размером 30x31 см мощностью до 8 см. Под ним находились остатки черепа, челюсти и молочные зубы ребенка 6-9 месяцев. Отдельные, сильно фрагментированные косточки спорадически встречались и в центре могильной ямы. Положение костяка не установлено. Судя по местоположению черепа, погребенный был ориентирован головой на северо-восток. Стенки ямы покатые, дно ровное. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 5 обнаружено в границе квадратов 163-164, на глубине 1,05 м от дневной поверхности в предматериковом слое светлокоричневой супеси. Могильная яма имела вытянутую подпрямоуголь-

¹ Половозрастные и краниологические определения погребений 3, 4, 5 выполнены А.А.Хохловым.

ную форму с закругленными углами размером 1,47x0,7 м, глубиной в материке 12-15 см. Стенки и дно могильной ямы постепенно понижались к центру, как в поперечном, так и в продольном сечении. Длинными сторонами яма ориентирована по линии северо-восток юго-запад. Костяк лежал на спине, головой на северо-восток, руки вытянуты вдоль туловища (рис. 1, 5; 2, 9). Локтевая и лучевая кости правой руки отсутствовали. Нижняя часть скелета уничтожена грызунами. Говоря о положении ног, следует отметить, что форма и размеры могильной ямы позволяют предположить какую-то степень их скорченности. Череп находился лицевой частью вверх, слегка повернут на правый бок. Погребенный покоялся на подсыпке из охры. Менее интенсивную окраску имело заполнение могильной ямы и сам костяк. Над правой стороной грудной клетки зафиксировано плотное скопление угольков и золы размером до 27 см и мощностью до 3,5 см в центре. Следов прокала нет. Погребальный инвентарь отсутствовал. Костяк принадлежал женщине зрелого возраста. Череп со следами кариеса и гипоплазии на некоторых зубах, возможно, как следствие голодовок, пережитых еще в детском возрасте. В морфологическом плане он достаточно грацильный с немного развитым рельефом и несколько выступающими носовыми костями. Лицо небольшое, слегка уплощенное. По всему комплексу признаков он сильно сближается с черепами, представленными в могильниках энеолита (Съезжее, Хвалынский II) и неолитического периода (Чекалино IV). Этот специфический тип черепов, по мнению А.А. Хохлова особый и может быть генетически связан с северными лесными популяциями Приуралья и Прикамья эпох мезолита – энеолита. В целом этот тип интерпретируется как древнеуральский и как один из предковых финноугорских народов.

Провести детальное сравнение рассказанных погребений по таким общепринятым критериям, как наличие или отсутствие коллективных погребений, количество охры, состав погребального инвентаря с другими неолитическими могильниками сопредельных территорий пока преждевременно. Этому препятствует как отсутствие близких аналогий, так и пока небольшое количество погребений на стоянке. Тем не менее, самые общие и предварительные выводы мы попытаемся сделать. При анализе погребального обряда, в первую очередь, обращает внимание практически единая ориентировка костяков, присутствие охры и почти полное отсутствие инвентаря. Эти признаки, вероятно, позволяют отнести погребения к одному культурному горизонту.

С другой стороны – отсутствует единая поза погребенных (вытянуто и скочено), не везде фиксируются могильные ямы. Подобная ситуация наблюдается на известных неолитических могильниках Подонья (Синюк А.Т., 1986, с. 123), Заволжья (Юдин А.И., 1991, с. 80), Поочья (Цветкова И.К., 1973., с. 143). В этом плане интересны выводы

А.Т. Синюка, который считает, что сочетание обряда положения вытянуто и со скоченностью ног указывает на переходный характер погребений, когда происходило восприятие новых обрядовых тенденций стадиального характера, связанных с наступлением энеолитической эпохи (Синюк А.Т., 1986, с. 123). Опираясь на утверждения антропологов, Д.Я. Телегин подчеркивал, что при переходе от неолита к медному веку во многих случаях особых изменений в составе населения Восточной Европы не отмечается. Решающим фактором, приведшим к изменению обряда положения, были коренные изменения в идеологии населения, его верований и религии (Телегин Д.Я., 1976, с. 16). Новое в погребальном ритуале прослеживается не только по отношению к положению покойников, но и в исчезновении коллективных неолитических могильников, появлению в начале медного века обычая ставить умершим еду в глиняных сосудах и т.п. Вероятно, эти тенденции коснулись и населения, оставившего свой могильник у села Рассказань.

В какой-то степени нашу точку зрения подтверждают керамические комплексы стоянки. По своему облику неолитическая керамика неоднородна. Состав теста, технология изготовления, форма и орнаментация позволяют разделить ее на два типа.

Первый тип представлен сосудами с прочерченной орнаментацией (рис. 3). Всего обнаружено 42 фрагмента. Скопления прочерченной керамики отмечены в той части раскопа, которая с запада примыкает к могильнику. Около 90% обнаруженных фрагментов концентрировались в предматериковом слое светло-коричневой супеси, на глубине 0,9-1 м. от дневной поверхности. Сосуды сильно фрагментированы, что косвенно свидетельствует об их более раннем возрасте по сравнению с другими типами. Толщина стенок 4-10 мм. Тесто довольно рыхлое с примесью песка и органики. Поверхность сероватых и коричневатых тонов, местами подощенена. На внутренней стороне фиксируются следы горизонтальных и наклонных расчесов. Изредка горизонтальными расчесами заглаживалась и внешняя сторона. Венчики прямые, без выделенной шейки. Один имеет утолщение в виде воротничка (рис. 3, 8), типа ма-риупольских. Верхний срез закруглен или плоско срезан. Представление о форме сосудов дают два развода. Один из них яйцевидный (рис. 3, 1), украшенный по тулову чередующимися зонами прочерченных горизонтальных линий и вертикальных, в елочку, зерновидных вдавлений. Другой сосуд – прямостенный, с чуть сгнутым верхом (рис. 3, 2). Туло-во покрыто резной и зубчатой горизонтальной елочкой, ограниченной в верхней части пояском двойных зерновидных оттисков. Днища не обнаружены. Основной элемент орнамента – глубоко прочерченные и резные линии. С их помощью образованы различные композиционные построения: горизонтальная елочка, заштрихованные треугольники, зигзаг и

другие (рис. 3, 2, 8-10, 14). Прочерченному орнаменту сопутствуют зерновидные, ямчатые и подтреугольные вдавления, украшавшие верх сосуда или являющиеся зоноразделителями. На единичных фрагментах отмечены оттиски гребенчатого штампа и наколы (рис. 3, 12-13).

Подобную керамику А.Т. Синюк выделил в дронихинский тип (Синюк А.Т., 1986, с. 109, 147). Картографирование мест находок дронихинской керамики показывает, что она, в основном ограничивается левобережной частью Подонья. Основой появления материалов дронихинского типа, по мнению А.Т. Синюка, послужило взаимодействие традиций местной накольчатой культуры и рыбноозерской культуры северного облика с гребенчато-ямочной керамикой. Появление дронихинских материалов исследователь относит ко времени не позднее середины III тыс. до н.э. Комплексный анализ керамики с прочерченной орнаментацией бассейна Хопра (Шапкины III, IV, VI, Иняево) показывает, что время ее возникновения, возможно, относится к более раннему периоду. Например, на стоянке Шапкино VI, прочерченная, накольчатая и ямочно-гребенчатая керамика, буквально находились в одном комплексе. А наличие утолщенных венчиков и композиционных построений в виде зигзага (рис. 3, 8, 14), широко распространенных на мариупольских соусдах, кажется, подтверждает наше мнение.

Формирование керамики дронихинского типа, на наш взгляд, проходило в лесостепи под влиянием степных неолитических и энеолитических культур. Известная близость элементов орнамента, композиционных построений и форм рассказанской керамики первого типа наблюдается при сопоставлении с керамическими комплексами стоянок Каиршак I, III (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., с. 25-29).

Ко второму типу относится керамика с ямочно-гребенчатой орнаментацией (рис 3; 5). Коллекция насчитывает 124 фрагмента. Планиграфия ее распространения по исследованной площади раскопа более или менее равномерная. Судя по условиям залегания (верхняя часть предматерикового слоя светло-коричневой супеси и нижняя часть темно-серой супеси, 0,8-0,95 м от дневной поверхности), ямочно-гребенчатая керамика частично синхронна керамике I типа, но в основном хронологически следует за ней.

Большинство сосудов изготовлено из глины, с примесью песка и дресвы. Тесто довольно плотное, не слоится. Цвет черепков – серый, темно-серый с коричневатым оттенком и коричневый. Толщина стенок 4-8 мм. Внешняя поверхность аккуратно заглажена каким-то мягким предметом, на внутренней встречаются следы горизонтальной штриховой зачистки. По форме это были более или менее профилированные сосуды с чуть отогнутыми наружу невысокими венчиками (рис. 4, 1-5, 8). Верхний срез венчиков, как правило, закруглен, плоский или склонен

наружу. Некоторые из них имеют утолщение и намечающийся узкий воротничок (рис. 4, 1, 4-5). Днища не обнаружены, но придонные фрагменты позволяют предположить, что они были округлые. Диаметр верха реконструируемых сосудов колеблется от 24 до 28 см.

Одним из ведущих элементов орнамента является глубокая, округлая, или овальная ямка с негативом на обратной стороне. Иногда они наносились под наклоном. Дно ямок обычно закруглено, в единичных случаях коническое и плоское. Диаметр ямок 0,4-0,5 см. Орнаментация туловы сосуда довольно разнообразна. Обычно, ямки образуют горизонтальные однорядовые пояски, разделенные наклонными и вертикальными оттисками гребенки (рис. 4, 6, 9), или поверхностными фигурными ямчатыми вдавлениями в отступающей манере (рис. 4, 1, 3, 5). На отдельных фрагментах зафиксированы склоненные зубцы гребенчатого штампа и зигзаг. Изредка встречаются проглаженные линии (рис. 1, 4), нарезки (рис. 4, 5), оттиски плюсневой kostочки (рис. 4, 7-8). Фрагментов, украшенных исключительно ямками, на памятнике не обнаружено.

Заполнение поля густое. Орнамент покрывает все тулово сосуда, а зачастую и внутреннюю сторону венчика. Ближе ко дну орнаментация становится более разреженной и состоит только из ямок (рис. 4, 11).

По ряду признаков (элементы орнамента, композиционные построения, форма венчика, состав теста) этот керамический комплекс находит довольно близкие аналогии среди памятников развитого этапа рязанской неолитической культуры типа Владыченской-Береговой (Цветкова И.К., Кравцов А.Е.; 1982, с. 84, рис. 16, с. 87, рис. 4; с. 88, рис. 5). Из материалов сопредельных территорий известное сходство наблюдается с посудой Сурско-Мокшанского междуречья (Клюквинное, Машкино III, Ковыляй I). Исследователи относят эти памятники к балахинской культуре, хотя Сурско-Мокшанская ямочно-гребенчатая керамика имеет ряд специфических черт (Выборнов А.А., Третьяков В.П.; 1988, с. 28-29; Ставицкий В.В., 1999, с. 148-155, 181). В отличие от рассказанской, сурско-мокшанская посуда более толстостенна. Помимо общих элементов орнамента, таких как, пояски, отпечатки плюсневого и гребенчатого штампов, спаренных вдавлений и т.д., на ней широко использовались отпечатки аммонитов, полуулунные вдавления не характерные для большинства стоянок Прихопры, иная форма венчиков. Керамика северного облика отмечена и на других памятниках бассейна Хопра. Это стоянки Шапкино I-IV, VI, Иняево, Подгорное. По ряду признаков их керамический комплекс имеет черты не только рязанской, но и балахинской культур, хотя и отличается своеобразием.

В настоящее время развитый этап неолита центра Русской равнины, характеризуемый культурами с ямочно-гребенчатой керамикой в самом общем плане укладывается в рамках второй половины IV тыс. до

н.э. (Крайнов Д.А., 1986, с. 7; Цветкова И.К., Кравцов А.Е., 1982, с. 93, Энговатова А.В., 1997, с. 120; Выборнов А.А., Третьяков В.П., 1988, с. 34-35). Вероятно, этим периодом будет датироваться ямочно-гребенчатая керамика рассказанской стоянки. Появление ямочно-гребенчатой керамики в лесостепном Прихоперье следует связывать с миграцией населения из Волго-Окского междуречья, одним из районов которого была территория рязанской культуры. По-видимому, этот процесс начался не позже середины IV тыс. до н.э. С этим временем связано начало более влажного климатического периода, в ходе которого происходило заболачивание речных и озерных водоемов (Спиридонова Е.А., Энговатова А.В. 1997, с. 121). Последовавшее за этим смещение к югу границы лесной зоны должно было способствовать продвижению населения ямочно-гребенчатой керамики на территорию Прихоперья. Резонанс достиг даже степной полосы. Во время раскопок Староаннинского поселения, на реке Бузулук (левый приток Хопра) в Волгоградской области, В.И. Ереминым в III группу была выделена керамика, украшенная ямочным и ямочно-гребенчатым орнаментом. Имеется обломок острого днища. В тесте сосудов примесь мелкого песка (Еремин В.И. 1989, с. 7). То есть, на данный момент лесостепное Прихоперье является наиболее южным пунктом, где зафиксирован комплекс памятников, связанных своим происхождением с населением более северных лесных регионов.

Изучая ямочно-гребенчатую керамику рассказанской стоянки, следует становиться еще на одном аспекте. В коллекции есть небольшое количество (14 экз.) фрагментов заметно отличающихся по своему морфологическому облику и технологически особенностям (рис. 5). Сосуды изготовлены из плотного теста с примесью песка, измельченной охристой крошки, дресвы и видимо, каких-то органических добавок. Толщина стенок 0,3-0,6 см. Поверхность светло-коричневого и коричневато-сероватого цветов. На внешней и внутренней стороне отмечены упорядоченные следы мелкой штриховой зачистки. Форма сосудов полностью не реконструируется. Вероятно, они имели более или менее округлое тулово и отогнутые наружу, довольно разнообразные, профилизированные венчики. Характерны "воротнички" под краем горла, иногда имеющие с внутренней стороны желобок (рис. 5, 1-2). Встречаются широкие плоские (рис. 5, 1, 5) или короткие подтреугольные (рис. 5, 3) формы. Обычно по воротничку идут ряды гребенчатых, нарезных и веревочных оттисков. Диаметр верха 10-16 см. От тулова воротнички отделены пояском ямок. Орнаментация тулова сосудов довольно разрежена. Одним из основных элементов орнамента по-прежнему является округлая ямка с негативом на обратной стороне. Преобладают небольшие ямки диаметром 0,3-0,4 см, имеющие закругленное, плоское и рубчатое дно. Поверхность сосудов украшена оттисками веревочки, намотанной на палочку,

ямчатыми вдавлениями, гребенкой, проложенными линиями и прочерченной волной. Все элементы орнамента выступают во взаимном сочетании.

Композиционные построения образуют горизонтальные пояски треугольников (рис. 5, 1) многорядового зигзага (рис. 5, 3-4), оттисков гребенки (рис. 5, 4-9), заполненные меандровые фигуры (рис. 5, 8). В обязательном порядке ямки играют роль делителей орнаментального пояса на зоны.

Из этой серии выделяется крупный фрагмент воротничкового сосуда с подтреугольным в сечении желобчатым венчиком (рис. 5, 7), поверхность которого украшена изогнутыми оттисками зубчатого штампа, горизонтальными рядами ямок и подковками. Ямки опоясывали только верхнюю часть сосуда. Дно ямок плоское. Диаметр верха 18,5 см. В отличие от рассмотренной воротничковой керамики он более толстостенный, изготовлен из рыхлого теста с примесью песка и крупных кусочков дресвы.

Воротничковая керамика рассказанской стоянки разнообразна и пока не находит полного тождества ни в одной из неолитических и энеолитических культур Волго – Донского междуречья. Несомненен ее гибридный характер, в котором лесные и лесостепные традиции связаны с неолитом Волго – Окского междуречья (тесто с примесью дресвы, пояски ямок и оттиск гребенки, композиционные построения) сочетаются с элементами (воротнички, желобчатость, форма сосудов, отдельные элементы орнамента), истоки которых следует искать в сопредельных нижнеподонских и самарских культурах. Тем более, что стоянки последних известны и исследовались на территории Прихоперья (Хреков А.А., 1996., с. 64-77).

Небольшие серии ямочно-гребенчатой керамики гибридного облика выявлено на поселениях Софьино и Секретарки, на Верхнем Хопре, на Пензенских стоянках в Бессоновке и в Посурье (Ставицкий В.В., 2000, с. 33-35). Кроме гибридных сосудов на Софьинском поселении присутствует и достаточно типичная воротничковая керамика. Однако ее отличительной особенностью является наличие горизонтальных поисков ямок не только под венчиком, но и на тулове сосудов, что по мнению автора раскопок объясняется влиянием со стороны носителей ямочно-гребенчатой керамики (Ставицкий В.В., 1999, с. 181-184). То же влияние лесных традиций отмечено на мариупольской воротничковой керамике стоянки Шапкино VI. Здесь, горизонтальные поиски ямчатых вдавлений не только покрывали верхнюю часть тулова сосуда, но и переходили на сам венчик (Хреков А.А., 1996; с. 73, рис. 4, 6-8).

У нас нет пока оснований рассматривать гибридную керамику в качестве переходной, продолжающей дальнейшее развитие местного

ямочно-гребенчатого неолита. Слишком мала ее доля в общем комплексе известных стоянок. Скорее всего, речь идет о кратковременных процессах взаимодействия энеолитических культур южного типа с неолитическими культурами более северных лесостепных и лесных районов.

В целом, это явление одного порядка, характерное для всей Поволжской (Габышев Р.С., 1978, с. 22-39), Донской (Синюк А.Т., 1986, с. 86-87) и Днепровской (Телегин Д.Я., Титова Е.Н., 1998, с. 36-40) лесостепей.

Материальным отражением этого взаимодействия на стоянке Рассказань III, видимо, стала не только воротничковая ямочно-гребенчатая керамика, но и могильник, оставленный древнеуральским типом населения, одним из предковых финноугорских народов.

Каменный инвентарь стоянки представлен 456 экземплярами различных предметов, включая сколы, отщепы, нуклевидные обломки. Для изготовления орудий использовался светло-серый и серый мелкозернистый кварц, разноцветный (черный, серый, желтоватый, коричневый) валунный камень, и более мягкие породы камня (сланец, песчаник, гранит).

Смешанный характер слоя не позволяет расчленить большую часть коллекции по культурно-хронологическим группам, поэтому их описание дается суммарно.

Отличительным признаком каменного инвентаря является подавляющее преобладание орудий на отщепах. Пластины, сечения пластин и орудия на них исчисляются единичными экземплярами. В целом их находки были приурочены к основанию культурного слоя.

Кремневый инвентарь стоянки насчитывает 82 предмета. Из них около 33 использовались как орудия. К неолитическому комплексу допустимо отнести: пластины (рис. 5, 1-2), сечения пластин (рис. 5, 19), острия на пластине, пластинчатом отщепе и сработанном нуклеусе (рис. 5, 3-5), пластинчатый отщеп с односторонней ретушью по краю (рис. 5, 7), срединные и угловые резцы на пластине (рис. 5, 6) и отщепах (рис. 5, 8-11, 13-14), резаки на отщепах (рис. 5, 12, 21), нож на отщепе (рис. 5, 15), обломок наконечника стрелы треугольной формы (рис. 5, 16), концевой и концебоковые скребки на отщепах (рис. 5, 17-18, 20), отжимник на удлиненном отщепе (рис. 5, 22), а также скobelю и скребло на массивных отщепах.

О технике расщепления можно судить по обнаруженным нуклеусам и нуклевидным обломкам. В основном, они аморфные, многоплоскостные для производства отщепов. К числу конических (рис. 5, 23-24) и призматических одноплоскостных для производства пластин и пластинчатых отщепов относится пока 4 экземпляра. Аналогичный набор орудий присущ памятникам с ямочно-гребенчатой керамикой развитого

и позднего этапов Волго-Окского междуречья (Цветкова И.К., 1970, с. 111, с. 123), Украины (Неприна В.И., 1976, с. 11-30) и Среднего Поволжья (Халиков А.Х., 1973, с. 118).

Комплекс кварцитовых предметов включает 343 экземпляра. Из них к орудиям можно отнести 44 изделия. По своим признакам и качеству кварцита они неоднородны. Видимо, к неолитическому времени относятся орудия, изготовленные из прозрачного серого кварцита. Среди них: пластины (рис. 6, 2-6), сечения пластин (рис. 6, 7-8), резец срединный на крупной пластине (рис. 6, 1), сегмент с ретушью на дуге (рис. 6, 17), резец на углу сломанной пластины (рис. 6, 9), нож на пластинчатом отщепе (рис. 6, 11), подправленный односторонней приостряющей ретушью, концевобоковой скребок на массивном прямоугольном отщепе (рис. 6, 18) и обломок конического одноплоскостного нуклеуса для производства пластин. Орудия, изготовленные из серого непрозрачного кварцита, в целом, отличаются большими размерами, массивностью и грубостью обработки. Они представлены скребкам на отщепах округлой формы (рис. 7, 19); скобелями и скреблами (рис. 7, 13) на массивных отщепах; ножами (рис. 7, 14-15) на удлиненных пластинках, поверхность которых оформлена плоской двусторонней ретушью; ножами на отщепах с пришлифованным рабочим краем (рис. 7, 12) и резчиком (рис. 7, 16) на пластинчатом отщепе. К этой серии находок принадлежат двусторонне-обработанные черешковые наконечники стрел и дротик листовидной формы. Но они, как и большинство изделий из серого кварцита, обнаружены в слое, содержащем помимо неолитической, керамику катакомбной и срубной культур.

Среди изделий из более мягких пород камня к неолитическому времени следует отнести "утюжок" (рис. 7, 20), обломки шлифовальных плиток, бола, песты, наковаленки, выявленные в одном горизонте с неолитической керамикой.

Как уже было сказано, в совокупности все отмеченные изделия не могут определить одну какую-либо культуру. Многие из них разнохарактерны по своему этнокультурному и хронологическому выражению, что соответствует присутствию на памятнике нескольких разнокультурных групп керамического материала. К этому можно добавить, что ни один из типов орудий не представлен серией, ввиду чего исключается и их статистико-стратиграфический анализ.

Таким образом, материалы могильника и стоянки Рассказань III представляют несомненный интерес для понимания сложных культурно-исторических и этногенетических процессов, имевших место в древности на территории лесостепного Прихоперья.

Литература

- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1989. Исследование неолитической стоянки Каир-Шак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Выборнов А.А., Третьяков В.П., 1988. Неолит Сурского-Мокшанского междуречья. Куйбышев.
- Габышев Р.С., 1978. Русско-Азиатская стоянка // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань.
- Еремин В.И., 1989. Неолитические поселения северо-западных районов Волгоградской области // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Крайнов Д.А., 1986. Спорные вопросы неолита Центра Русской равнины // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Оренбург.
- Неприна В.И., 1976. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев.
- Синюк А.Т., 1986. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж.
- Спиридонова Е.А., Энголоватова А.В., 1997. Палеоэкологические события атлантического периода и их связь с культурами неолита и энеолита по материалам поселения Воймежное 1 // Древние охотники и рыболовы Подмосковья. Москва.
- Ставицкий В.В., 1999. Каменный век Примокшанья и Верхнего Псусыря. Пенза.
- Ставицкий В.В., 2000. Культуры лесостепного энеолита на территории Пензенской области // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов.
- Телегин Д.Я., 1976. Об основных позициях в положении погребенных первобытной эпохи Европейской части СССР // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.
- Телегин Д.Я., Титова Е.Н., 1998. Поселения днепро-донской этнокультурной общности эпохи неолита. Киев.
- Халиков А.Х., 1973. Неолитические племена Среднего Поволжья // МИА № 172.
- Хреков А.А., 1997. Археологические исследования в районе с. Рассказанье // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов. Вып. 2.
- Хреков А.А., 1996. Раннеэнеолитические памятники лесостепного Прихоперья. // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области 1995 году. Саратов.
- Цветкова И.К., 1970. Племена Рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Тр. ГИМ. Москва. Вып. 44.
- Цветкова И.К. Кравцов А.Е., 1982. Керамика неолитической стоянки Владычинская-Береговая // СА. №2.
- Энголоватова А.В., 1997. Керамические комплексы льяловской культуры // Древние охотники и рыболовы Подмосковья. Москва.
- Юдин А.И., 1991. Неолитические погребения Варфоломеевской стоянки // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов. Вып. 2.

Балашовский краеведческий музей

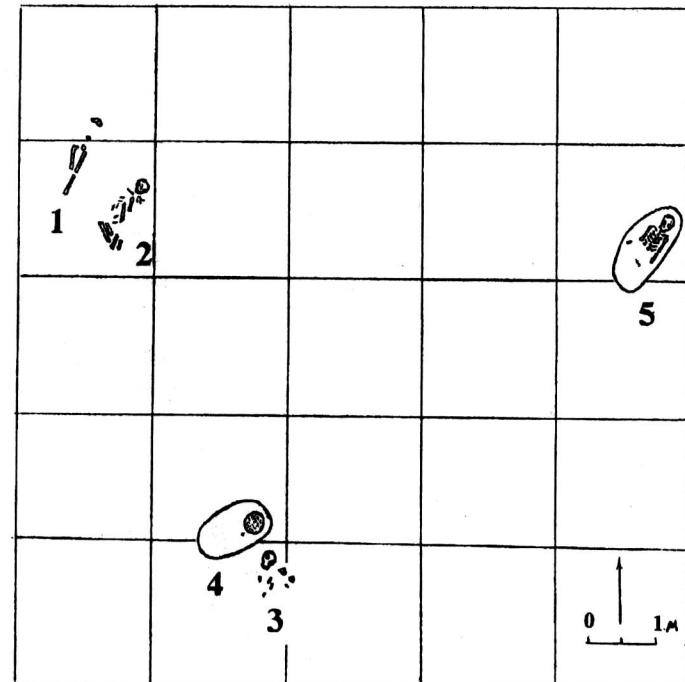

Рис. 1. Рассказанье III. План центральной части раскопа.

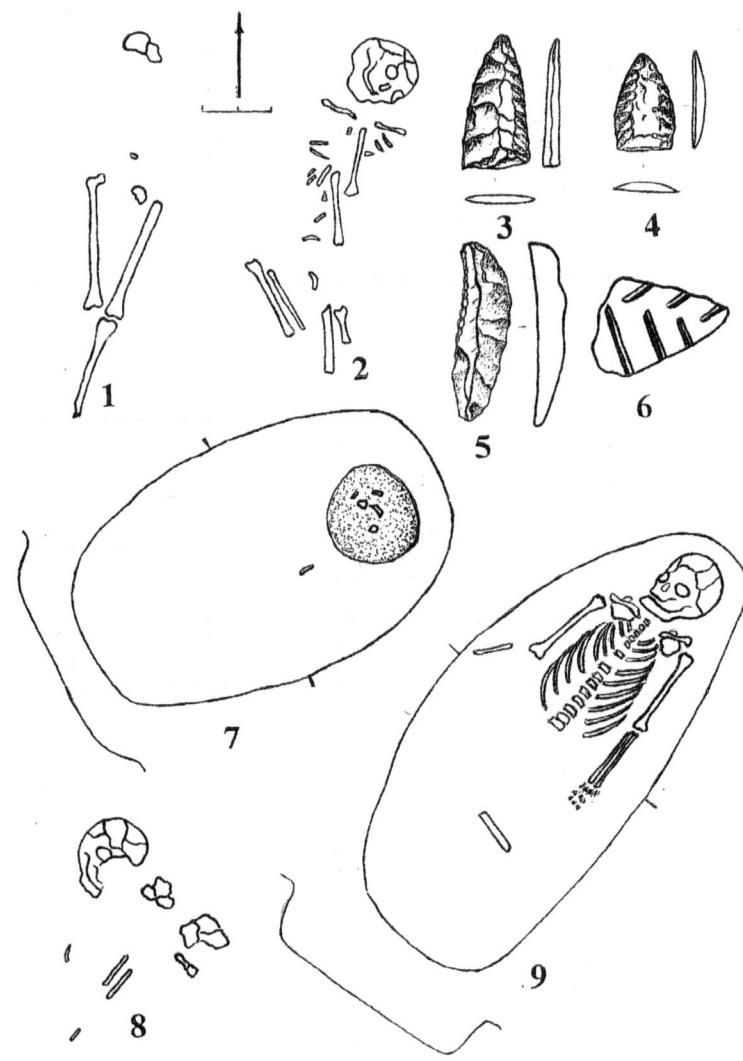

Рис. 2. Рассказан III. Неолитические погребения (1-2, 7-9), кварцитовый (3-4) и кремневый (5) инвентарь погребения 2, керамика (6).

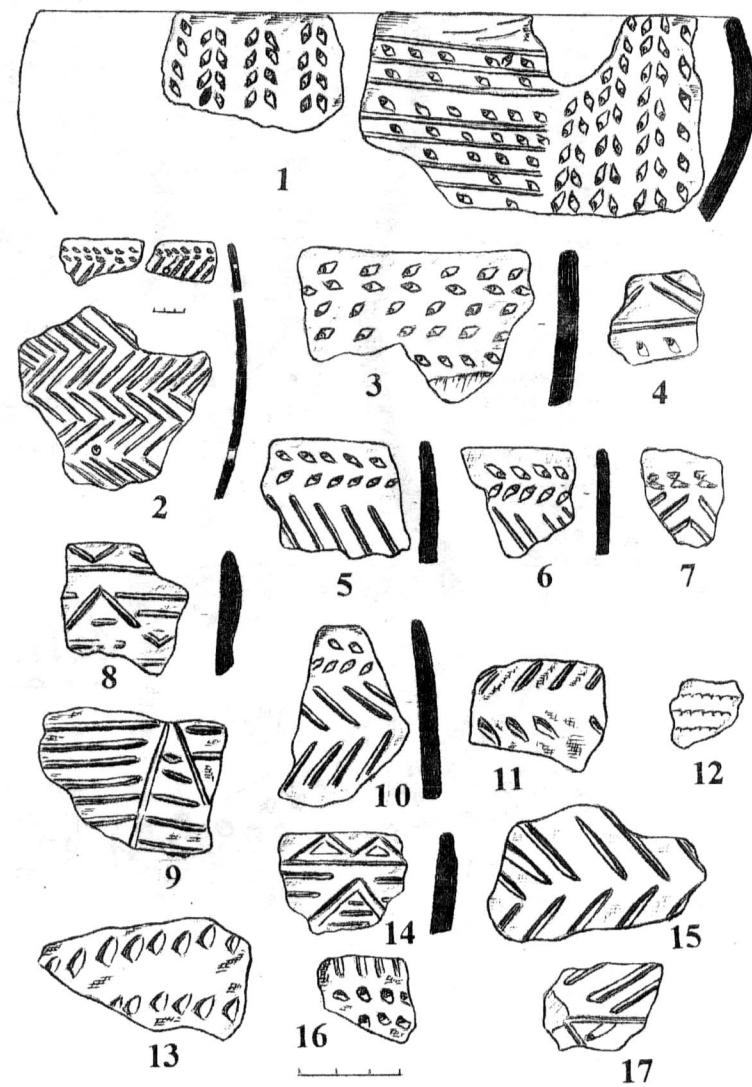

Рис. 3. Рассказан III. Прочерченная керамика.

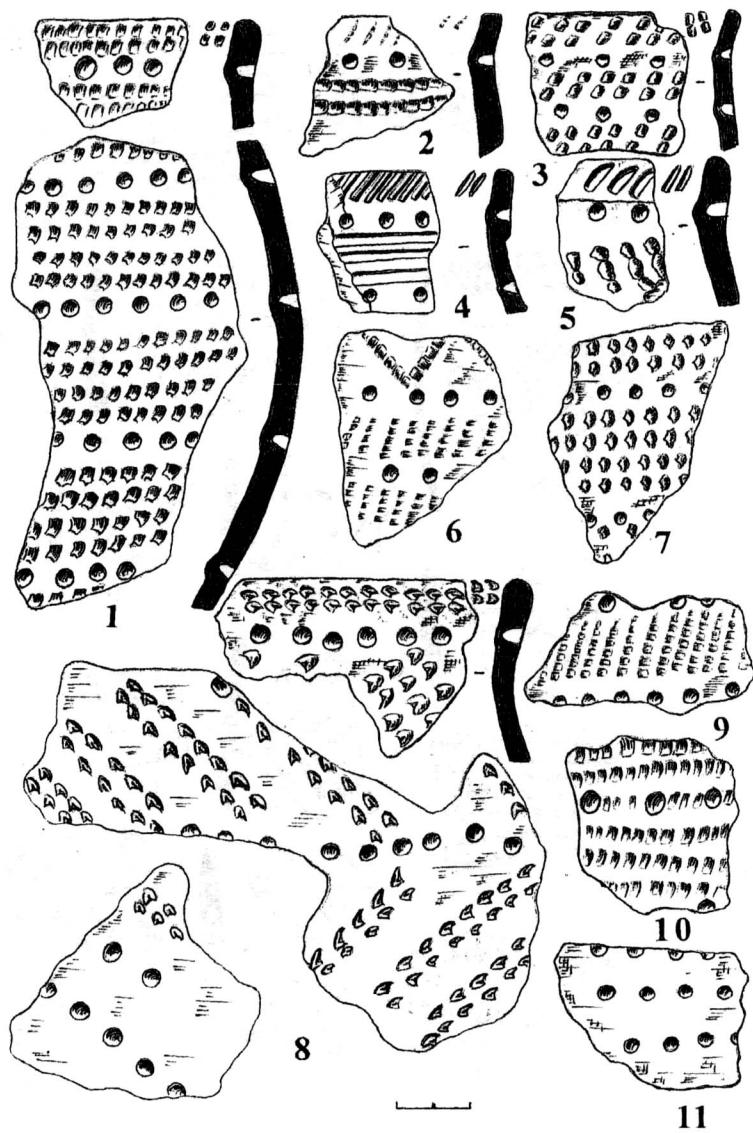

Рис. 4. Рассказ III. Ямочно-гребенчатая керамика.

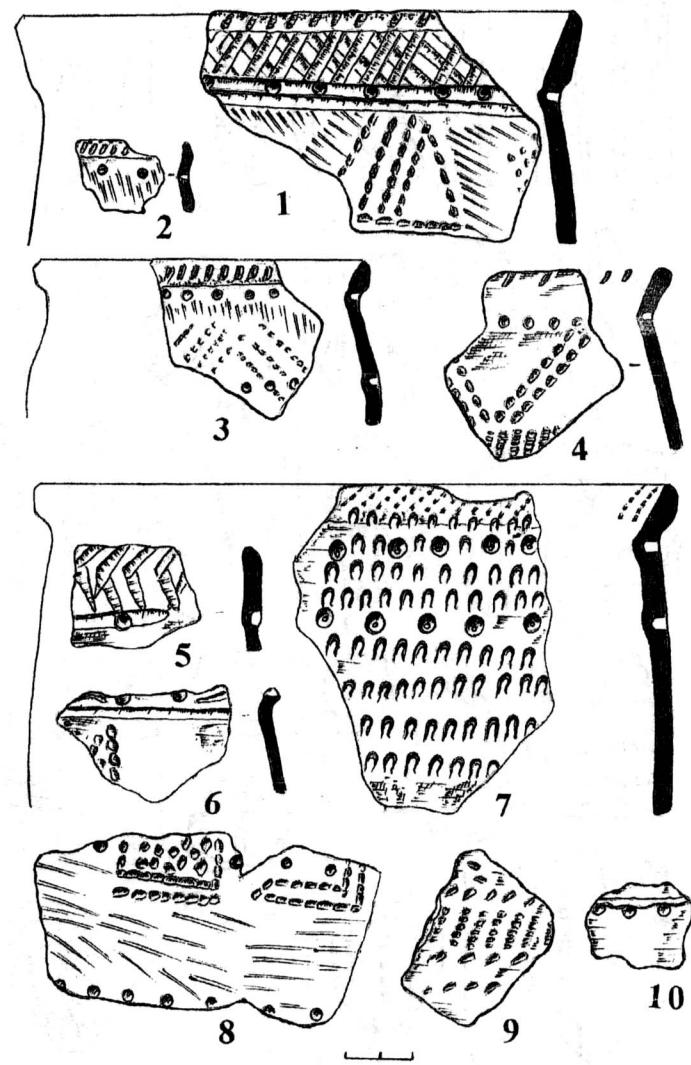

Рис. 5. Рассказ III. Воротничковая ямочно-гребенчатая керамика.

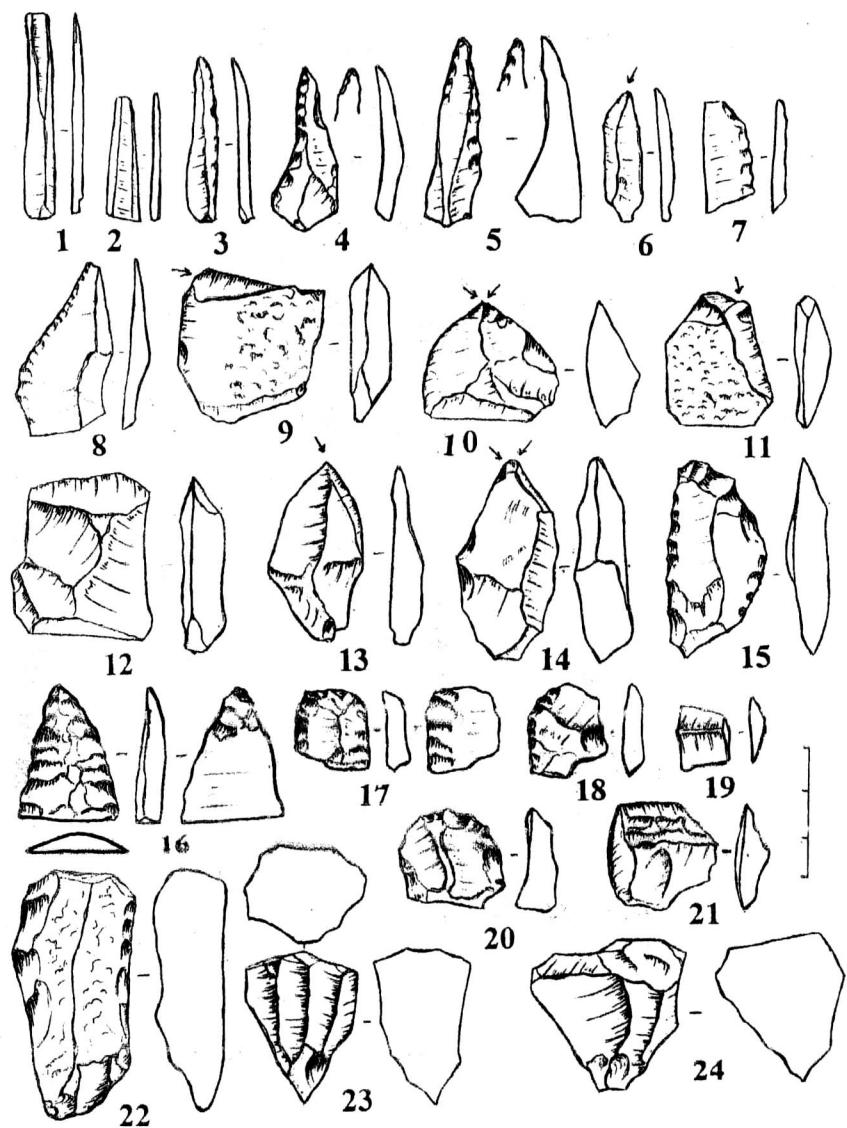

Рис. 6. Рассказань III. Изделия из кремня.

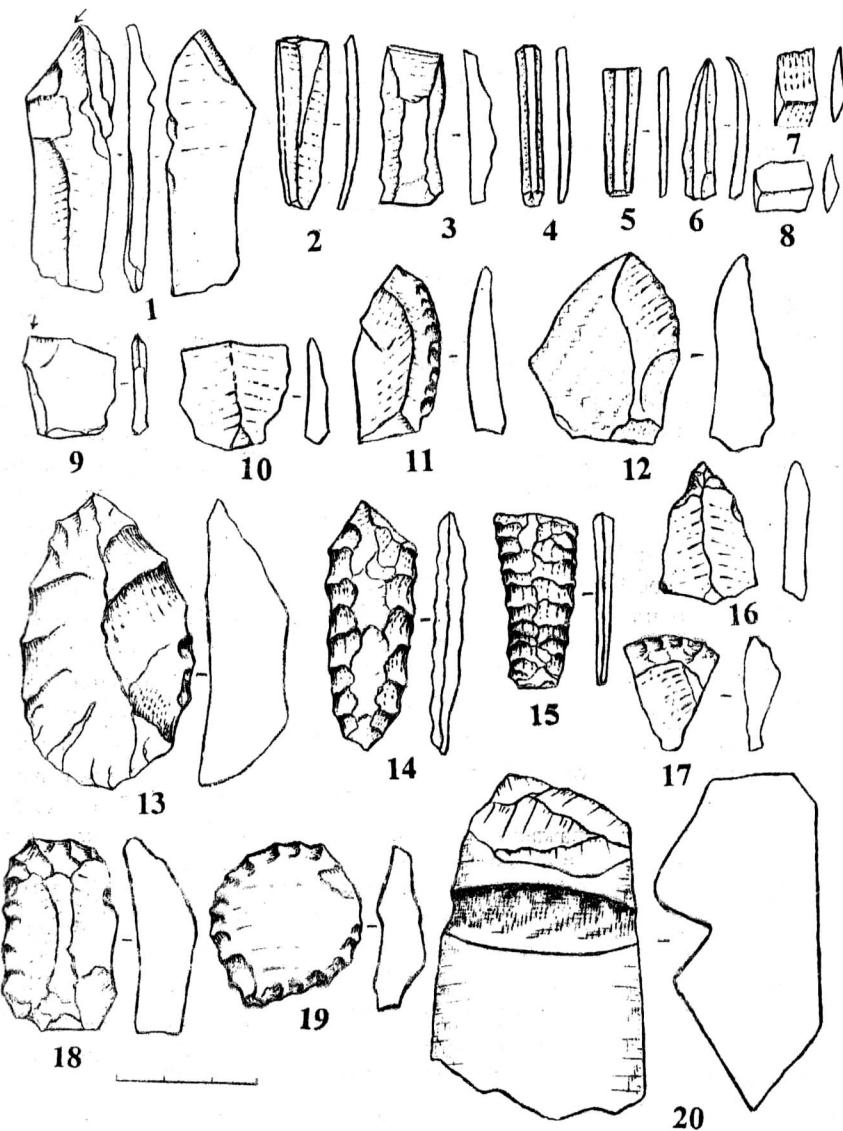

Рис. 7. Рассказань III. Изделия из кварцита (1-19) и сланца (20).

А.И. Юдин
АЛЕКСЕЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ В г. САРАТОВЕ*

В 1998 году были возобновлены исследования Алексеевского городища в Волжском районе г. Саратова. Культурные напластования Алексеевского городища включают находки от эпохи средней бронзы до средневековья, что не часто встречается в Нижнем Поволжье. Расположение же городища в современных границах города и открытие там принципиально новых для региона культурных комплексов настоятельно требуют его сохранения и музеефикации.

Среди других археологических объектов региона городища представляют совершенно особый тип памятников и позволяют проследить ход исторического развития, как минимум, на протяжении последних четырех тысяч лет, несмотря на то, что разновременные комплексы не составляют хронологически непрерывную цепочку, а выступают как бы вехами в процессе исторического развития народов Нижнего Поволжья.

Обширная коллекция материалов Алексеевского городища, накопившаяся за многие годы его исследования, дает возможность рассмотреть ряд конкретных проблем археологического изучения степных и лесостепных культур Нижнего Поволжья. В первую очередь это вопрос о культурной принадлежности местного населения эпохи средней бронзы. Выразительные комплексы валиковой керамики эпохи финальной бронзы с Алексеевского городища позволяют дополнить характеристику этого давно известного, но пока еще мало изученного в Нижнем Поволжье культурного типа. Комплексы раннего железного века показывают наличие контактов населения городища со степными племенами, а также содержат находки, отражающие формирование нового этнокультурного образования во второй четверти I тыс. нашей эры. Значительный интерес представляют материалы средневековья, полученные в последние годы и показывающие существование здесь русского поселка в золотоордынское время.

Обоснование необходимости музеефикации Алексеевского городища, история изучения и краткая характеристика его культурно-хронологических комплексов были изложены автором ранее (Юдин А.И., 1998, 1999, 2000а, 2000б).

В данной работе представлены итоги трех лет полевых исследований (1998-2000 гг.) Алексеевского городища, в результате которых получены данные о характере оборонительных сооружений и построек, о составе находок культурного слоя и времени его формирования, а также

ряд принципиально новых материалов раннего железного века и средневековья:

Алексеевское городище занимает небольшой мыс на правом берегу Волги. С северной стороны он ограничен Алексеевским оврагом, с юга - Дудаковским. С напольной стороны городище защищено валом и рвом. В настоящее время это территория Волжского района г. Саратова, сразу за рвом начинается ул. им. П.А.Столыпина, а застройка вплотную примыкает ко рву городища. Площадка городища слегка покатая с запада на восток, в сторону Волги (высота над уровнем воды - от 28 до 23 м) и имеет длину от вала до оконечности мыса 155 м, ширину - от 110 м в районе вала до 60 м на мысу (рис. 1). Оборонительные сооружения лучше всего сохранились в северной части: здесь вал при ширине в 5-7 м достигает высоты 2-2,5 м со стороны рва и 1-1,5 м со стороны городища.

За три полевых сезона 1998-2000 годов на Алексеевском городище вскрыто около 550 кв. м культурных напластований. На оконечности мыса и вдоль Алексеевского оврага заложен раскоп 1 (430 кв. м), который был прирезан к раскопу О.В.Кочерженко (1992-1993 гг.) с южной стороны. На выбранном участке слой достигал максимальной толщины по краям обрыва вдоль Волги и Алексеевского оврага, постепенно утоньшаясь к центру городища. На участке с минимальной толщиной культурных отложений обнаружены остатки двух русских средневековых построек и несколько хозяйственных ям (рис. 2), подробное описание которых приводится ниже, а также 78 погребений грунтового могильника, перекрывающего культурный слой городища. Для выяснения характера культурных напластований на территории городища заложены 5 шурfov площадью 4 - 16 кв. м, равномерно расположенных по всей площади мыса.

Культурный слой на всех участках мыса сильно перемешан и какая-либо стратиграфия в большинстве случаев отсутствует. Зачастую на одном уровне совместно залегают находки, относящиеся к разным эпохам. Например, на глубине 0,6-0,8 м на всей площади раскопа встречалась керамика средней и финальной бронзы, раннего железного века и средневековья. В соответствии с последовательностью формирования культурного слоя залегали только самые крупные фрагменты керамики и развалины сосудов.

Культурный слой состоит из сильно гумусированной супеси темно-серого цвета в нижней части переходящей в материковый суглинок или супесь. Контакт с материком плавный, за исключением участков с котлованами жилищ и хозяйственными ямами. Толщина культурного слоя колеблется от 0,4 до 1,8 м на разных участках раскопа. Во всех шурфах наблюдалась аналогичная картина стратиграфии.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 01-01-25002 в).

Раскопом 2 произведен разрез вала и рва, сооруженных в раннем железном веке (рис. 3). Сам вал был очень сильно разрушен за прошедшие годы, ров в центральной части засыпан строительным мусором. Раскоп был заложен приблизительно в центральной части вала, перпендикулярно к нему. Его общая длина составила 20 м при ширине 2-3 м (46 кв. м).

Ширина вала едва превышала 4 метра в основании. Вал был насыпан непосредственно на погребенную почву. Для его сооружения использовался материковый суглинок из рва и культурный слой с прилегающей территории. Именно из разреза вала получены наиболее интересные фрагменты керамики катакомбной культуры, в том числе и с многоваликовой орнаментацией. Над материковым суглинком прослежен слой плотного светло-коричневого суглинка толщиной до 0,7 м, а еще выше - 0,5 м светло-серой комковатой супеси. Эти слои собственно и составляют вал. Выше уже залегает гумус, что на данном памятнике равнозначно пахотному слою. Естественно, ранее вал был намного выше - по сведениям Ю.В.Деревягина в 60-е годы вал разрушался с помощью бульдозера при разбивке сада на территории городища.

Со стороны городища к валу, вероятно, примыкало жилище, часть которого попала в раскоп. Об этом говорят заполнение и сама стратиграфическая картина. Заполнение представляло из себя темно-серую смесь супеси, комочеков глиняного прокала, древесных угольков, большого количества золы и очень четко отделялось от погребенной почвы тонкими слоями светлого суглинка и золистыми прослойками. В раскоп также попал очаг открытого типа, от него сохранился слой прокала толщиной до 5 см и около 0,5 м в диаметре. Еще один очаг попал в профиль западной стенки. Он был выкопан в погребенной почве и своим дном почти достигал материка. Диаметр очага составлял около 0,9 м, глубина 0,3 м.

Время сооружения вала и жилища несомненно следует связывать с городецким населением раннего железного века. Керамика РЖВ в небольшом количестве встречалась в описанном заполнении, во рву, но ни один фрагмент не встретился в насыпи вала, где была обнаружена керамика только предшествующего времени - средней и финальной бронзы.

Ров городища имел сложную конструкцию. Не более чем в одном метре от вала он резко ниспадал до глубины 1,3 м от подошвы вала. Ров имел V-образную форму в профиле, но с напольной стороны его глубина уже не превышала 0,5 м, а через полтора метра был устроен еще один ров, на 1 метр глубже первого. Если первый ров имел вид очень узкой канавы, то второй достигал уже 2-4 метров ширины. Более того, перепад в 1,1-1,2 м между уровнем материка под валом и материком с напольной стороны рва, показывает, что, вероятно, ров был еще шире, но в

этом направлении раскоп уже достиг дороги и не мог быть расширен. Общий уклон местности показывает, что подобный перепад не может иметь естественное происхождение. Общий перепад высоты в раскопе от верхней точки вала до dna rva достигает 5 метров.

По дну раскопа было совершенно четко прослежено, что внешний край рва покрыт слоем обожженной глины. Это не прослеживалось при раскопках внутреннего края рва и вала, хотя комки светлой обожженной глины и мелкие древесные угольки встречались по всей толщине культурного слоя раскопа 2.

Вдоль юго-западной стенки край вала резко обрывался и здесь же обнаружена аморфная ямка. В наиболее ее глубокой части сохранилась древесная труха от столба. Если учесть, что в этом месте ров немного отклоняется в южную сторону, то можно предположить, что под бровкой в южном направлении залегают остатки сооружения, маркирующие въезд на городище.

Материалы, полученные в результате исследования культурного слоя в раскопах и шурфах, показали уникальность Алексеевского городища среди подобных памятников Нижнего Поволжья. Обычно городища содержат два, изредка три, разновременных культурных слоя (Степанов П.Д., 1960). На Алексеевском городище ранее были известны комплексы финальной бронзы, городецкий и золотоордынский (Юдин А.И., 2000а). Новыми исследованиями значительно расширен состав культурных комплексов. Добавилась немногочисленная, но выразительная коллекция керамики катакомбной культуры средней бронзы. Выявлены сарматские материалы и керамика второй четверти I тысячелетия н.э. Особенно представительными оказались коллекции средневекового времени, позволившие говорить о существовании здесь русского поселка (Юдин А.И., 2000б).

Ниже приводятся материалы Алексеевского городища и их культурная интерпретация в хронологической последовательности.

Начальный период существования Алексеевского городища связан с поселением катакомбной культуры. Материалы эпохи средней бронзы представлены только керамикой. Каких-либо остатков сооружений, относящихся к этому времени пока обнаружить не удалось. Найдки средней бронзы встречены на всей территории городища, а также в ядре вала городища. Керамика малочисленна и сильно фрагментирована, но по всем технико-типологическим показателям соответствует местному варианту катакомбной культуры и является частым компонентом культурных слоев близлежащих городищ, встречается на поселениях Правобережья и Заволжья (Малов Н.М., Филипченко В.В., 1995, с. 52-53; Юдин А.И., 1997, с. 37-43).

Всего встречены фрагменты от приблизительно трех десятков сосудов. Форма их не реконструируется, но по обломкам венчиков устанавливается существование, как минимум, двух типов сосудов - банок и слабопрофилированных горшков (рис. 4, 1-22). Обжиг неравномерный, цвет черепиков - от черного до светло-коричневого. Пять тонкостенных сосудов, украшенных горизонтальной елочкой, имеют примесь ракушек, а фрагмент с налепным валиком - примесь белой крошки (рис. 4, 8).

Фрагменты орнаментированы, в основной массе, гребенчатым штампом, образующим горизонтальные елочные композиции (рис. 4, 15-22). Четыре сосуда украшено треугольными в сечении валиками (рис. 4, 1, 3, 8), еще 6 - оттисками шнура (рис. 4, 2, 4-6, 13, 14). Встречены также фрагменты с гладким штампом, прочерком и пальцевыми защипами.

Малое количество керамики не позволяет определить ее хронологическое положение в рамках катакомбной культуры, следует только отметить наличие керамики с треугольными в сечении валиками, относящейся к концу среднебронзового века.

Намного представительней коллекция керамики финальной бронзы. Данная керамика получила название в литературе ивановская или хвалынская (Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семёнова А.П., 1983, с. 27-28; Колев Ю.И., 1988, с. 103-104; Изотова М.А., Малов Н.М., 1992, с. 96-115; Изотова М.А., 1996, с. 31-43).

Большая часть фрагментов керамики происходит от крупных сосудов с диаметром венчиков свыше 20 см. Тесто глины плотное, без замятных примесей. Цвет внешней поверхности сосудов темно-серый, в изломе - всегда черный.

Всего обнаружены развалы и фрагменты от более полусотни сосудов (рис. 5-9); 47 из них представлены фрагментами верхней трети, один из них реконструируется почти полностью (рис. 5, 1). Обнаружены сосуды только горшковидной формы, которые в зависимости от оформления венчика распределяются на четыре группы.

Наиболее многочисленную группу составляют сосуды, украшенные налепным или отянутым округлым валиком - 44,5% (рис. 5; 6; 7, 1-3). Валик обычно невысокий, иногда едва заметный. Как итог эволюции валиковой орнаментации можно рассматривать фрагмент венчика, на котором от валика остался только один орнамент (рис. 7, 4). В одном случае края валика просто слегка заглублены в стенку и он не возвышается над ней (рис. 5, 1), что еще раз подтверждает высказанное ранее мнение о знаковом, а не функциональном характере подобных украшений (Горбов В.Н. и др., 1999, с. 75). Сам валик украшен крестами (рис. 5, 1-7), косыми насечками (рис. 6, 2-8) и в одном случае - зигзагом (рис. 6, 1). Орнамент выполнен гладким или зубчатым штампом. Изредка орнаментировались зоны, прилегающие к валику (рис. 7, 1-3).

Вторая группа самая немногочисленная (13%) и включает сосуды, венчик которых украшен воротничком. Половина из них орнаментирована косыми насечками по нижнему краю воротничка (рис. 8, 1-5).

В третью группу объединены сосуды (25,5%), орнаментированные воротничком и валиком (рис. 8, 6-9). Причем, более чем у половины сосудов от валика остался только орнамент (рис. 9, 1-6). Выделяются фрагменты сосуда с сильно утолщенным венчиком подтреугольного сечения (рис. 9, 5).

Четвертую группу составляют неорнаментированные горшки (17%) с различной степенью профилярованности стенок (рис. 9, 7-14).

Из других находок ко времени финальной бронзы, вероятно, следует отнести бронзовое шило из нижней части культурного слоя раскопа 1, хотя не исключен его более ранний возраст. Шило обовообразное, четырехгренное в сечении, длина 7 см (рис. 9, 15).

Анализ расположения керамики в культурном слое по глубине, несмотря на его перемешанность, показал, что керамика первой группы (с валиком) в целом залегает несколько глубже, чем керамика второй и третьей групп, хотя основная часть керамики всех групп залегала совместно на глубине от 0,4 до 1 м.

За три полевых сезона в культурном слое не встреченено ни одного фрагмента срубной керамики, поэтому, данный валиковый комплекс можно считать одним из наиболее чистых в лесостепном Правобережье Волги.

Максимальная близость комплексу валиковой керамики Алексеевского городища обнаруживается на ближайшем же памятнике - Танавском городище, расположенном всего в четырех километрах севернее (Колев Ю.И., 1988, с. 103-104, рис. 1-3; Изотова М.А., Малов Н.М., 1992, с. 96-115). Танавская коллекция также считается наиболее "чистой", без инокультурных примесей, а если брать опубликованные комплексы, то и единственная для северной части Нижнего Поволжья.

В последнее время наиболее полную характеристику аналогичная керамика степной и лесостепной зоны Поволжья получила в рамках ивановской культуры¹ и датируется XIV-XII вв. до н.э. (Колев Ю.И., 2000, с. 251-256).

Керамика раннего железного века как и в двух предыдущих случаях, вычленяется из общей массы по типологическим признакам. Ко времени РЖВ относится жилище, частично исследованное в раскопе 2, но оно не дало выразительного комплекса керамики.

¹ Название «хвалынская» для памятников с валиковой керамикой представляется менее удачным, так как в литературе данное название уже давно закрепилось за хвалынской энеолитической культурой этого же региона.

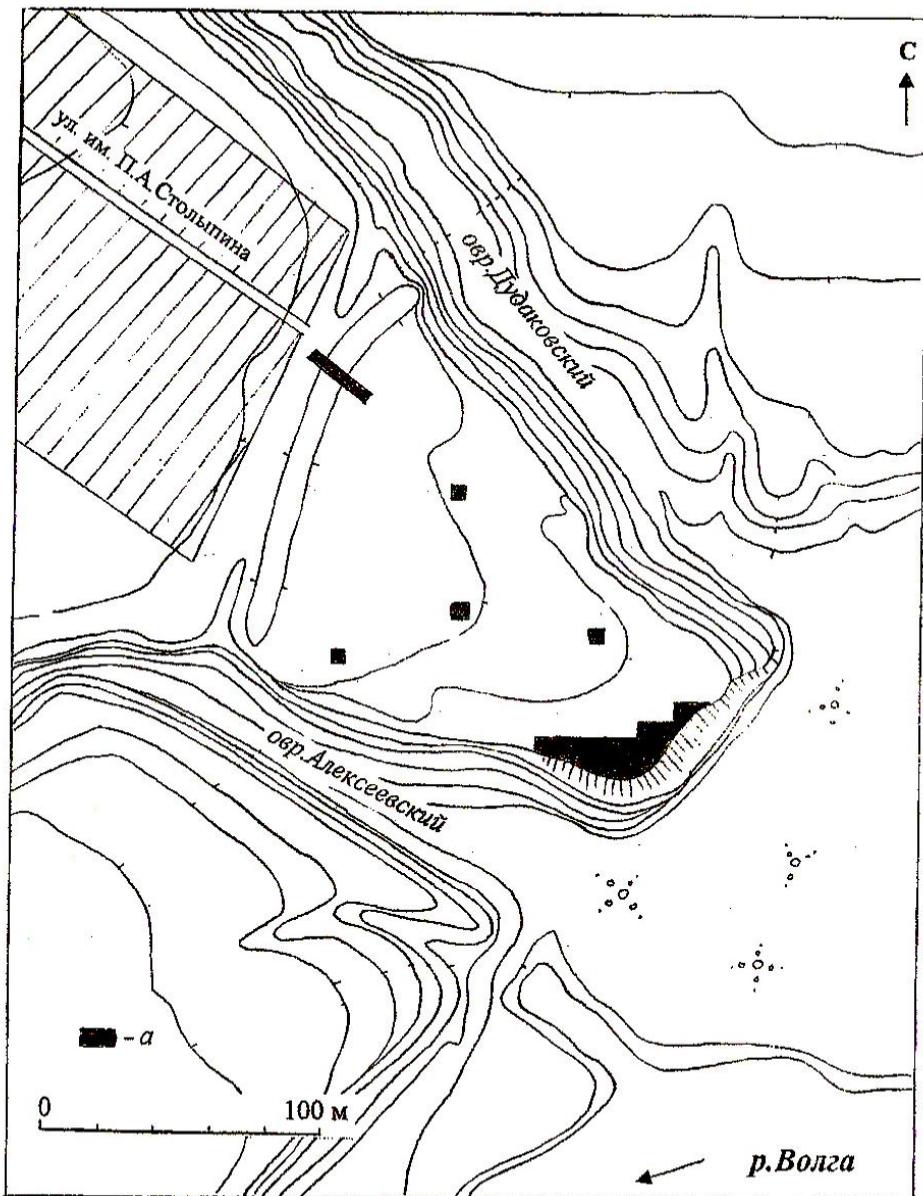

Рис. 1. План Алексеевского городища в Волжском районе г.Саратова.
а – раскопы и шурфы.

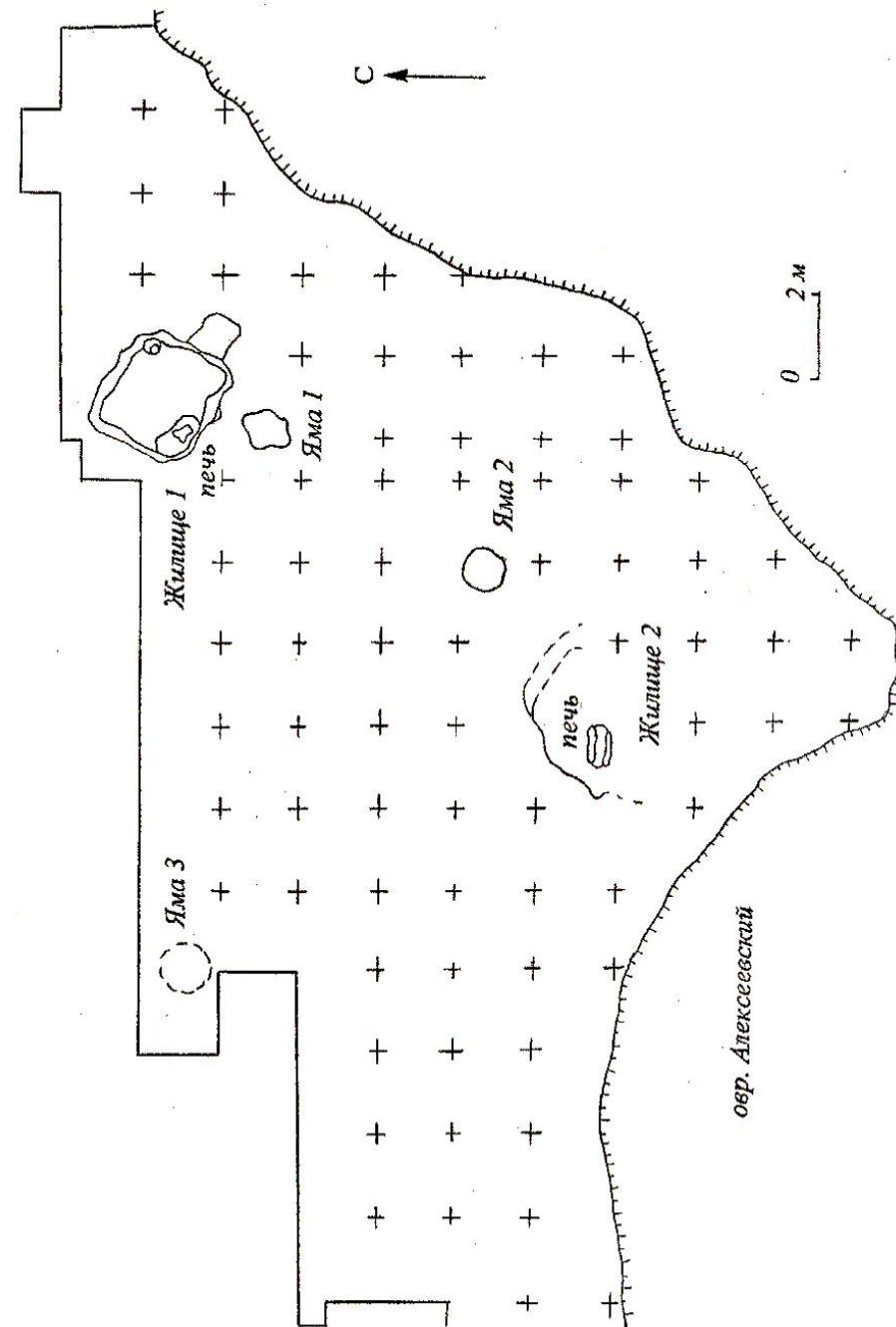
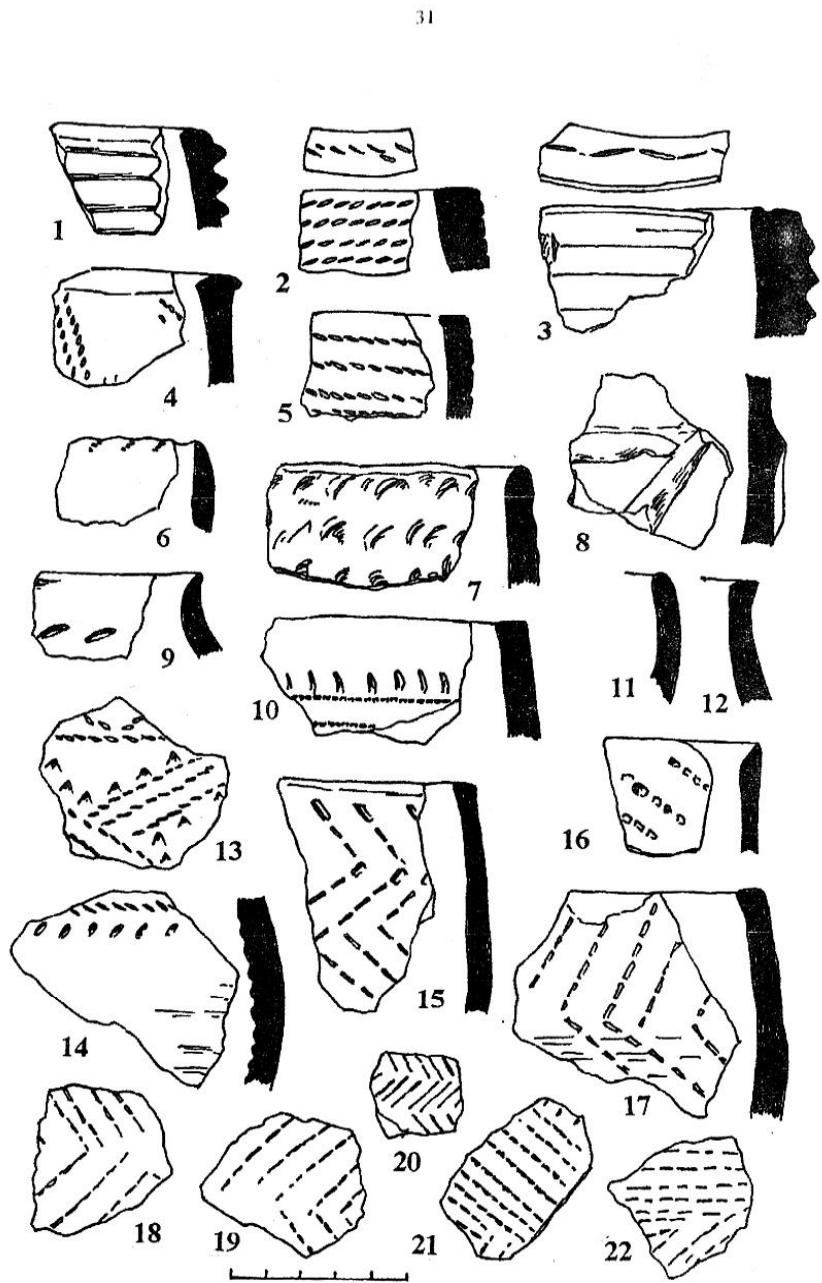
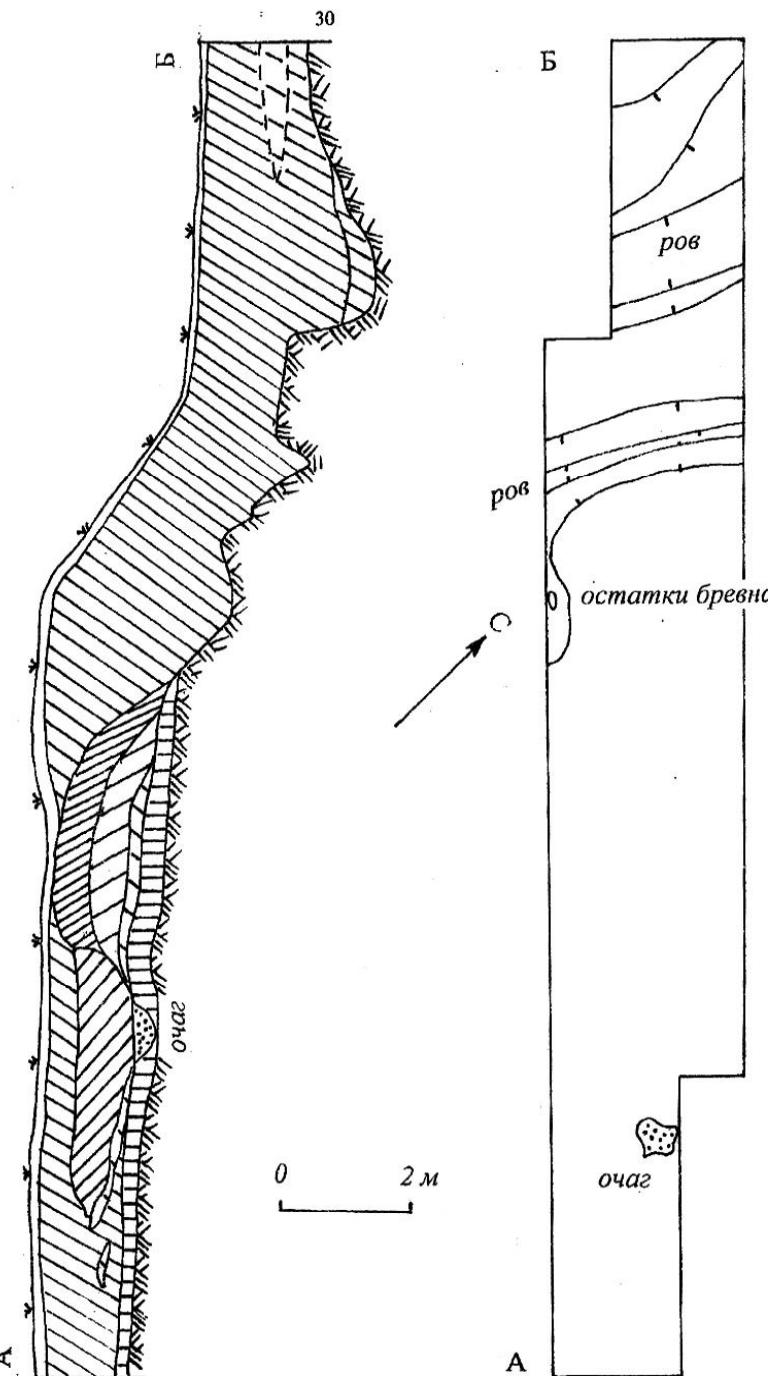

Рис. 2. Алексеевское городище. План западной части раскопа I.

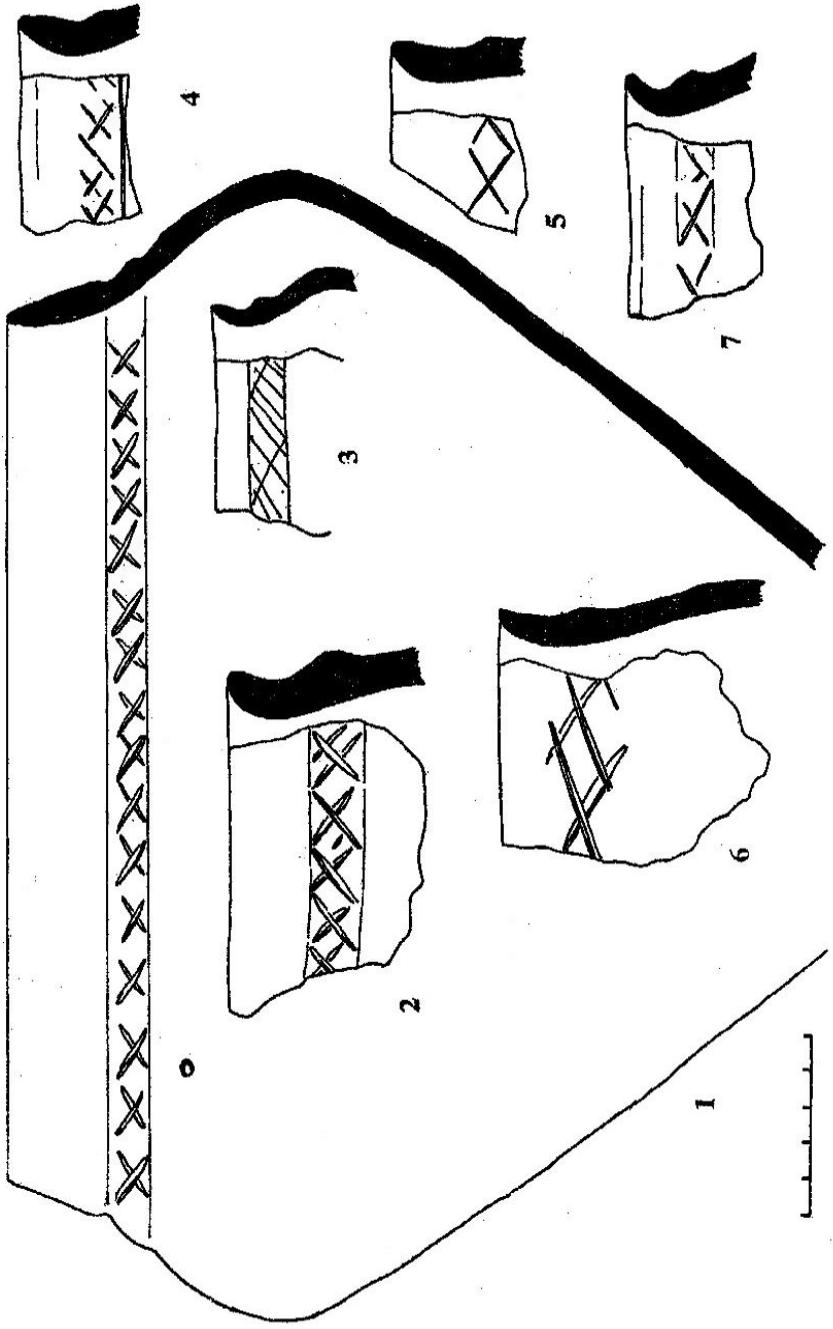

Рис. 5. Алексеевское городище. Керамика финальной бронзы.

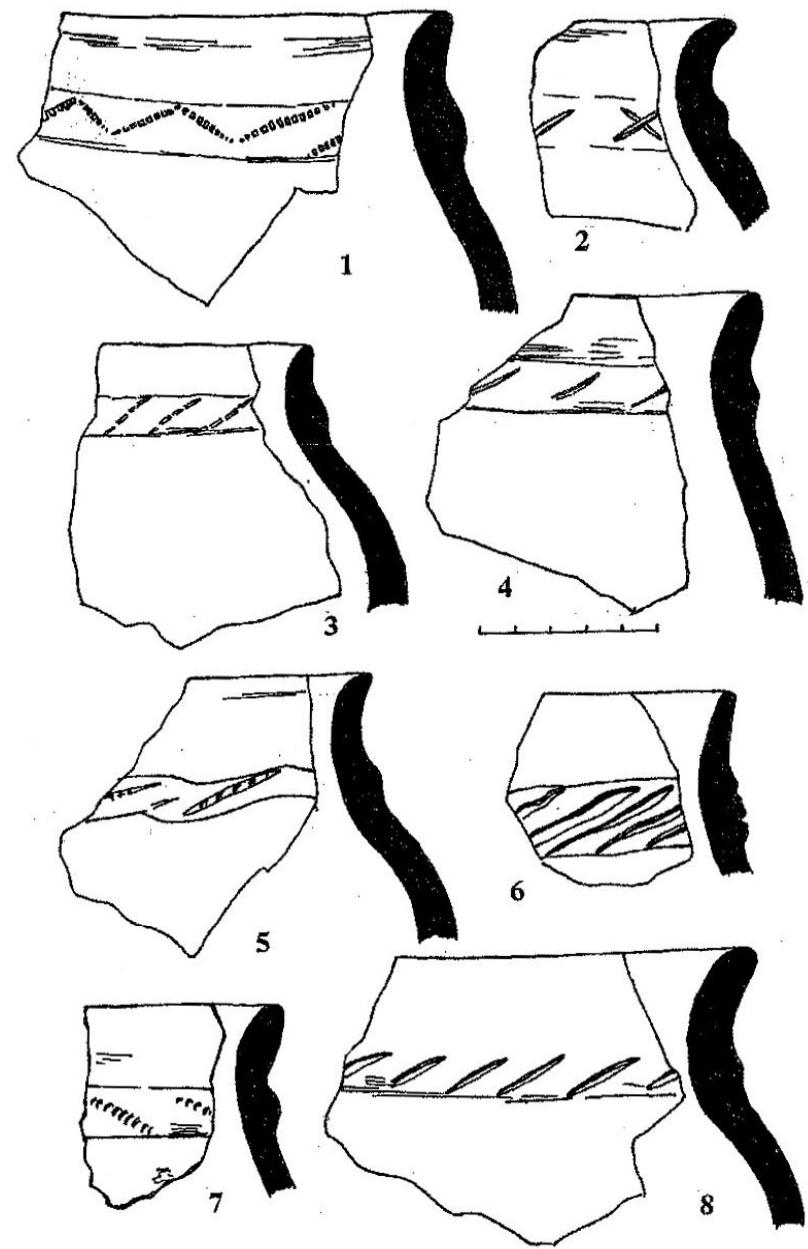

Рис. 6. Алексеевское городище. Керамика финальной бронзы.

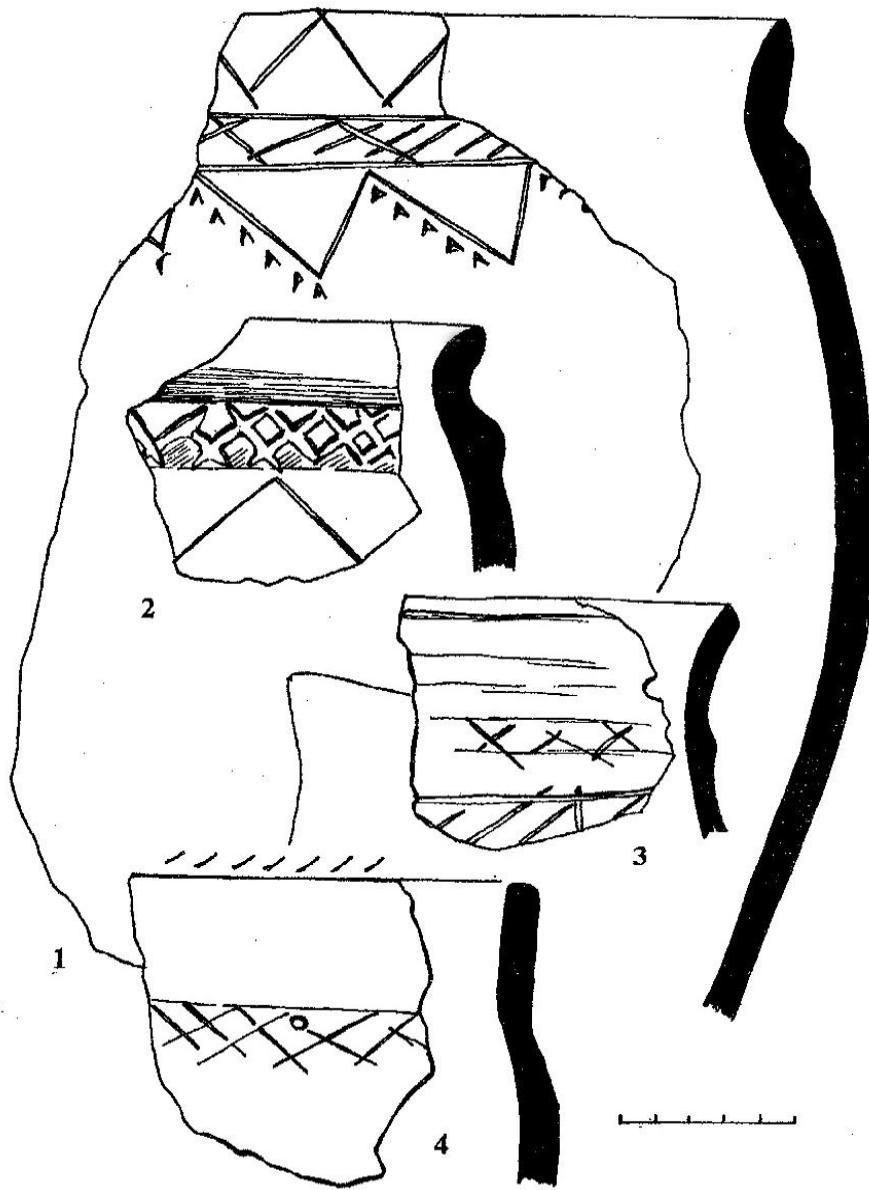

Рис. 7. Алексеевское городище. Керамика финальной бронзы.

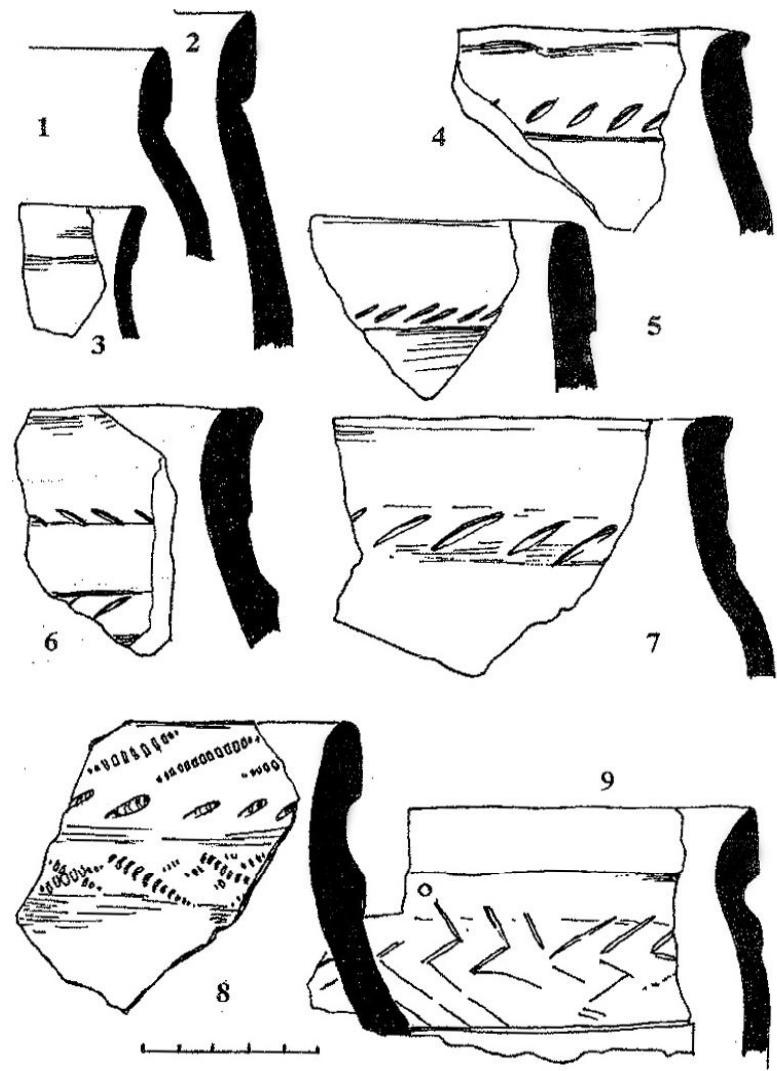

Рис. 8. Алексеевское городище. Керамика финальной бронзы.

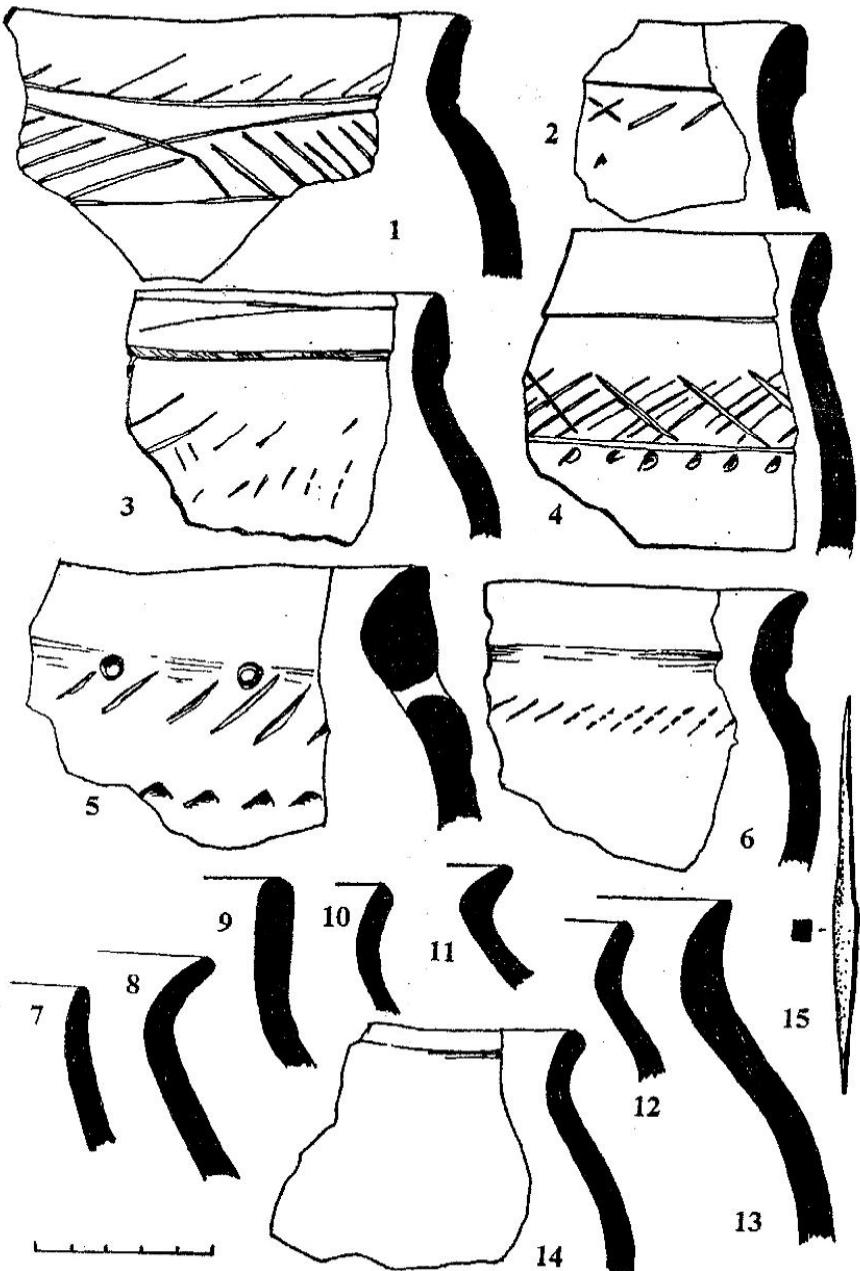

Рис. 9. Алексеевское городище. Керамика финальной бронзы (1-14) и бронзовое шило (15).

Наиболее ранний комплекс РЖВ - это городецкая керамика с псевдорогожным и текстильным орнаментом. Эти два типа городецкой керамики, несмотря на свою малочисленность, были встречены на всей территории городища, залегали на одном уровне (с глубины 140 см на участках с мощным культурным слоем) и везде тяготели к нижней части культурного слоя.

Фрагменты керамики происходят от плоскодонных банок и слабо профилированных горшков. Срезы венчиков имеют Т или Г-образную форму. Всего найдены фрагменты от 20-22 сосудов с псевдорогожным орнаментом (рис. 10, 1-8) и фрагменты от полутора десятков сосудов с текстильным орнаментом (рис. 10, 9-14). Орнамент покрывает все тулоно сосуда, иногда заходит на срез венчика и дно. Псевдорогожный орнамент в большинстве случаев нанесен небрежно, отпечатки штампа ставились на разную глубину. Ячейки штампа имеют различные размеры и форму. Еще более разнообразен текстильный орнамент. В тесте глины городецкой керамики имеется обильная примесь дресвы и мелкой белой крошки, что сразу же отличает ее от другой керамики РЖВ. Цвет поверхности и всей толщины черепка - светло-коричневый, желтый, светло-серый, изредка встречаются и черные фрагменты с теми же примесями. Более светлый обжиг керамики также выделяет ее среди остальных сосудов раннего железного века.

Обнаружено грузило от ткацкого станка. Оно имеет подпрямоугольную форму, нижняя часть слегка расширена, а в верхней есть сквозное отверстие (рис. 11, 16). Длина предмета - 8,8 см, ширина 4,5 - 3 см.

К городецкому комплексу также, вероятно, относится керамическая лячка (рис. 11, 3). Аналогичные лячки хорошо известны на городецких памятниках. Ручка у лячки обломана. Каких-либо следов контакта с металлом предмет не имеет и по составу теста глины и качеству обжига ничем не отличается от остальных керамических изделий городецкой культуры. Еще два миниатюрных керамических сосуда также можно соотнести, скорее всего, с городецкими древностями.

Один миниатюрный лепной сосуд баночной формы со слегка прикрытым устьем украшен небрежно прочерченными крестами и линиями (рис. 11, 1). Стенки неровные, тесто глины черное, с легкой примесью очень мелкого песка. Размеры сосуда: высота 6 см, диаметр устья 7,3 см, дна - 3,5 см.

Другой миниатюрный сосуд имеет темно-серый цвет, плотный обжиг. Края венчика оформлены очень небрежно и на первый взгляд создают представление о разрушенном срезе. При более внимательном осмотре оказалось, что венчик не подвергался разрушению, сосуд имеет разную высоту - 3,3 см по одному краю и 4,2 см по другому, где был

оформлен слив (рис. 11, 2). Форма сосуда - простая банка со слегка прикрытым устьем, диаметр максимального расширения туловища 4,4 см, дна - 2,5 см.

Встречено полтора десятка керамических пряслиц биконической и усеченно-конической, круглой и цилиндрической формы, а также два плоских пряслица (рис. 11, 4-7, 9-15). Пряслица имеют темно-серый или светло-коричневый цвет. Высокие битрапециевидные, круглые и цилиндрические пряслица являются обычными находками на городецких памятниках. Но в целом, аналогичные пряслица имеют широкий культурный и хронологический диапазон и встречаются в сарматских погребениях, поселенческих памятниках лесостепного Подонья первых веков нашей эры (особенно показателен фрагмент пряслица с огранкой – рис. 11, 6) и даже среди средневековых русских находок XII-XIV вв. Одно из двух плоских пряслиц сразу было изготовлено из глины как пряслице и только после этого подвергнуто обжигу (рис. 11, 5). Пряслице имеет краснокирпичный цвет и диаметр 3,5 см, а диаметр отверстия - 1,2 см. Аналогичные предметы обнаруживаются на поселенческих памятниках лесостепного Подонья во второй четверти I тыс. н.э. Другое пряслице имеет намного более ранний возраст, так как изготовлено из стенки лепного сосуда темно-серого цвета (рис. 11, 4). Диаметр 3,3 см, диаметр отверстия 1 см.

Некоторые другие находки также имеют широкий хронологический диапазон бытования. Это орудия из различных пород камня. Найден пест из сливного песчаника светло-коричневого цвета. Он имеет подпрямоугольную форму, в поперечном сечении – трапециевидный, оба торца являются рабочими. С двух сторон нижнего, более широкого торца, имеются рабочие сколы (рис. 11, 8). Длина 10,2 см, ширина 6 см, толщина 4-4,8 см. Трудно определить и хронологическое положение каменного отбойника. Круглый, уплощенный с обеих сторон отбойник изготовлен из плотного мелкозернистого песчаника серого цвета. По всему периметру предмета имеется характерная забитость. Диаметр отбойника - около 8 см, толщина - до 4 см. Встречено орудие неопределенного назначения. Это округлый предмет диаметром около 6 см. С одной стороны он несколько утончается, что придает ему грушевидную форму. Орудие слегка пришлифовано со всех сторон. Изготовлено из опоки светло-серого цвета (рис. 11, 17).

Также найдены абразивные плитки различных размеров и формы из коричневого песчаника. Из него же изготовлено небольшое грузило овальной формы с проточенной бороздкой для подвязывания по всему периметру.

Комплекс городецкой керамики слишком фрагментарен, и поэтому время его бытования пока можно определить очень приблизительно, тем

более, что среди исследователей нет единого мнения по поводу хронологии городецких памятников региона. Алексеевское городище относится к нижневолжскому (юго-восточному) варианту городецкой культуры. В.Г.Миронов считал, что Хвалынские городища, входящие в северную часть этого варианта, возникают еще в протогородецкий период (VIII-VII вв. до н.э.), более южные городища - Березниковское, Чардынские и Танавское - в раннегородецкий (VI-V вв. до н.э.). Территориально к последним примыкает с юга и Алексеевское городище. Развитый период культуры (IV-II вв. до н.э.) характеризуется постепенной сменой к III-II вв. керамики с крупноячеистой фактурой сосудами с беспорядочными отпечатками (Миронов В.Г., 1995, с. 71-72, 78-79). Аналогичные черты отмечены выше для Алексеевского комплекса городецкой керамики.

По всем признакам основная часть городецкой керамики Алексеевского городища вполне сопоставима с городецкими памятниками развитого (второго) периода Прихоперья (Шапкино I и VI), которые датируются VI-IV вв. до н.э. (Хреков А.А., 2000, с. 65-71). Но в отличие от Прихоперья, где есть раннегородецкие материалы, керамику Алексеевского городища можно датировать никак не ранее, чем концом этого периода. Очень близки характеристики керамического комплекса с находками на городищах Самарской Луки, где они датируются более поздним временем. По мнению Г.И.Матвеевой, городецкие племена появились на Средней и Нижней Волге не позднее IV в. до н.э. (Матвеева Г.И., 2000а, с. 86-89). Таким образом, начало формирования городецкого культурного слоя с псевдорогожной и текстильной керамикой следует относить приблизительно к IV в. до н.э., а возможно и позднее. Городецкое население могло появиться здесь где-то в III-II вв. до н.э., когда псевдорогожная керамика с крупноячеистой фактурой заменяется сосудами с беспорядочными отпечатками, что характерно для алексеевской городецкой керамики.

Вторая группа керамики раннего железного века Алексеевского городища - гладкостенная керамика с орнаментированным срезом венчика. Гладкостенные лепные сосуды с орнаментированным срезом венчика ранее считались неотъемлемым компонентом городецкой культуры, но по последним данным, вероятно, большая их часть хронологически более поздняя, нежели собственно городецкая керамика. Гладкостенная керамика представлена несколькими формами сосудов. Основу комплекса составляют горшки средних размеров. Всего найдены фрагменты от 65 горшков, но большая часть керамики представлена фрагментами, по которым форма сосуда полностью не восстанавливается.

Среди гладкостенной керамики выделяются фрагменты от 11 горшков с прямым и резко отогнутым наружу венчиком (рис. 12, 1-11). Планиграфически они не обособлены, залегают несколько выше, чем го-

родецкая керамика, концентрируясь на глубине от 0,4 до 0,8 м. Из трех сосудов, залегавших глубже, два отличаются от остальной керамики по составу теста. Один из них, с неглубокими пальцевыми защипами по краю венчика (рис. 12, 1), по характеру обжига и составу теста (примесь дресвы и мелкой белой крошки) более всего сопоставим с псевдорогожной городецкой. Второй сосуд имел обильную примесь толченой раковины (рис. 12, 2). Остальная керамика имеет светло-коричневую поверхность, в изломе - черная (рис. 12, 3-9). Выделяются два крупных сосуда из очень плотного теста. Один имеет примесь крупной и редкой белой крошки (рис. 12, 10), другой - приостренный срез венчика (рис. 12, 11). Кроме резко отогнутого венчика эту керамику объединяет еще единый способ орнаментации - неглубокие ногтевые насечки и пальцевые вдавления по внешнему краю венчика. Часть этих сосудов по характерной форме венчика обнаруживает сходство с лепными горшками третьего типа III Чертовицкого городища на Верхнем Дону, где они бытуют в полностью сформировавшемся виде с рубежа нашей эры в комплексе с сероглиняными круговыми сарматскими мисками (Медведев А.П., 1998а, с. 44).

Другая часть гладкостенных горшков отличается более плавной профилировкой и различается характером оформления венчиков и способом их орнаментации. Найдено несколько развалов.

По одному из них удалось полностью восстановить форму сосуда. Это крупный горшок с плавным профилем, небольшим плоским дном и широким устьем. Край венчика украшен насечками-гусеничками, выполненными оттисками ископаемой раковины-аммонита (рис. 13, 1). Цвет поверхности светло-коричневый, в изломе - черный. Обжиг равномерный. Высота сосуда 37 см, диаметры: дна - 10,5 см, максимального расширения туловы - 35 см, шейки - 30 см, устья - 32 см.

Также удалось выполнить частичную реконструкцию еще одного аналогичного горшка с округлыми боками и плавно отогнутым венчиком. Венчик по краю украшен насечками, выполненными трехзубым штампом. Сохранившаяся высота горшка 17,5 см. Диаметры: венчика 20 см, максимального расширения туловы 22 см, шейки 18 см (рис. 13, 2).

Более выражена профилировка у третьего горшка, реконструируемого до середины туловы. Срез венчика орнаментирован пальцевыми защипами. Практически от венчика и по всей сохранившейся высоте туловы по диагонали нанесены легкие волнистые отпечатки протянутым штампом (рис. 13, 3). Создается впечатление, что это не столько украшение, сколько технический прием выравнивания стенок сосуда. Диаметр венчика - 17 см, туловы - 22,5 см; высота сохранившейся части - 12,5 см.

Остальная керамика фрагментирована, но в целом, по обломкам венчиков, определяется, что в морфологическом отношении керамика составляет относительно единую группу, различаясь, как уже говорилось, степенью отогнутости венчика и характером его оформления. Фрагменты происходят от горшков с плавным профилем, украшены только по краю венчиков с внешней стороны пальцевыми защипами и ногтевыми насечками, а один сосуд имел прямой венчик (рис. 13, 5). Только у двух фрагментов насечки выполнены каким-то инструментом и нанесены по верхнему срезу. Вся посуда плоскодонная. Внешняя поверхность имеет черный, темно-серый или бурый цвет, иногда - светло-коричневый. В изломе черепок всегда черный, зачастую тесто глины имеет едва заметную примесь мелкой белой крошки (рис. 13, 4, 5; 14, 1-4).

Гладкостенная керамика по форме обнаруживает определенные параллели с сарматскими лепными плоскодонными горшками из погребений первых веков нашей эры (тип I, II, IV) на территории Нижнего Поволжья (Скрипкин А.С., 1984, с. 28, 142), отличаясь несколько более крупными размерами. Но подобное различие практически всегда наблюдается между погребальной и бытовой керамикой.

Гладкостенная керамика всегда сопоставлялась со скифо-сарматским воздействием на население лесостепи. Н.В. Трубникова отмечала, что на поволжских городищах гладкостенные горшки с украшенным срезом венчика не поддаются хронологическому вычленению, т.к. существуют на протяжении всей скифо-сарматской эпохи, хотя на северных, приокских памятниках они относятся к позднему периоду раннего железного века (Трубникова Н.В., 1950, с. 129). В.Г. Миронов также считал, что часть гладкостенной керамики могла относиться к городецкому комплексу, но подавляющее ее большинство сопоставлялось с более поздними памятниками Верхнего Дона (Миронов В.Г., 1976, с. 20).

В последнее время, при характеристике городецких комплексов сопредельных регионов, гладкостенная керамика уже не рассматривается в качестве непременной составляющей этой культуры (Матвеева Г.И., 1986, с. 158-60; Матвеева Г.И., 2000а, с. 86-89; Хреков А.А., 2000а, с. 5-7), а определяется как принадлежность другого культурного образования, возникшего в результате инфильтрации сарматского населения в лесостепную зону и какое-то время сосуществовавшего с городецким.

Городецкая культура в лесостепном правобережье Волги прекращает свое существование в I в. н.э. (Миронов В.Г., 1976, с. 3; Матвеева Г.И., 2000а, с. 88), а финское (городецкое) население под давлением сарматских племен перемещается в Окско-Сурско-Цнинское междуречье (Вихляев В.И., 2000, с. 48-49), тогда как гладкостенная керамика продолжает встречаться в комплексах городищ и в последующее время на

протяжении еще нескольких веков. В целом, совместное залегание городецкой и гладкостенной керамики, например, на Верхнем Дону, рассматривается как результат прямых контактов и взаимодействия двух разноэтнических культурных миров – лесного городецкого и лесостепного скифоидного (Медведев А.П., 1993, с. 79-90). Вероятно, аналогичная картина существовала и в лесостепном Правобережье Волги, где пришли городецкие племена вступали в контакты с сарматским населением, что нашло отражение в керамическом комплексе Алексеевского городища.

Однако анализ керамики Алексеевского городища показывает, что не менее сильная направленность связей существовала не только по линии север-юг, но и в направлении восток-запад, что характерно для лесостепной зоны, начиная еще с каменного века (Васильев И.Б., 1999, с. 16). Действительно, значительная часть керамических аналогий обнаруживается на городищах и селищах лесостепного Прихопперья и Верхнего Подонья. Здесь гладкостенная керамика, как и на Алексеевском городище, составляет основу комплексов первых веков нашей эры. Истоки гладкостенных сосудов усматриваются в среднедонской культуре скифского времени (Медведев А. П., 1998б, с.7-10). Значительная часть лепных горшков Алексеевского городища по многим основным параметрам находит прямые аналогии с гладкостенной керамикой (лепные горшки I-III типов по А.П.Медведеву) первых веков н.э. Верхнего Подонья

Еще несколько гладкостенных сосудов встречены в единичных экземплярах, но представляют несомненный интерес в плане культурного и хронологического определения комплекса первой половины I тыс. н.э., поскольку также указывают на существование связей по линии восток – запад.

В первую очередь это развал крупного округлобокого сосуда. Сосуд лепной, сохранность плохая. Форма сосуда восстанавливается графически, но очень приблизительно. Округлобокий сосуд имел невысокий и немного отогнутый венчик, плоское дно с закраиной. Слегка бугристая поверхность с отпечатками травы в некоторых местах подплощена. Цвет поверхности светло-коричневый, в изломе и изнутри – черный (рис. 14, 5). По технологическим признакам сосуд можно сравнивать с сарматской керамикой, хотя точные аналогии среди погребальных сарматских памятников Нижнего Поволжья или находок из культурного слоя городищ этого региона мне не известны. Из всех размеров достаточно уверенно реконструируется только диаметр венчика - 15,5 см.

Развалы и фрагменты еще пяти сосудов имеют небольшие размеры относительно остальной гладкостенной керамики, типологически отличаясь от нее.

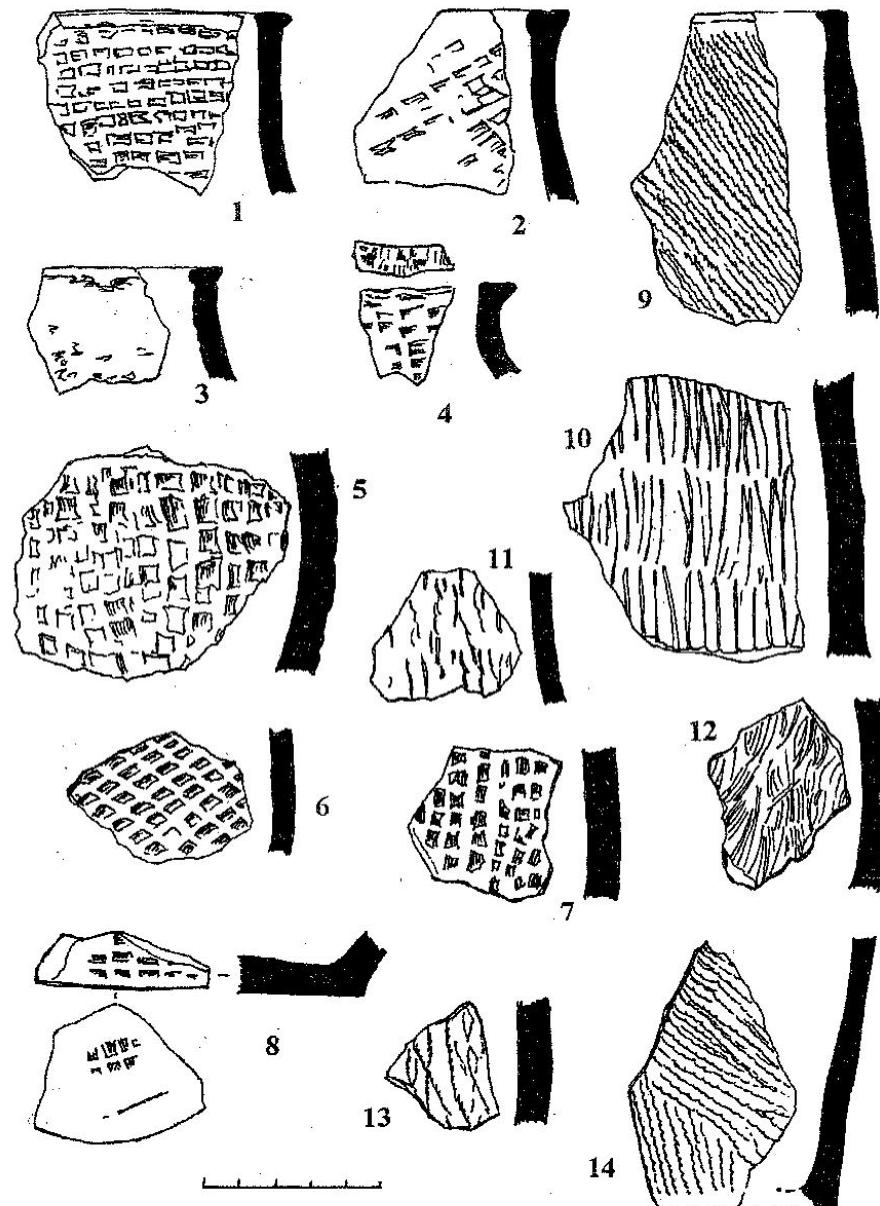

Рис. 10. Алексеевское городище. Керамика городецкой культуры.

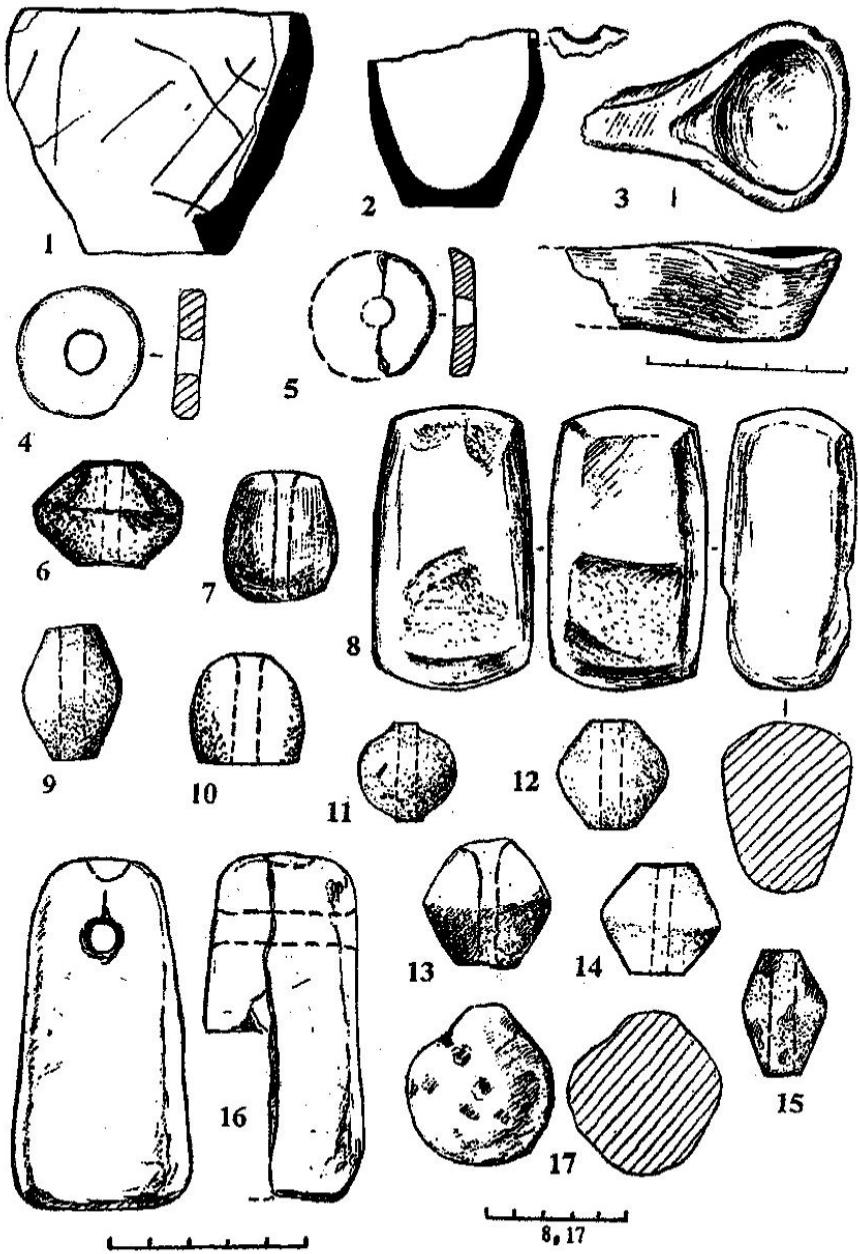

Рис. 11. Алексеевское городище. Находки из культурного слоя. 8, 17 – камень; остальное – керамика.

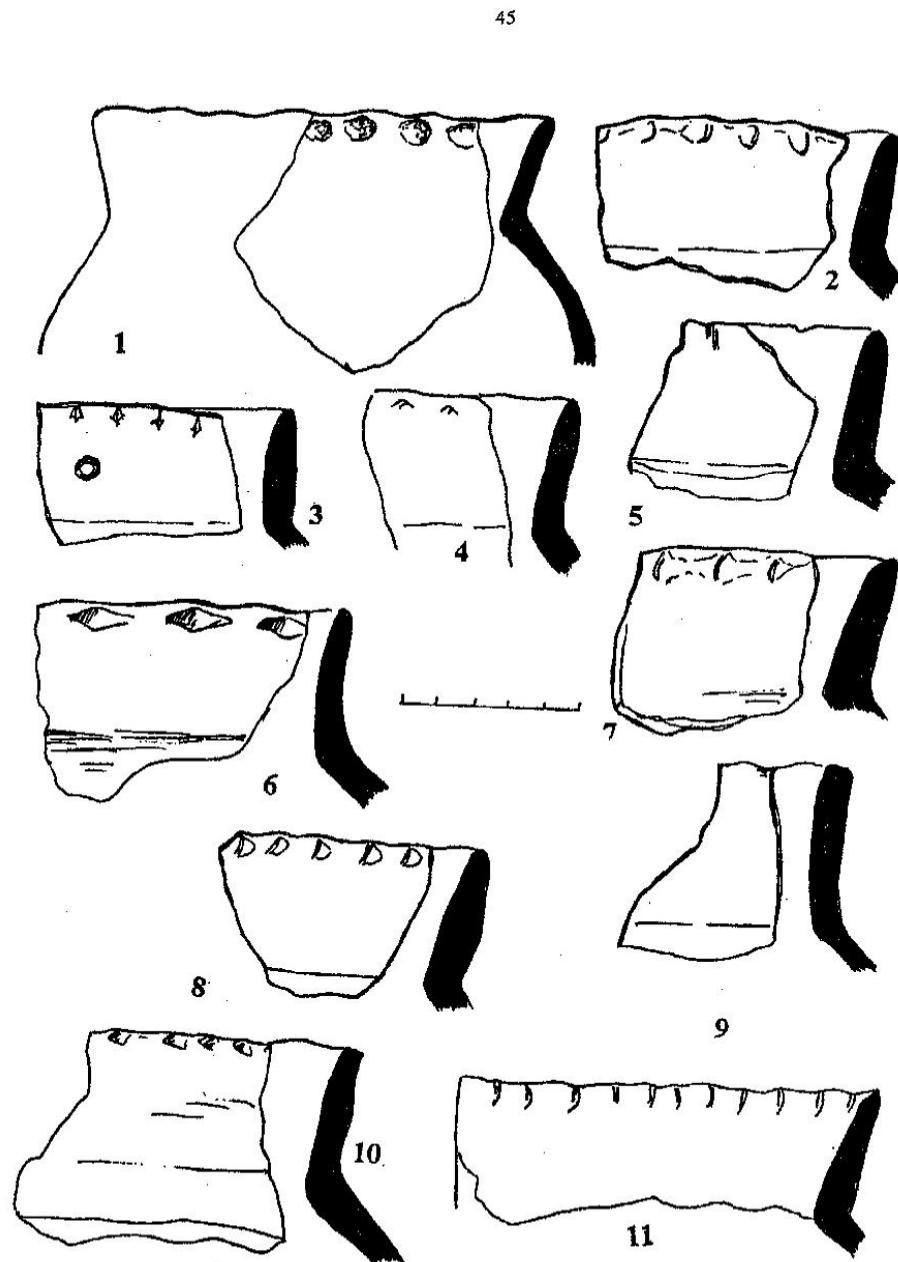

Рис. 12. Алексеевское городище. Гладкостенная керамика

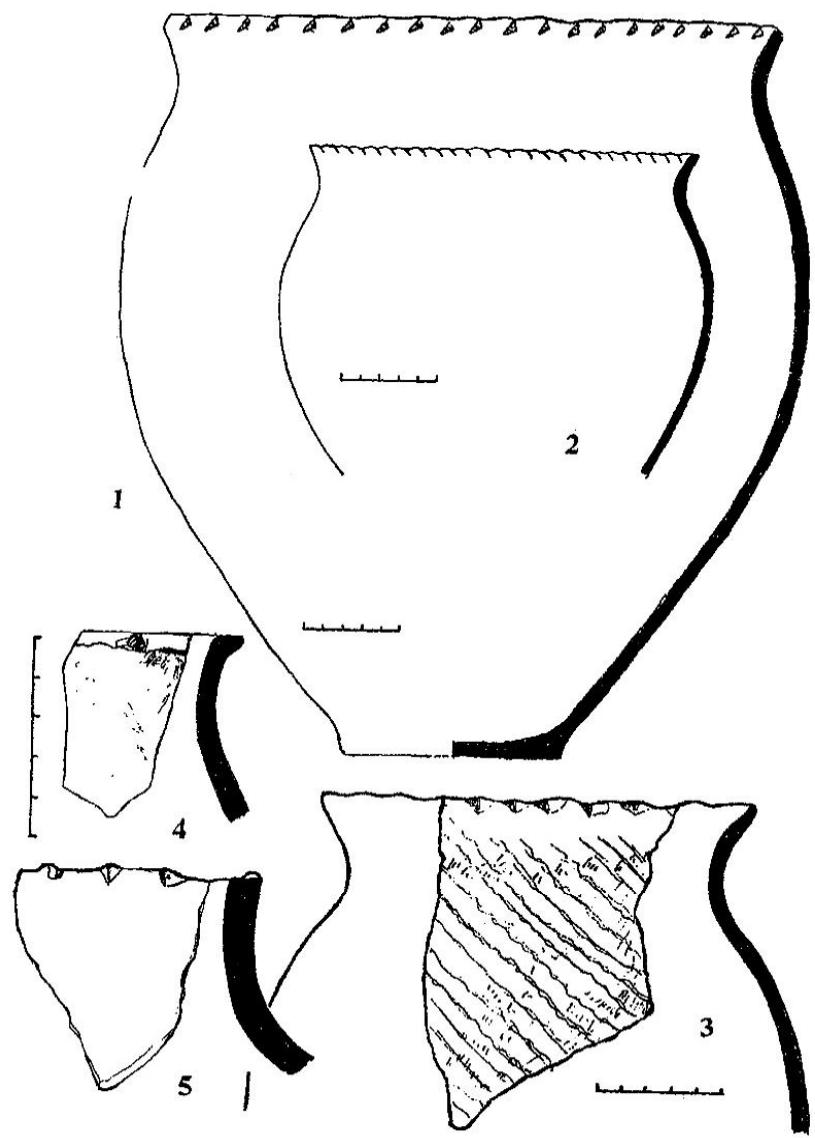

Рис. 13. Алексеевское городище. Гладкостенная керамика.

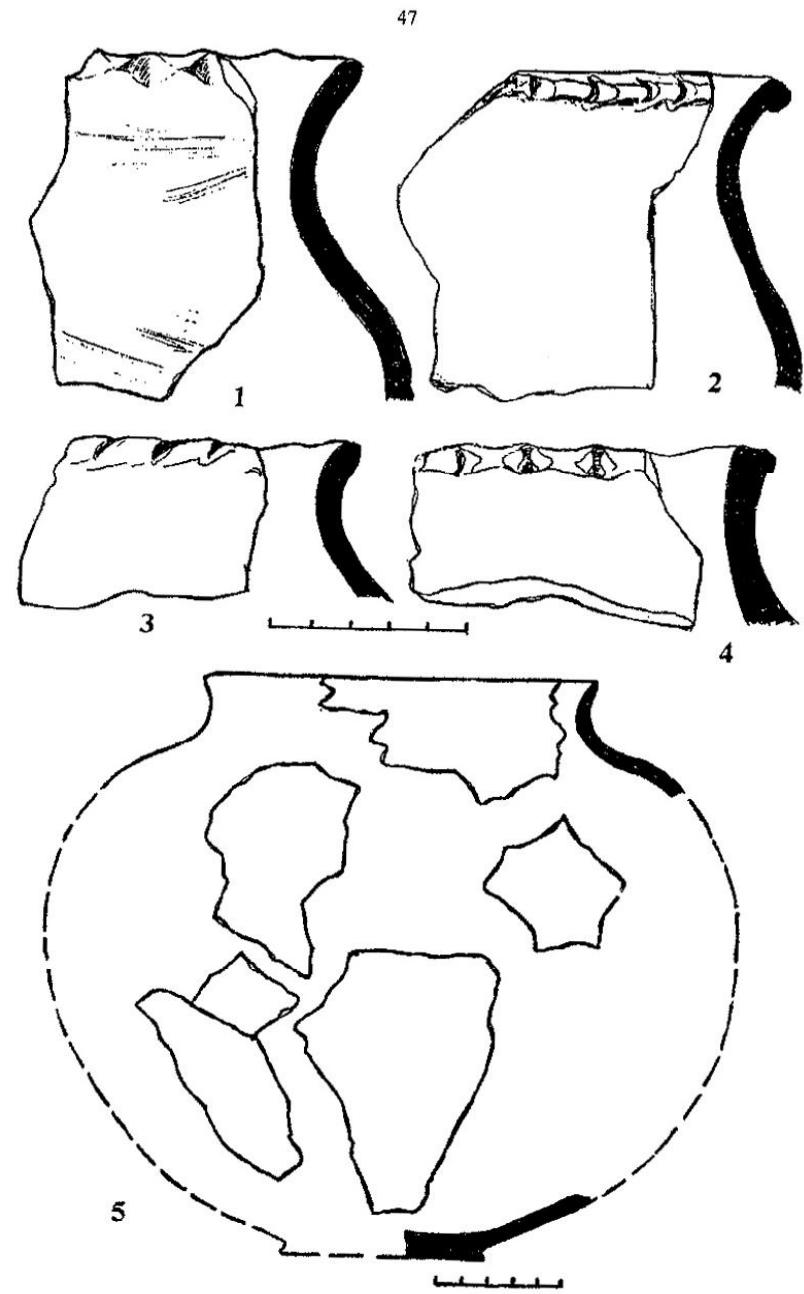

Рис. 14. Алексеевское городище. Гладкостенная керамика.

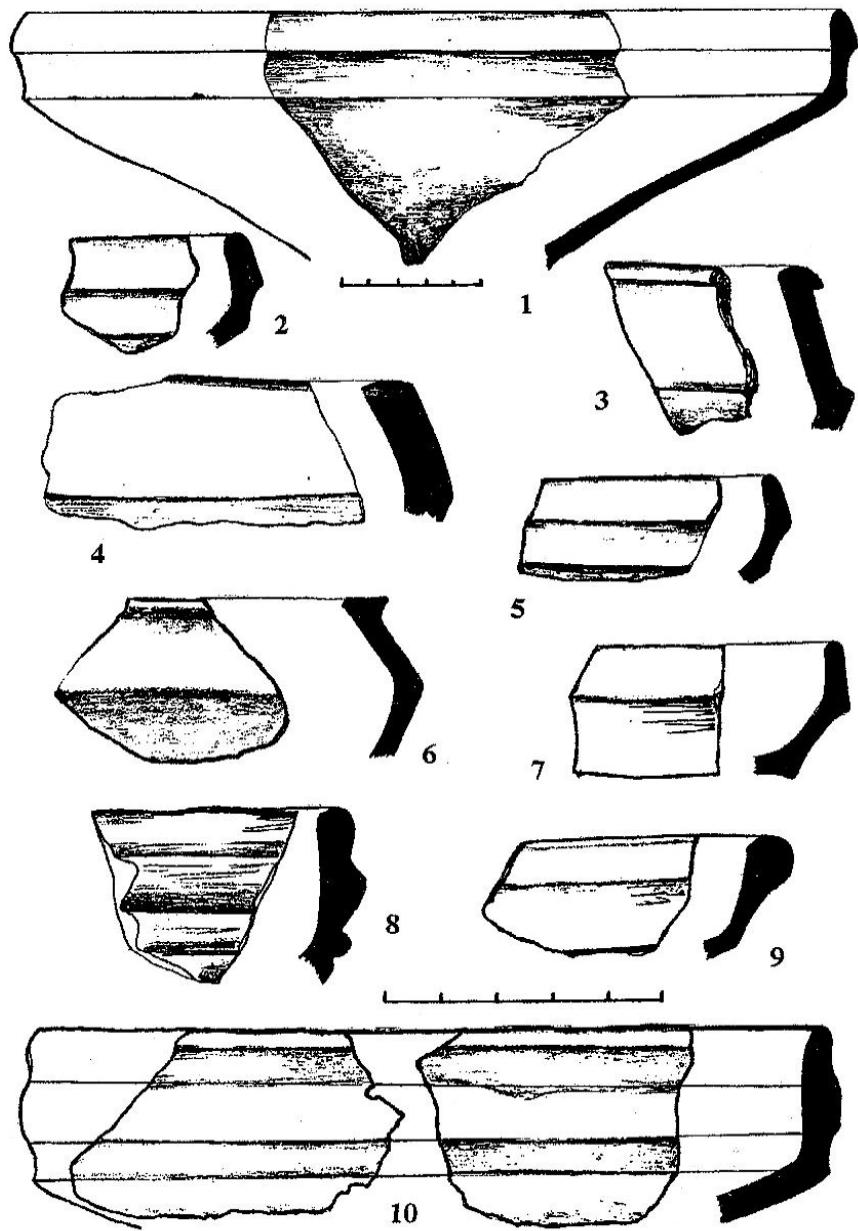
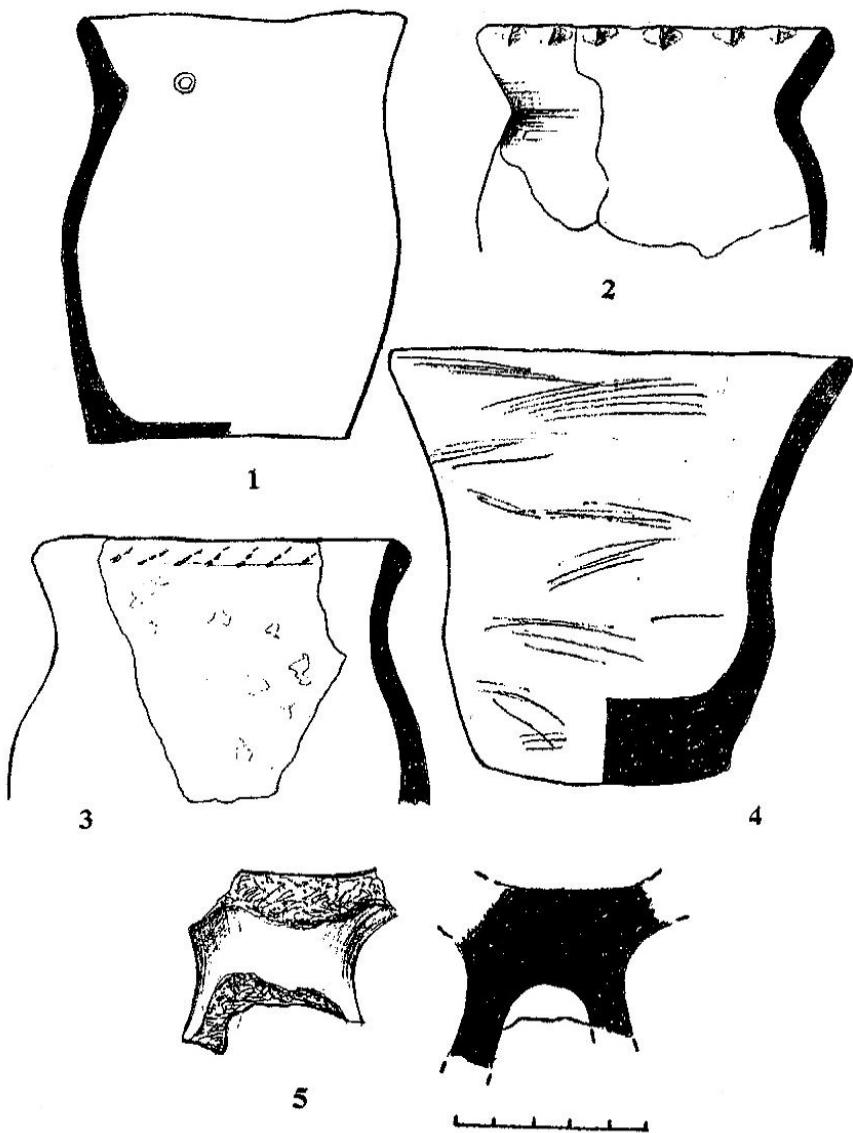

Рис. 15. Алексеевское городище. Керамика раннего железного века.

Рис. 16. Алексеевское городище. Круговая лощеная керамика раннего железного века.

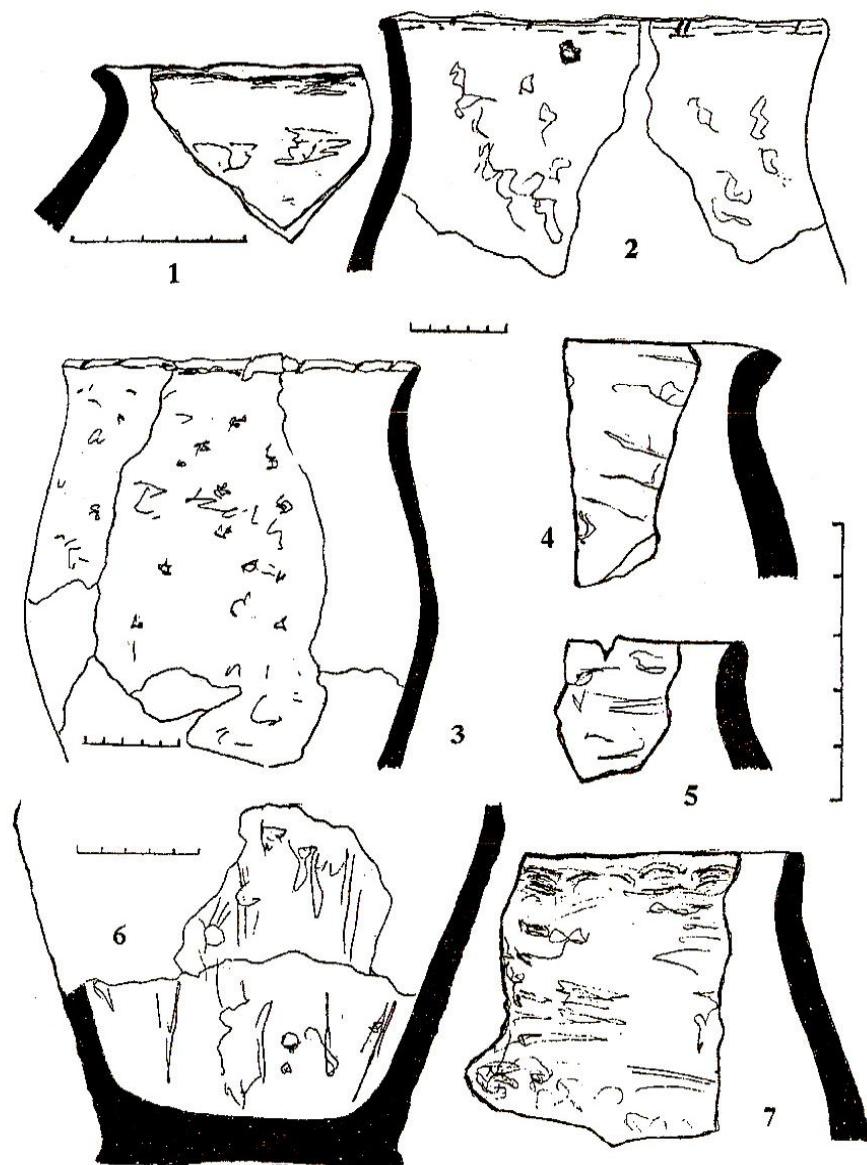

Рис. 17. Алексеевское городище. Керамика инясеевского (постзарубинецкого) типа.

Это асимметричный сосуд с широким плоским дном, который имеет высокие пропорции и слегка выделенную шейку (рис. 15, 1). Цвет поверхности темно-серый, в изломе черепок черный, без заметных примесей. Высота сосуда 11 см, диаметры: устья - 8,5 см, шейки - 7,5 см, максимального расширения тулов - 8,7 см, дна - 6,7 см. Обнаруживает многочисленные аналогии в сарматских погребениях Верхнего Дона (Медведев А.П., 1990, с. 149-150).

Фрагменты второго сосуда имеют отогнутый венчик и выделенную шейку. Край венчика украшен ногтевыми насечками (рис. 15, 2). Обжиг неравномерный, черепок в изломе черный. От остальной гладкостенной керамики отличается только размерами. Диаметр устья 9,2 см. Аналогичная керамика характерна для погребальных памятников лесостепного Подонья, где она датируется первыми веками нашей эры. Происхождение подобных сосудов связывают с керамическим комплексом скифского времени (Медведев А.П., 1990, с. 81-82; он же, 1998б, с. 6), хотя изредка они встречаются и в сарматских погребениях (Медведев А.П., 1990, с. 149-150).

Третий сосуд представлен крупным фрагментом верхней части. Он имеет примесь цемента в тесте глины и слегка бугристую, неровную поверхность черного цвета. Венчик срезан наружу, а сам срез венчика украшен отисками короткого трехзубого штампа (рис. 15, 3). Диаметр по венчику 9,8 см. От крупных гладкостенных сосудов отличается составом примесей в тесте глины и более плавной профилировкой.

Четвертый сосуд имеет колоколовидную форму и выделяется среди другой керамики широким устьем и небольшим, слегка округлым и толстым дном (рис. 15, 4). Обжиг сосуда неравномерный, внешняя поверхность грубо сглажена, в изломе черепок черный. Высота сосуда 11 см, диаметр устья 12 см, дна - 6,7 см. Толщина стенок 0,6-0,8 см, дна - 2,2 см. Достаточно близкие аналогии (и тоже в единичных экземплярах) обнаружаются на поселенческих памятниках лесостепного Подонья: на III Чертвицком городище (сарматское время) (Медведев А.П., 1998а, с. 65, рис. 4, 12) и Ишутинском городище (Разуваев Ю.Д., 1998, с. 95, рис. 7, 6).

Также встречен обломок керамического изделия, который можно интерпретировать двояко: это или фрагмент ножки от вазочки или обломок крышки (рис. 15, 5).

К раннему железному веку относится небольшая серия круговой серой лощеной керамики. Фрагменты происходят, как минимум, от семнадцати сосудов. По форме это типичные сарматские миски нижнедонского происхождения, которые довольно часто встречаются в позднесарматских погребениях Нижней Волги (Скрипкин А.С., 1984, с. 30, 145, рис. 11, 1-9). Одна из них по крупному фрагменту реконструируется поч-

ти полностью. Диаметр по венчику составляет 29,5 см (рис. 16, 1). Все миски имеют острое ребро, но бортики различаются по форме. Они могут быть плоскими (рис. 16, 4, 6), украшенными одним или двумя желобками (рис. 16, 2, 5, 7, 10), а в одном случае глубокими бороздками на бортике сформованы округлые в сечении валики (рис. 16, 8). Срезы венчиков обычно округлые, но встречаются плоские, с оттянутым наружу краем (рис. 16, 6, 3) и даже валикообразные (рис. 16, 9). Тесто глины этих сосудов плотное, обжиг равномерный. Чернолощеных фрагментов немного, преобладает подложенная керамика серого цвета, изредка встречается светло-коричневая.

На поселенческих памятниках лесостепного Правобережья Волги серии такой керамики ранее не отмечались. Правда, встречаются упоминания о немногочисленных фрагментах керамики с лощением черного и светло-коричневого цвета на поволжских городищах – Ахматском, Березниковском и, в том числе, Алексеевском. Эта керамика однозначно связывалась с сарматскими племенами, и хотя форма сосудов не указывалась, речь, очевидно, идет об описанных выше сарматских мисках (Трубникова Н.В., 1950, с. 124-125).

Серая лощеная керамика хорошо известна на поселениях сарматского времени в Подонье, где она выступает в качестве культурного и хронологического индикатора (Медведев А.П., 1990, с. 168-180). В лесостепном Подонье сероглиняные круговые сарматские миски нижнедонского происхождения всегда встречаются совместно с гладкостенной керамикой и такая же картина наблюдается на Алексеевском городище. Круговые сероглиняные миски сопровождают сарматские захоронения в Нижнем Поволжье продолжительный отрезок времени - от рубежа I-II вв. до середины III в. (Скрипкин А.С., 1984, с. 49-56). Следовательно, верхней хронологической границей для гладкостенных горшков Алексеевского городища, будет являться, как минимум, середина III века н.э. Нижнюю хронологическую границу установить сложнее, но, очевидно, она определится временем появления городецкого населения в лесостепном Правобережье Волги и вступлением в контакты с сарматскими племенами. С этим временем, вероятно, следует связывать часть горшков с прямым и резко отогнутым венчиком (рис. 12, 1-11) по аналогии с Подоньем, где подобный тип керамики начинает формироваться в последние века I тыс. до н.э. (Медведев А.П., 1998а, с. 44). Это вполне согласуется с хронологией городецких материалов Алексеевского городища.

К финалу раннего железного века относится небольшая, но очень выразительная серия грубыx лепных горшков. Представлена развалами и фрагментами приблизительно от 10 сосудов. Горшковидные сосуды имеют слабую профилировку, едва намеченное ребро на тулово и слегка

отогнутый венчик (рис. 17, 1-7). Различаются между собой характером оформления среза венчика и степенью профиляровки. Срезы венчиков округлые (рис. 17, 4, 7), иногда с редкими насечками (рис. 17, 2, 3, 5). На одном сосуде под срезом венчика имеется сквозное отверстие, выполненное по сырой глине (рис. 17, 2). Керамика отличается массивностью, крупными размерами и грубостью изготовления. Толщина стенок 10-15 мм. Тесто глины имеет обильную примесь крупного шамота, дресвы, белой крошки, которые придают внешней поверхности характерную бугристость. Цвет поверхности у сосудов этой группы - светло-коричневый, в изломе черный. Все эти признаки резко выделяют описанную керамику среди остальной и делают ее легкоузнаваемой даже по фрагментам неорнаментированных боковин. Некоторые параметры сосудов реконструируются по трем развалам.

Один из сосудов восстановлен на 2/3 высоты (рис. 17, 3). Слабо профилированный горшок вылеплен грубо и небрежно, по срезу венчика беспорядочно нанесены косые насечки. Цвет поверхности, как и у остальной керамики, светло-коричневый, в изломе - черный. В тесте глины имеется большое количество крупных кусков шамота и белой крошки. Из-за этих примесей поверхность сосуда бугристая и неровная, с выступающими комками шамота. Сосуд сохранился на высоту 20,5 см. Диаметр по венчику 19 см, диаметр тулова 21,2 см.

Второй сосуд по форме, цвету, примесям аналогичен предыдущему, но отличается еще более грубым оформлением внешней поверхности (рис. 17, 2). Сохранились фрагменты только от верхней трети сосуда. Диаметр венчика 23 см.

Третий сосуд представлен нижней половиной. Он имел толстое (до 2,5 см) и массивное дно с закраиной, толщина стенок в придонной части - до 1,2 см; стенки постепенно становятся тоньше к средней части сосуда. Высота сохранившейся части сосуда 14,3 см, диаметр дна 12,5 см, максимального расширения тулова - 20 см. (рис. 17, 3) Судя по сохранившейся части, сосуд имел слабопрофилированную горшковидную форму.

Наиболее близкие и многочисленные аналогии такой керамике обнаруживаются среди постзарубинецких комплексов в Лесостепном Прихоперье. На многослойном поселении Рассказань III на р.Хопер (Хреков А.А., 1997а, с. 47-55) и постзарубинецких поселениях Шапкино I (Хреков А.А., 1998, с. 180-187) и Шапкино II на р. Ворона (Хреков А.А., 1999, с. 74-89) получены эталонные коллекции керамики, относящейся к местному варианту постзарубинецкой.

Керамика постзарубинецкого облика (вместе с материалами могильника Инясево) в лесостепном Прихоперье выделена А.А.Хрековым в инясевскую культуру (Хреков А.А., 1997б, с. 335), которая датируется I

в. - концом II в.- началом III в. н.э. (Хреков А.А., 2000б, с. 177). Однако, А.П.Медведев датирует керамику с признаками, близкими к инясевской (примесь крупного шамота, бугристость поверхности) 2-четвертью I тысячелетия н.э. (Медведев А.П., 1998а, с. 58-59). Происхождение этой керамики А.П.Медведев связывает с черняховской и киевской культурами, сложившимися в начале III века. Одним из компонентов этих культур явились постзарубинецкие памятники. К этому же времени он также относит крышки или вазочки на полом поддоне. Фрагмент такого керамического изделия встречен и в слое Алексеевского городища (рис. 6, 5).

А.Хреков не только отмечает близость инясевских памятников раннекиевским, но и проникновение инясевского (позднезарубинецкого), населения далеко на восток, вплоть до Волги, что маркируется постзарубинецкой керамикой или близкой к ней у с.Куриловка на р.Терешке (правый приток Волги), у основания мыса I Чардынского городища, в третьем слое II Чардынского городища (Хреков А.А., 1997б, с. 335-336; он же, 2000а, с. 7). Все эти памятники расположены севернее Саратова, а Алексеевское городище пока оказывается самым юго-восточным пунктом с керамикой постзарубинецкого облика. Но вполне возможно, что аналогичные материалы будут обнаружены и южнее.

Таким образом, находки разнокультурной керамики первых веков нашей эры с Алексеевского городища показывают, что этнокультурные процессы в северной части Правобережья Нижнего Поволжья протекали в одном русле с соседними регионами и характеризуются контактами не только с южными сарматскими племенами, но и с населением лесостепи к западу от Волги.

Проблема этнических и культурных контактов в первые века н.э. и сложения новых культурных образований для лесостепного Правобережья Волги пока едва обозначена. Она может быть решена только после дальнейших полевых исследований памятников, аналогичных Алексеевскому городищу, а пока можно констатировать, что зарубинецкий импульс с запада, вызванный вторжением готов в Поднепровье с северо-запада и сарматских племен с юго-востока в середине-второй половине I века (Щукин М.Б., 1986, с. 31-32) достигает Волги как в районе Самарской Луки, куда по мнению исследователей переселилось население из Поднепровья и Припятского Полесья (Матвеева Г.И., 2000б, с. 94-95), так и в районе Саратова на южной кромке лесостепи. И, хотя, мнения исследователей существенно расходятся о причинах такого переселения и культурной атрибуции племен, передвинувшихся в Среднее и Нижнее Поволжье, показателен сам факт наличия этого населения в районе Саратова, что существенно изменяет и дополняет этнокультурную историю региона в первой половине I тыс. н.э.

Основная часть находок в раскопе 1 на юго-восточной оконечности мыса относится к средневековому времени. Именно здесь и были сосредоточены исследования в 1998-2000 годах, когда впервые удалось обнаружить остатки двух средневековых построек, хозяйствственные ямы и находки, в основной своей массе, имеющими русское происхождение. Найдки в культурном слое на остальной территории городища, исследованной шурфами и раскопом 2, также свидетельствуют о проживании русского населения на всей территории городища.

Исследованные остатки полуземляночных жилищ, по ряду признаков, несомненно, являются русскими происхождение и были широко распространены в южнорусских землях, начиная с X века. Лучше сохранилось жилище 1. По классификации П.А.Раппопорта оно относится к планировочной схеме типа II с левосторонним вариантом размещения печи (Раппопорт П.А., 1975, с. 137-141).

Подквадратный котлован (2,9-3 x 2,7-2,9 м) полуземлянки заглублен в материк на 0,3-0,42 м и более длинными сторонами ориентирован по линии северо-запад - юго-восток. В юго-восточной стенке, со стороны Волги был устроен вход в виде коридора шириной 0,8 - 0,9 м и длиной 1 м, плавно опускающегося в котлован (рис. 18, 1).

Вдоль стенок по дну котлована проходит канавка, по дну которой имеются семь столбовых ямок: две за печью, две по центральной оси, две в противоположных по диагонали углах и еще одна слева от входа. Последняя столбовая ямка вместе с одной из "осевых" ямок несомненно являлась частью коридора-входа.

В левом дальнем от входа углу располагалась устьем к выходу глинобитная печь. Под печи плоский, подквадратной формы (0,5x0,65 м). Он прокален до красно-кирпичного цвета и покрыт слоем золы, пепла, угольков толщиной до 5 см. В этом слое обнаружен фрагмент дна русского сосуда (рис. 19, 10). Задняя стенка печи имеет полуциркульную форму и здесь сохранилась часть свода, который разрушен более поздним захоронением. Глинобитная печь включала в себя деревянный каркас, конструкция которого прослеживается по оставшимся вертикальным и круглым в сечении полостям в стенах печи.

Прямо напротив входа, в 0,9 м от него, на полу жилища был устроен небольшой очаг (0,43-0,5 м в диаметре), слегка заглубленный в материковое дно жилища. В углу, справа от входа и по диагонали от печи, в дно жилища вкопана крупная корчага (рис. 19, 18). Устье корчаги слегка возвышалось над полом и было наклонено к центру жилища. Корчага имеет плоское широкое дно, округлые бока, невысокую шейку и относительно узкую горловину. Верхняя половина украшена волнистым орнаментом, а максимальное расширение тулов - линейным. Обжиг неравномерный, преобладают светло-коричневый и светло-красные цвета на

поверхности. Черепок плотный, в изломе средняя часть темно-серая. Высота корчаги 45 см, диаметры: устья 14 см, максимального расширения туловища 43 см, дна 18 см.

Заполнение котлована включало угольки, комочки прокаленной глины, золу, обломки костей животных и рыб, а также несколько десятков обломков гончарной русской керамики, в том числе фрагменты венчиков от 17 сосудов (рис. 19, 1-9, 11-17, 19-23) и плоское орудие из окаменелого дерева типа лощила длиной 11,4 см (рис. 19, 14).

В 1,4 м к юго-западу от жилища располагалась хозяйственная яма 1, круглая в плане, диаметром 1,1-1,2 м и глубиной до 0,43 м (рис. 2). Стенки ямы плавно сужались к округлому дну. В заполнении, состоявшем, в основном, из рыбьих костей, а также обломков костей животных, обнаружены: фрагменты гончарной средневековой керамики, аналогичной найденной в заполнении землянки, в т.ч. 3 венчика и боковина с орнаментом, идентичным орнаменту на корчаге (рис. 19, 26-29); обломок красноглиняной и подовальной в сечении ручки от сосуда (рис. 19, 25); нуклевидный кусок серого низкокачественного кремня с негативами снятия и следами сработанности по краю ударной площадки (рис. 19, 24).

Жилище 2 находилось ближе к Алексеевскому оврагу и на данном участке раскопа материк плавно понижался в южном направлении, поэтому, в него врезался только северный угол котлована с глинобитной печью. Полуземлянка была ориентирована более длинными сторонами по линии северо-запад - юго-восток, то есть, выходом к юго-востоку, как и в предыдущем случае. По дну котлована перед печью и между печью и северо-западной стенкой встречено скопление фрагментов русской гончарной керамики. Большая ее часть представлена однотипными горшками. Всего здесь обнаружены фрагменты от трех десятков сосудов (рис. 20, 1-34). Один небольшой горшок графически реконструируется (рис. 20, 3), а у 11 восстанавливается диаметр венчика. Кроме того, здесь найдены фрагменты от четырех золотоордынских сосудов (рис. 20, 17-20).

В 0,8 м к западу от печи, уже за пределами котлована, на глубине 0,4-0,47 м от современной поверхности обнаружен развал древнерусского сосуда (рис. 18, 2). Среди фрагментов этого сосуда найдены два обломка венчика от еще одного сосуда такого же типа (рис. 18, 3). Приблизительно на этом же уровне в 0,2 м к юго-западу от развалов горшков зачищена небольшая кладка из плоских каменных (аргиллит) плиточек. Камни были выложены неровной цепочкой на протяжении 0,8 м по линии северо-запад - юго-восток. Эта вымостка имеет явно искусственный характер и вместе с развалами сосудов указывает уровень древней дневной поверхности, по которому вычислено, что жилище 2 было заглублено в землю, как минимум, на 0,4-0,5 м.

В 6 м к северо-востоку от жилища исследована хозяйственная яма 2. Яма в плане имеет округлую форму, ее диаметр 1 - 1,05 м по уровню материка и глубина 0,38 м. Стенки, как и в яме 1, плавно сужаются ко дну, а с южной стороны вдоль стенки оставлена ступенька. В заполнении, кроме золы и угольков, встречены в большом количестве кости животных и рыб, куски обожженной глиняной обмазки, фрагмент округлого керамического пряслица (рис. 19, 33), обломки железного ножа (рис. 19, 35) и свыше полутора десятка керамических черепков, в том числе фрагменты венчиков от четырех русских сосудов (рис. 19, 20, 21, 30, 32), венчик от сосуда раннего железного века и обломок боковины золотоордынского сосуда с линейным орнаментом (рис. 19, 34).

Еще одна хозяйственная яма (3) была сооружена в культурном слое. Приблизительный диаметр ямы - около двух метров. Яма плавно сужалась к округлому дну, форма ее хорошо читалась в бровке. В заполнении, по всей ее глубине встречались древесные угольки, зола, кости животных и рыб, большое количество обломков аргиллитовых плиток, а также развалы и фрагменты от 23 русских сосудов (рис. 21, 1-14, 18-22, 24-27).

По крупным фрагментам реконструирована форма трех сосудов - двух мисок и горшка курганного типа (рис. 21, 1, 2, 26). Еще у трех сосудов восстанавливается диаметр венчиков (рис. 21, 3, 4, 27). Остальная керамика представлена фрагментами венчиков, донышек и стенок, принадлежащих в основной массе горшкам, но есть и исключения (рис. 21, 19, 20, 25). На фрагментах боковин встречается орнамент - одна-две волны или несколько линий. Один из горшков украшен по плечику одиночными наколами (рис. 21, 24).

Найдены также три фрагмента от двух золотоордынских сосудов: два обломка придонной части крупного сосуда и небольшой обломок орнаментированной боковины (рис. 21, 23).

Кроме того, в хозяйственной яме были встречены остатки нескольких железных предметов плохой сохранности, в том числе железный нож длиной 15 см и шириной около 2 см с клиновидным в сечении лезвием (рис. 21, 15-17).

Если распределить керамику из описанных комплексов по типологии, предложенной для древнерусской керамики Среднего Подонья (Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987, с. 21), то получается следующая картина (табл. 1). Максимальное количество керамики приходится на второй тип. Правда, в отличие от среднедонских сосудов этого типа, венчики отогнуты слабее, но всегда хорошо видна бороздка с внутренней стороны (рис. 19, 26; 2, 2-5; 21, 1, 2, 9, 12, 13). Формы венчиков сосудов этого типа с Алексеевского городища также очень близки к формам керамики первого типа Водянского городища, которая находит

широкие аналогии как в золотоордынское, так и домонгольское время (Полубояринова М.Д., 1978, с. 89). В два раза меньше обнаружено керамики третьего (рис. 20, 1, 27) и четвертого (рис. 19, 12, 23) типов, мало керамики первого (рис. 20, 24), и всего два сосуда можно соотнести с пятым типом (рис. 21, 8, 24). У одного из этих сосудов венчик загнут внутрь, как у горшков второго типа. Кроме того, на Алексеевском городище выделяется группа 6 - сосуды с "грибовидным" оформлением венчика (рис. 19, 11, 17, 19; 20, 13, 14, 22). Следует добавить, что относительно среднедонских комплексов, встречены и другие формы венчиков, но они пока не составляют устойчивых серий. В целом, можно отметить, что подобная классификация по формам венчиков имеет достаточно условный характер. Во-первых, существует много переходных форм между разными типами и, во-вторых, форма венчика может быть одинаковой для совершенно разных по форме сосудов: венчики горшка курганного типа и мисок из хозяйственной ямы 3 практически одинаковые (рис. 21, 1, 2, 26).

Таблица 1. Типы керамики Алексеевского городища из заполнений построек и хоз. ям.

тип объект	1	2	3	4	5	6	другие	всего
жилище 1	1	2	1	7	-	3	4	18
хоз. яма 1	1	1	1	-	-	-	-	3
жилище 2	3	9	8	1	-	4	-	25
хоз. яма 2	-	-	1	2	1	-	-	4
хоз. яма 3	2	12	1	2	1	2	3	23
всего	7	24	12	12	2	9	7	73

Всего в культурном слое обнаружены фрагменты от, приблизительно, 270 сосудов, из них 236 или более 87 % - древнерусских и 34 или менее 13 % - золотоордынских. Практически все типы русской керамики представлены в описанных выше комплексах из котлованов жилищ и хозяйственных ям.

Русская керамика отличается от золотоордынской по формам и составу теста. Преобладает черная и сероглиняная, встречается красноглиняная (серая в изломе). Есть несколько черепков из беложгущейся глины, а также с неравномерным обжигом, когда цвет поверхности на одном сосуде плавно изменяется от черного до красно-кирпичного. Черепки в изломе, по сравнению с золотоордынскими, менее плотные, иногда заметна примесь шамота или песка.

Древнерусская керамика орнаментирована волной (чаще всего однорядной) - 45%, линией - столько же, волной и линией - 10%. Всего орнаментирована, приблизительно, одна треть сосудов (рис. 22, 1-12).

На нескольких донышках встретились керамические клейма: на двух - в виде круга со спицами (рис. 23, 2), еще на двух, полностью не сохранившихся, - сложные геометрические композиции (рис. 22, 12), в одном случае - достаточно редкий вариант стилизованного "знака рюриковичей" (рис. 23, 1). Последнее клеймо находит прямые аналогии в Киеве (Рыбаков Б. А., 1948, с. 493, рис. 126, 8) и на городище Титово-Мотыка (Никольская Т.Н., Полубояринова М.Д., 1967, с. 65, рис. 22, 2).

Золотоордынская посуда немногочисленна и тяготеет к верхней части культурного слоя, залегая, в целом, выше русской. Вся керамика красноглиняная, неполивная, за исключением фрагментов придонной части кашинского сосуда с голубой и изумрудной поливой.

Керамика фрагментирована, полностью реконструируемых форм нет (рис. 24, 1-17). Орнаментация обычна для золотоордынского времени в регионе: ряды параллельных прочерченных линий (рис. 24, 12, 13), полосчатое лощение по сырой глине (рис. 24, 4), каннелюры (рис. 24, 1, 6), в одном случае - арочный орнамент (рис. 24, 9). Вся керамика высокого качества, сосуды тонкостенные (за исключением фрагментов от крупных сосудов), обжиг равномерный, цвет поверхности - красно-кирпичный.

Остальные находки средневекового времени немногочисленны, часть их них определяет дату русского поселка на городище. В одном из шурfov найден железный цилиндрический замок (рис. 23, 3). Он сильно коррозирован и развалился на две половины. Из-за этого сложно установить тип замка, но нижнее донце цилиндра вполне удовлетворительной сохранности, прорези под ключ в нем нет, что позволяет относить замок к типу А по В.А. Колчину (Древняя..., 1997, с. 14-16). Замки этого типа были особенно широко распространены на Руси в XI - первой половине XIII вв. Ключ от замка типа Г, найденный в центральной части памятника (рис. 23, 4), по той же классификации датируется от середины XIII в. до середины XV в.

Представляет интерес железный наконечник копья (рис. 23, 5). Он сильно коррозирован. Втулка наконечника сохранилась плохо, по ее краю заметно валикообразное утолщение, а на внутренней стороне есть прикипевшие остатки древесины от древка. Перо наконечника от втулки плавно сужается к вершине. Максимальная ширина пера около 3,5 см. Толщину установить трудно, так как металл "вскипал" и распался на пластины, так что общая толщина пера достигает 3 см, а поперечное сечение имеет подквадратную форму. Длина наконечника - около 32 см, длина втулки 12 - 14 см. Наиболее близкая аналогия обнаруживается на

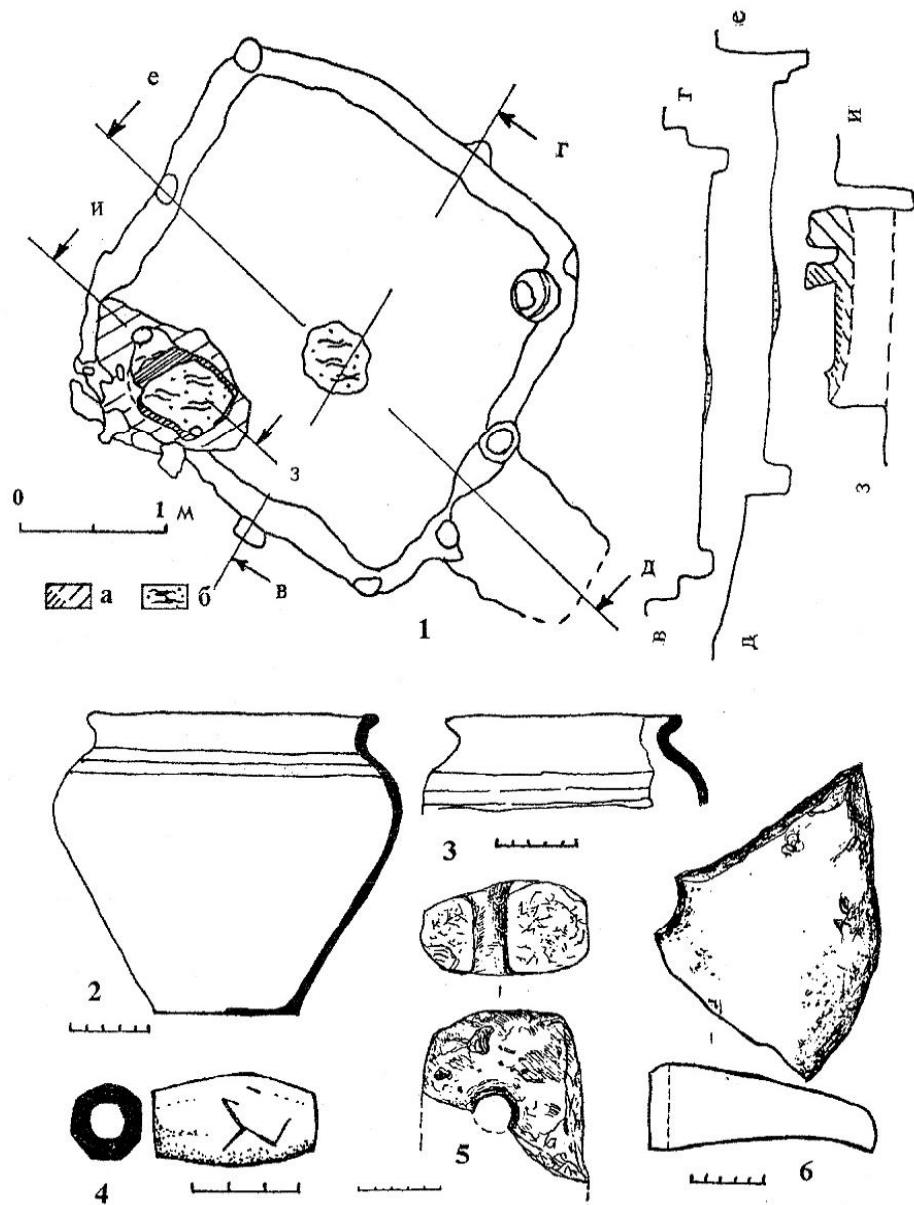

Рис. 18. Алексеевское городище. План и профили котлована русского средневекового жилища 1 (1) и находки из культурного слоя (2-6). 2-5 – керамика; 6 – камень.

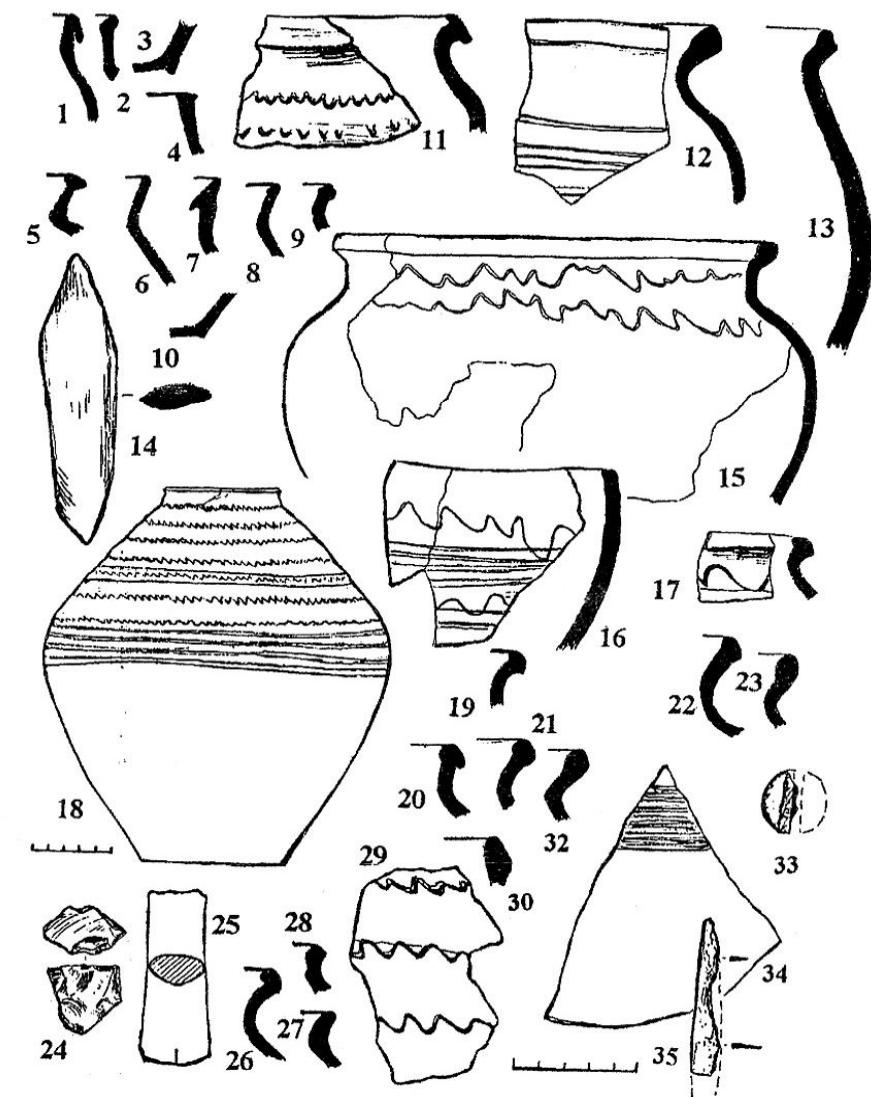

Рис. 19. Алексеевское городище. Найдки из заполнения котлована жилища 1 (1-23), хозяйственной ямы 1 (24-29) и ямы 2 (30-35).

Рис. 20. Алексеевское городище. Найдки из заполнения котлована жилища 2. →

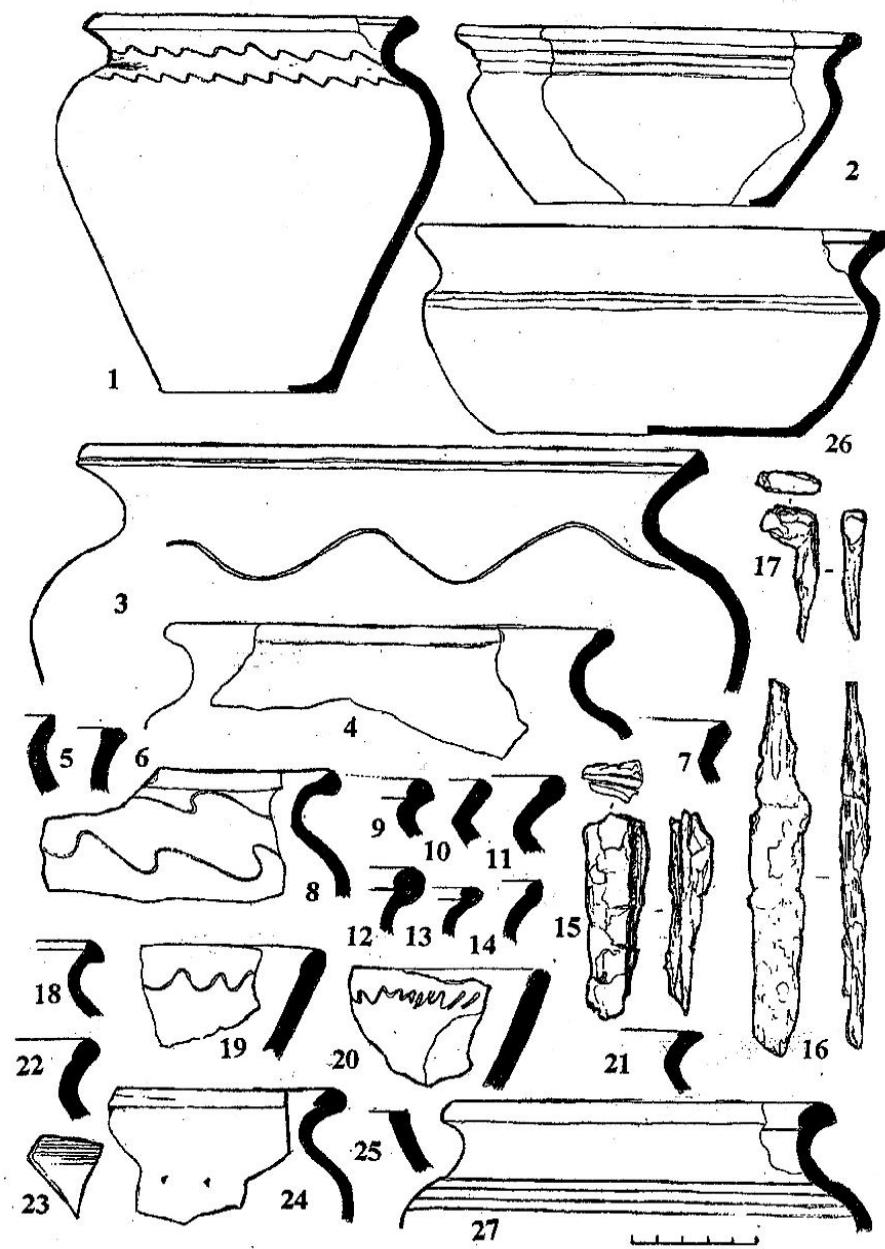
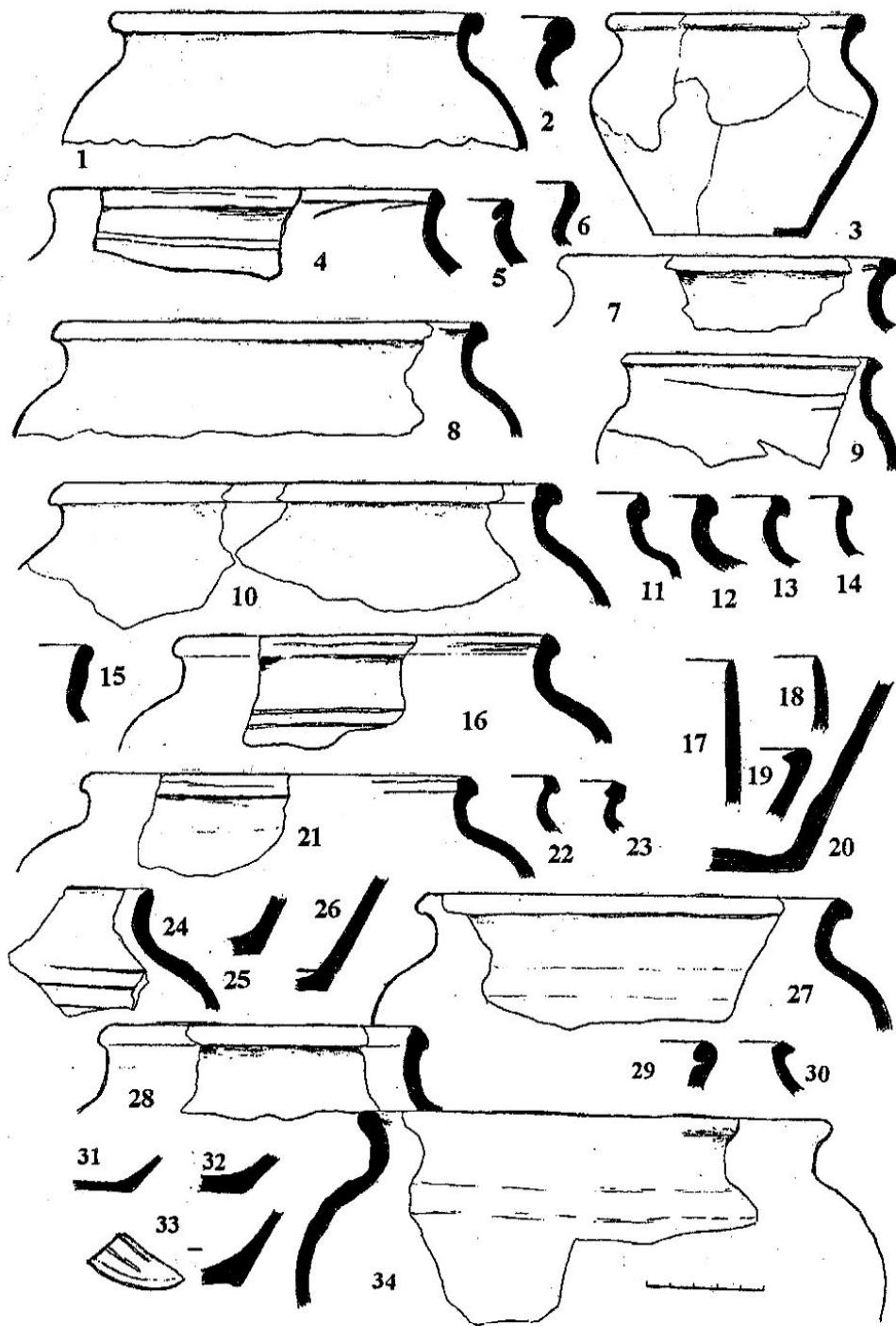

Рис. 21. Алексеевское городище. Найдены из заполнения хозяйственной ямы 3.

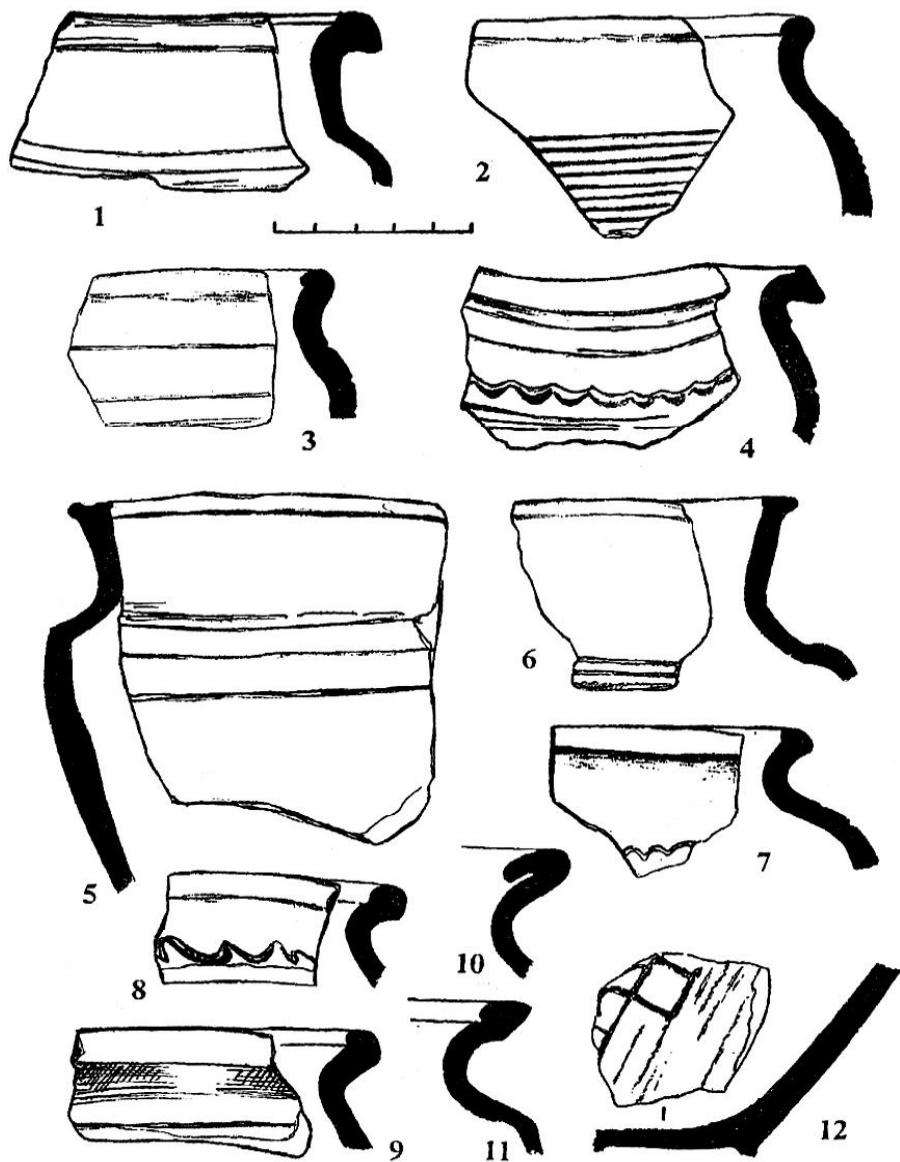

Рис. 22. Алексеевское городище. Русская средневековая керамика из культурного слоя.

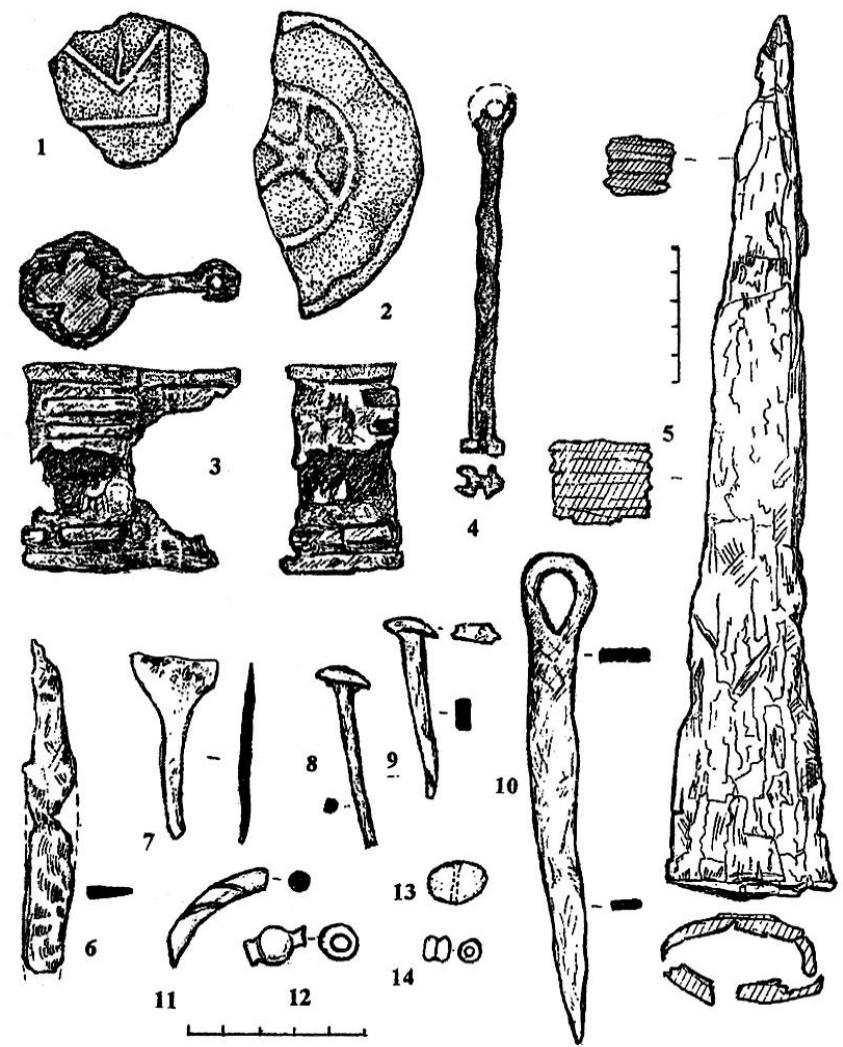

Рис. 23. Алексеевское городище. Найдки средневекового времени из культурного слоя.

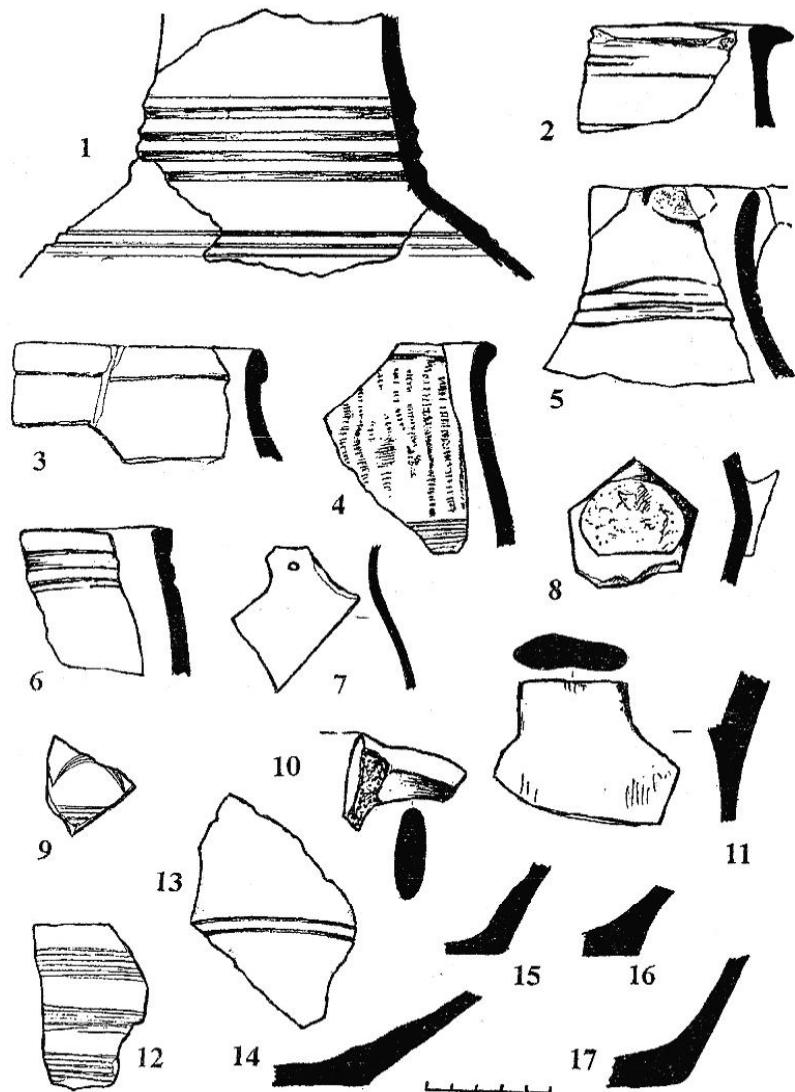

Рис. 24. Алексеевское городище. Золотоордынская керамика из культурного слоя.

селище 1 у с. Мощины Калужской области (Прошкин О.Л., 1977, с. 238, рис. 7, 8).

Остальные металлические изделия менее выразительны. Это дверной пробой в виде плоского приостренного стержня с петлей (рис. 23, 10), однолезвийный черешковый и клиновидный в сечении нож (рис. 23, 6), кованые гвозди (рис. 23, 8, 9) и железный предмет, напоминающий обломок черешкового ножа. Но его короткое лезвие подтреугольной формы расковано и приострено на конце (рис. 23, 7). Найден небольшой фрагмент серебряного зеркала без выраженного бортика. Возможно, на городище было налажено производство железа - плак и крупные куски крицы залегали в верхней части культурного слоя. Но следует учитывать, что здесь же встречены материалы городецкой культуры, население которой также активно занималось производством и обработкой железа.

Из украшений найдены стеклянная желтого цвета двухчастная бусина (рис. 23, 14) и крупная круглая бусина из горного хрусталя (рис. 23, 13), аналогичная вятическим домонгольского времени (Полубояринова М.Д., 1988, с. 159, 162). Оба типа этих бус известны и на Семилукском городище (конец XII- перв. пол. XIII вв.) (Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1996, с. 38, рис. 16, 25, 26).

На территории городища обнаружен обломок стеклянного браслета коричневого цвета. По классификации М.Д.Полубояриновой (1963, с. 171) это круглый перевитой браслет. Он украшен стеклянной нитью желтого цвета (рис. 23, 11). Аналогичные браслеты известны в больших количествах на Руси в домонгольское время, в Северной Руси продолжали изготавливаться и в XIII-XIV вв. Производство стеклянных браслетов было налажено и в Золотой Орде вплоть до начала XV века (Полубояринова М.Д., 1988, с. 192-193; Галкин Л.Л., 1984, с. 218). В культурном слое найден еще один обломок стеклянного браслета (?). Вероятнее всего, это производственный брак, так как один конец смят и обломан когда предмет был еще горячим (рис. 23, 12). Цвет - темно-синий с зеленым отливом.

Найдено керамическое грузило от рыболовной сети, которое, несомненно, следует связывать со средневековым русским населением. Грузило имеет цилиндрическую форму и легкую, едва заметную огранку. Его длина 4,5 см, максимальный диаметр 2,5 см, На грузиле по сырой глине прочерчен знак-тамга (рис. 18, 4). Аналогичные грузила в большом количестве встречаются на древнерусских поселениях сопредельных регионов: Никольевском городище (Хреков А.А., 1994, с. 105), Семилукском городище (конец XII - перв. пол. XIII вв.) (Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1991, с. 100-101; Они же., 1996, с. 32, 38) и селище у с.Борщево (втор. пол. XIII-XIV вв.) (Цыбин М.В., 1987, с. 41, рис. 2, 9).

Обнаружен обломок крупного рыболовного грузила от сети (рис. 18, 5). Грузило изготовлено из глины, обожжено до красно-кирпичного цвета. По характеру обжига и составу примесей в глине (белая крошка, дресва, крупные каверны от выгоревшей органики) предмет не отличается от обломков печины, встречаемых в культурном слое. Сохранилась часть сквозного отверстия с разработанными краями. Границы сложены и окатаны. Несомненно, что этот предмет длительное время находился в воде.

Вероятно, со средневековым временем и русским населением следует связывать находку обломка мельничного жернова из светло-серого, плотного мелкозернистого песчаника (рис. 18, 6). Жернов изготовлен из светло-серого, плотного, мелкозернистого песчаника. По сохранившемуся сегменту реконструируются следующие размеры: диаметр - около 33 см, диаметр центрального отверстия - 4,5-5 см, толщина - от 5,8 см в центре до 2,8 см по краю.

Грунтовой могильник на Алексеевском городище завершает хронологическую колонку памятника. Могильник перекрывает средневековые русские жилища. Особенно хорошо это прослежено над жилищем 2, где погребения 48 и 49 врезались в заполнение котлована, разрушили печь и были совершены на слое гончарной русской керамики.

Исследованные за три года (1998-2000) 79 погребений составляют один комплекс с найденными здесь ранее захоронениями, начиная со времен П.С. Рыкова. Они также залегают рядами в направлении север-юг или (реже) северо-запад - юго-восток. Ориентировка погребенных относительно стабильная - головой на юго-запад или запад. Все умершие положены на спину, вытянуто, руки - на груди, на тазу (иногда одна рука положена под таз) или на плечах. Погребения по большей части совершились в культурном слое, лишь в нескольких случаях удалось установить форму могильной ямы - подпрямоугольная с округлыми углами. Часть погребений совершена в гробовицах, некоторые погребения только накрывались досками. Детские погребения могли обкладываться крупными каменными плитками, изредка такими плитами перекрывали и взрослые захоронения. Небольшие плитки из того же камня (аргиллита) иногда клались под ступни умерших или рядом с головой.

В нескольких погребениях обнаружены остатки кожаной обуви. В одном случае удалось проследить шов, который проходил вдоль подошвы в средней части. Другой инвентарь в погребениях отсутствовал. В заполнении могил и рядом с костями скелета встречались находки, но все они относятся к культурному слою, в котором совершены погребения, и разновременны (фрагменты керамики бронзового века и городецкой, шлак, керамическое прядильце и др.).

Погребения грунтового могильника можно соотносить со средневековым христианским населением Золотой Орды, хотя, по ряду признаков их вполне возможно отнести и к мусульманским. Но по аналогии с таким же погребениями на Водяном городище, где были выполнены палеоантропологические определения, установившие захоронения славян (Полубояринова М.Д., 1978, с. 79), Алексеевский грунтовой могильник с большой долей вероятности следует связывать с русским поселком, тем более, что по определению А.И. Нечволовы, все осмотренные им черепа с Алексеевского могильника относятся к европеоидным.

Хронологические рамки существования средневекового поселка на Алексеевском городище определяются перечисленными находками. Приведенные аналогии домонгольского времени показывают, что нижняя дата, скорее всего, относиться к моменту образования Золотой Орды - середине XIII века. Средневековый поселок на Алексеевском городище, очевидно, был основан русскими людьми, переселенными сюда монголо-татарами из захваченных русских княжеств. Поселок продолжил свое существование и в XIV веке. Это подтверждает ключ от замка типа Г, а также находка в центральной части городища в раскопе Т.А. Хлебниковой (раскопки 1971 года) обломка чугунного котла, появление которых в южнорусских землях относится ко второй половине XIII-XIV вв. (Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987, с. 32), а на Средней Волге подобные котлы датируются началом XIV века и их появление там связывается с традициями чугунного литья в нижневолжских городах (Руденко К.А., 1999, с. 119).

Неизбежно встает вопрос - почему ранее все исследователи считали верхний слой Алексеевского городища не древнерусским, а золотоордынским? Вероятнее всего, виной этому были незначительные масштабы раскопок, когда в распоряжении каждого из многочисленных исследователей¹ оказывалось относительно небольшое количество материалов, а все фрагменты от красноглиняных сосудов *a priori* относились к золотоордынским, тогда как при накоплении материалов оказалось, что чуть ли не треть русской керамики по качеству обжига приближается к золотоордынской и неорнаментированные обломки стенок сосудов, каких на любом поселенческом памятнике большинство, создавали полное впечатление доминирования золотоордынской керамики среди всей средневековой.

Находки русского происхождения достаточно часто встречаются на поселениях Золотой Орды, но там чаще всего преобладает красноглиняная керамика, встречается в значительном количестве поливная и ка-

¹ Начиная с 1921 года здесь производили сборы и раскопки С.Н. Чернов, П.Н. Шишкин, А.А. Кротков, П.С. Рыков, И.В. Синицын, Ю.В. Деревягин, Т.А. Хлебникова

шинная керамика, нумизматические материалы, а горшки с русскими гончарными традициями немногочисленны. Между тем, исследования последних лет выявили в лесостепной зоне Правобережья Волги целый пласт поселенческих памятников, на которых русское население, судя по археологическим материалам, явно преобладало.

Русские археологические древности на территории Золотой Орды рассматривались исследователями неоднократно, наиболее полные данные собраны в работе М.Д.Полубояриновой (1978). Русские находки на памятниках в ближайших окрестностях Укека приведены в работе Л.Ф.Недашковского (1997). Материалы Алексеевского городища по количеству археологических материалов русской культурной традиции явно выделяются среди других памятников золотоордынского времени в окрестностях Саратова - русская керамика составляет более 87 %.

Но по результатам работ конца XX века Алексеевское городище не выглядит одноким по этому показателю, если сравнивать с материалами еще нескольких памятников, находящихся на берегу Волги, но более удаленных от Укека, а также в лесостепной полосе к западу от Волги. В хронологическом плане эти памятники не укладываются в узкие рамки существования Золотой Орды, но показательно само наличие практически неизвестной ранее группы памятников, которые можно связывать с русским населением средневекового времени.

Это, в первую очередь, средневековое поселение в урочище Мартышкино, в 6 километрах к югу от с.Ахмат Красноармейского района Саратовской области (около 55 км вниз по Волге от Укека). Средневековая керамика Мартышкино, в подавляющем большинстве, представлена типичными сероглиняными русскими горшками с линейным и волнистым орнаментом. Аналогичная керамика часто встречается на золотоордынских памятниках XIV века. Золотоордынская керамика включает фрагменты красноглиняных кувшинов и крупных толстостенных сосудов (Лопатин В.А., 1997, с. 60-62).

Рядом с этим поселением исследовался грунтовой могильник того же времени. Погребальный обряд этого могильника полностью соответствует Алексеевскому: на спине, вытянуто; головой на юго-запад, руки в области таза или на груди (Моржерин К.Ю., 1996, с. 62-63).

Аналогичный могильник на берегу Волги известен в Вольском районе. Могильник находится в 1 км к югу от окраины г.Вольска, занимает небольшой мыс, возвышающийся, приблизительно, на 15 метров над уровнем Волги. Могильник открыт в 1981 году экспедицией С.Ю.Монахова (Монахов С.Ю., 1982), а в 1987 году здесь было исследовано 4 погребения (Юдин А.И., 1988).

Во всех погребениях умершие лежали на спине, в гробах, головой на юго-запад. Погребение 1 почти полностью разрушено, положение рук

неизвестно. Погребение 2 также разрушено, но устанавливается, что левая рука лежала на груди, а череп повернут вправо. Скелет детского погребения 3 лежал в гробу с небольшим разворотом на правую сторону. Левая рука была положена на грудь, правая - на таз. Правая нога слегка согнута. На ногах сохранились остатки кожаных тапочек.

Погребение 4 сохранилось лучше остальных. Гроб имел прямоугольную форму, длина его 1,8 м, ширина 0,5 м. Левая рука погребенного вытянута и положена под таз, правая - слегка согнута в локте и положена на таз. Череп слегка повернут вправо. На правой ноге сохранились остатки кожаной обуви.

Еще в нескольких километрах от урочища Мартышкино, ниже по Волге, в окрестностях бывшего села Кондаково известно 4 пункта со средневековой керамикой и на двух из них имеется русская. На поселении Кондаково I ее немного меньше золотоордынской, а на Кондаково II русская керамика преобладает (Четвериков С.И., 1994, с. 157; Недашковский Л.Ф., 2000, с. 122-123).

Все это показывает, что прибрежная полоса Правобережья Волги в пределах Саратовской области была достаточно плотно заселена русскими в золотоордынское время. Существование Укека, третьего по величине торгового, ремесленного и культурного центра Золотой Орды в Нижнем Поволжье, мало сказывалось на культурном облике небольших сельских поселений с русским населением: здесь продолжали сохраняться основные этноопределющие черты, которые археологически особенно хорошо прослеживаются в типах жилищ, керамике и погребальном обряде. Причем, наиболее ярко это проявляется именно на небольших поселениях, что уже отмечалось И.Н. Васильевой (История Самарского..., 2000, с. 302).

На крупных городищах, типа Увекского или Водянского с пестрым этническим составом русский компонент выступает не так ярко, хотя прослеживается достаточно отчетливо (Полубояринова, 1978; Недашковский Л.Ф., 2000, с. 106-112). В этом плане интересно провести некоторые параллели между Алексеевским городищем и исследованными русскими кварталами Водянского. Правда, в первом случае речь идет о сельском поселении, а во втором - о городе.

Например, при сравнении с "русскими" участками Водянского городища, наблюдается следующая картина. Совпадают типы жилищ: полуzemлянка из раскопа II 1967 года по размерам и конструкции (выступ вход, расположение печи) аналогична полуземлянке I Алексеевского городища. В раскопе III 1968 года и раскопе I 1969 года процент русской керамики в нижних слоях выше, чем в верхних, что характерно и для Алексеевского городища. Культурный слой Водянского городища, как и на Алексеевке, перекрывается средневековым могильником. Конструк-

ции могил и их расположение, позы и ориентировки погребенных на обоих могильниках идентичны (Полубояринова М.Д., 1978, с. 74-78). Е.П.Мыськов считает, что ранний русский поселок на Водяном городище основан не позднее рубежа XIII-XIV вв., так как в слое не встречено ни одной золотоордынской монеты (Мыськов Е.П., 1998, с. 132), что в общем правомерно и для Алексеевского городища, где тоже за все годы раскопок не было нумизматических находок.

Все названные памятники с преобладающим русским культурным компонентом находятся непосредственно на берегу Волги. К западу, в лесостепном Волго-Донском междуречье поселенческие археологические памятники, за исключением Прихоперья, практически не изучались. Небольшие раскопки проводились на средневековом селище и могильнике у с.Калмантай и еще имеются отрывочные сведения о поселениях с русской керамикой на левом берегу р.Медведицы (северо-западная окраина пгт. Лысые Горы) и на левом берегу р.Широкий Карамыш (левый приток Медведицы) у с.Песчанка Лысогорского района (Четвериков С.И., 1993, с. 58).

Русское селище и могильник у с.Калмантай расположены в бассейне р.Терешки (правый приток Волги) в Вольском районе, на севере Саратовской области. На исследованном участке культурного слоя встречена только русская керамика, (по большей части горшки курганного типа), украшенная полосами многорядной волны и линиями. По набору типов горшков и орнаментации наблюдается определенное сходство с керамикой Прихоперья. Русская керамики Правобережья Волги, по сравнению с калмантайской, орнаментирована намного проще. Рядом с селищем исследован могильник этого же времени. Погребения безынвентарные, умершие лежали головой на запад на спине, вытянуто, руки на груди или животе. Следует подчеркнуть, что в культурном слое встречена только русская керамика, предметы золотоордынского времени были найдены на поверхности в окрестностях селища (см. статью Д.Г. Баринова в наст. сборнике).

Русский компонент на поселенческих памятниках проявляется более отчетливо по мере продвижения еще далее на запад. В отличие от поселений прибрежной волжской полосы, в лесостепном Прихоперье они изучены намного полнее. Здесь А.А.Хрековым выявлена и исследуется группа русских средневековых памятников, на части которых выделены домонгольские комплексы. Это городище Никольевка 1, поселения Шапкино 2, Подгорное, Инясово, Рассказань в бассейне р.Хопер (Хреков А.А., 1994), Алмазово 1 и 2 (Изотова М.А., 1999). Причем, многолетние раскопки в этом регионе - лесостепном Прихоперье, а в более широком плане и Верхнем Подонье - позволили определить их место среди других населенных пунктов юго-восточных земель Древней Руси как в домон-

гольское время, так и во второй половине XIII - XIV вв. (Цыбин М.В., 1987, 1997).

Слабая исследованность территории между Волгой и Прихоперьем пока не позволяет решить вопрос о соотношении русских поселений этих двух регионов. Но, несомненно, что начальный этап их формирования проходил совершенно разными путями. Лесостепное Прихоперье было освоено русским населением в результате естественной колонизации в XII- первой половине XIII вв., после монгольского нашествия жизнь на поселениях возродилась вновь. В золотоордынское время здесь произошло не только повторное заселение, но даже приводятся данные об увеличении численности населения в XIII-XIV веках (Цыбин М.В., 1997, с. 339-340).

Поселения с русскими материалами по берегу Волги не имеют культурных слоев домонгольского времени, их возникновение целиком связано с образованием Золотой Орды в середине XIII века и насильственным переселением людей из покоренных областей, в том числе и Руси.

Сложнее по имеющимся материалам определить время возникновения русских населенных пунктов на обширной территории, разделяющей Прихоперье и побережье Волги. В физико-географическом отношении это южная окраина лесостепи с пойменными лесами и остепненными водоразделами. Русское население могло появиться здесь не обязательно насильственным путем, а постепенно переселялось в буферную зону, занимая наиболее залесенные участки. Такую вероятность нельзя исключать для северных районов Саратовской области, иначе сложно объяснить появление таких поселений, как Калмантай, в верховьях небольшой речки, вдали от торговых путей и не имеющих в культурном слое золотоордынскую керамику. Но хронологическую позицию таких памятников можно будет определить только после широкомасштабных раскопок.

В любом случае, появление серии средневековых поселений, содержащих преобладающее количество русских материалов, позволяет по-иному рассматривать этнокультурные аспекты региона в средневековое время.

Археологические материалы дают основание рассматривать социальное положение русского населения, не ограничивалось двумя категориями - рабами и полуавтономными ремесленниками (Полубояринова М.Д., 1978, с. 36-37). Русское население небольших сельских населенных пунктов, скорее всего, находилось в какой-то форме феодальной зависимости, сохраняя свой традиционный уклад жизни и культуру на протяжении длительного времени благодаря компактному поселению в чужеродной среде. Более подробно рассмотреть вопрос о социальном положении русских невольников станет возможным по мере накопления нового археологического материала.

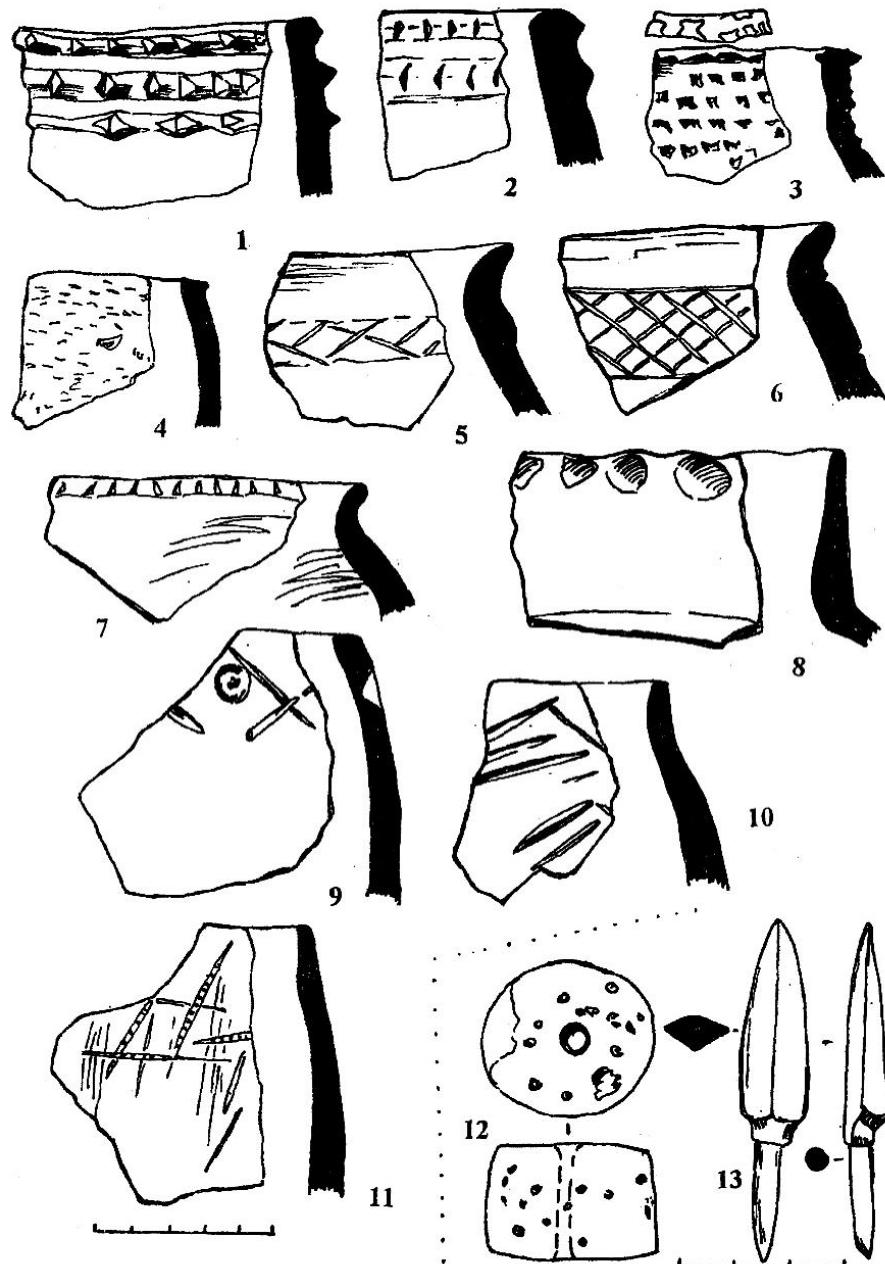

Рис. 25. Алексеевское городище. Найдены из коллекций фондов СОМК.

Подобные памятники пока отмечены только на Правобережье, на заложенных золотоордынских поселениях русская керамика встречается почти всегда, но никогда не составляет основу комплекса.

Подводя итоги исследований Алексеевского городища в 1998-2000 гг., следует сразу отметить, что предположения об эталонном характере памятника полностью подтвердились. Это было заметно уже после первого года исследований. Правомерность выделения описанных выше комплексов подтверждается и находками, полученными в предшествующих исследованиях городища. В СОМК хранится значительная коллекция материалов, происходящих с язялкесевского городища, и с добавлением новой серии находок, старые коллекции стали более информативными.

В коллекции, составленной из сборов и раскопок П.Н.Шишкина, А.А.Кроткова и С.Н.Чернова (1921-1923 гг.), П.С.Рыкова (1923-1925 гг.), Н.К.Арзютова (1928 г.), И.В.Синицына (1947 г.)¹ имеется катакомбная керамика, в том числе и многоваликовая (рис. 25, 1, 2); фрагменты сосудов с валиками ивановской культуры (рис. 25, 5, 6); псевдородожная и текстильная керамика городецкой культуры (рис. 25, 3, 4); гладкостенная керамика, украшенная по венчику насечками или пальцевыми защипами, с плавной профилировкой или резко отогнутым венчиком (рис. 25, 7, 8). Имеется также серия биконических пряслец и типично городецкое цилиндрическое пряслце с орнаментом (рис. 25, 12), а также костяной наконечник стрелы с выступами у основания трехганного пера и круглым в сечении черешком (рис. 25, 13).

За три года исследований не было обнаружено ни одного фрагмента срубной керамики, хотя ранее она встречалась в раскопках П.С.Рыкова, И.В.Синицына (рис. 25, 9-11), а также при исследованиях городища О.В.Кочерженко в 1992-1993 гг. (Кочерженко О.В., 1992, 1993).

Всего в настоящее время на Алексеевском городище известны следующие культурно-хронологические комплексы: катакомбный, ивановский, городецкий, золотоордынский, инясовский (постзарубинецкий), комплекс керамики второй четверти I тыс. н.э., средневековый русский. Причем, следует отметить, что три последних комплекса ранее здесь были неизвестны.

Среди всех исследовавшихся городищ вдоль правого берега Волги в пределах Саратовской области памятников с таким представительным набором разнокультурных комплексов больше пока нет. Кроме того, некоторые находки раннего железного века, встреченные в единичных экземплярах на Алексеевском городище дают основание надеяться, что

¹ Фонды СОМК, №№ 1049, 1050; НВСП, № 26986; №№ 1067, 1190.

список комплексов, при дальнейшем исследовании даже может быть расширен.

Музейные коллекции с других городищ Нижнего Поволжья показывают два принципиальных момента, отличающих их от Алексеевского городища. Во-первых, за немногими исключениями, все они немногочисленны из-за малой вскрытой площади культурного слоя. Из более чем трех десятков городищ региона, только одно Танавское раскопано полностью. В последние десятилетия раскопки широкими площадями раскопки проводились всего на нескольких городищах: Чардымское 2, Хлопков Бугор, Андриановское. На остальных памятниках вскрытые площади незначительны, проводилась шурфовка или только сбор подъемного материала.

Второе отличие – ни на одном из городищ региона пока не известно такое количество культурно-хронологических комплексов – от средней бронзы до средневековья. Городища, которые подвергались многолетним раскопкам и где культурный слой исследовался на большой площади, на лесостепном побережье Волги включают обычно находки двух-трех эпох (Степанов П.Д., 1960, с. 76-78).

К сожалению, большая часть городищ до сих пор осталась неопубликованной или в научный оборот введен какой-либо один комплекс, наиболее ярко выраженный на памятнике.

Например, из материалов городища «Попово блюдечко» в г. Вольске опубликована только керамика эпохи средней бронзы, хотя там получены также материалы ивановской и городецкой культур (Степанов П.Д., 1956). Аналогичная картина наблюдается и для материалов Танавского городища, где внимание исследователей привлекла керамика ивановской культуры (Колев Ю.И., 1988; Изотова М.А., Малов Н.М., 1992), а находки раннего железного века не рассматривались. Из коллекций Чардымских 1 и 2 городищ опубликованы только материалы городецкой культуры (Рыков П.С., 1933; Миронов В.Г., 1994; он же, 1997), а находки эпохи бронзы и средневековья в научный оборот не введены.

Конечно, в каждом из приведенных примеров представленный комплекс в количественном исчислении намного полнее аналогичного в культурном отношении комплекса Алексеевского городища, но подобный выборочный подход к материалам не позволяет получить полное представление о самом памятнике. Между тем, если взять за этalon выделенные культурно-хронологические памятники комплексы Алексеевского городища, то вполне вероятно, что при рассмотрении материалов других городищ там будут обнаружены аналогичные комплексы, что значительно расширит источниковедческую базу по многим историческим эпохам лесостепного Правобережья Нижней Волги.

Таким образом, представленные выше материалы Алексеевского городища даже только с научной точки зрения, несомненно, свидетельствуют о необходимости его скорейшей музеефикации как эталонного памятника региона.

Литература

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1983. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев.
- Баринов Д.Г., 2001. Древнерусские поселение и могильник у с. Калмантай. См. статью в настоящем сборнике.
- Васильев И.Б., 1999. Взаимодействие культур в лесостепном Волго-Уралье в каменном и медно-каменном веках // XIV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. Челябинск.
- Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.
- Вихляев В.И., 2000. Этнокультурные процессы в Окско-Сурско-Цининском междуречье в I-VII вв. // Финно-угорский мир: история и современность. Матер. II Всероссийской научн. конф. финно-угроведов. Саранск.
- Галкин Л.Л., 1984. Стеклянная мастерская на городище Селитренное // СА. № 2.
- Горбов В.Н., Кабанова Е.В., Усачук А.Н., Чубатенко И.А., 1999. Валик на керамике позднего бронзового века: поиск назначения // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.
- Изотова М.А., 1996. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // РА, № 4.
- Изотова М.А., 1999. Древнерусское поселение Алмазово II // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов. Вып. 3.
- Изотова М.А., Малов Н.М., 1992. Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Танавского городища // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов. Вып. 3.
- Каргер М.К., 1958. Древний Киев. М.-Л.
- Колев Ю.И., 1988. Опыт сравнительно-статистического анализа керамических комплексов позднего бронзового века // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев.
- Колев Ю.И., 2000. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара.
- Кочерженко О.В., 1992. Отчет об археологических раскопках Алексеевского городища (Саратовская область). Саратов. Архив Комитета по историко-культурному наследию. № 35 в.
- Кочерженко О.В., Охранные раскопки городища Алексеевское и курганной группы у с. Свищевка [Отчет за 1993 г.]. Архив Комитета по историко-культурному наследию. № 35 б.
- Лопатин В.А., 1997. Исследование Смеловского грунтового могильника и поселения в урочище Мартышкино // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов. Вып. 2.
- Малов Н.М., Филиченко В.В., 1995. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. СПб. № 4.
- Матвеева Г.И., 1986. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.

- Матвеева Г.И., 2000а.* Памятники оседлых племен лесной зоны Самарского Поволжья (белогорская и городецкая культуры) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.
- Матвеева Г.И., 2000б.* Памятники эпохи великого переселения народов (II-IV века н.э.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.
- Медведев А.П., 1990.* Сарматы и лесостепь. Воронеж.
- Медведев А.П., 1993.* Поселение раннего железного века Студеновка 3 // Археология Дона-Волжского бассейна. Воронеж.
- Медведев А.П., 1998а.* III Чертвицкое городище (материалы 1-ой половины I тыс. н.э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Воронеж.
- Медведев А.П., 1998б.* Верхнее Подонье в 1-ой половине I тыс. н.э. (основные этапы и тенденции этнокультурного развития) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Воронеж.
- Миронов В.Г., 1976.* Памятники городецкой культуры и проблема ее локальных вариантов. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. М.
- Миронов В.Г., 1994.* Погребения и жертвенные на городецких памятниках Саратовского Поволжья // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация (матер. научн. конф.). Рязань.
- Миронов В.Г., 1995.* Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поволжья. Рязань.
- Миронов В.Г., 1997.* К вопросу о жилищах и хозяйственно-бытовых сооружениях на городецких памятниках Саратовского Поволжья (историографический очерк) // Археологические памятники Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов. Вып. 2.
- Монахов С.Ю., 1982.* Отчет об археологических исследованиях в Вольском районе в 1981 г. Архив ИА РАН. Р-1, 8625.
- Моржерин К.Ю., 1996.* Раскопки грунтового могильника XIV века в урочище Мартышкино // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов. Вып. 1.
- Мыськов Е.П., 1998.* Общие итоги исследований Водянского городища в 1992, 1997 годах // Проблемы археологии юго-восточной Европы (тез. докл. междунар. конф.). Ростов-на-Дону.
- Недашковский Л.Ф., 1997.* Некоторые древнерусские материалы из Увека и его округи // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Тр. VI Междунар. Конгресса славянской археологии. М. Т. 3.
- Недашковский Л.Ф., 2000.* Золотоордынский город Утек и его округа. М.
- Никольская Т.Н., Полубояринова М.Д., 1967.* Раскопки древнерусских городищ Орловской области // КСИА. Вып. 110.
- Полубояринова М.Д., 1963.* Стеклянные браслеты древнего Новгорода // МИА. Вып. 117.
- Полубояринова М.Д., 1978.* Русские люди в Золотой Орде. М.
- Полубояринова М.Д., 1988.* Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
- Прошкин О.Д., 1997.* Древнерусский слой Мошинского городища // РА. № 2.

- Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987.* Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Пряхин Д.С., Цыбин М.В., 1991.* Древнерусское Семилукское городище XII - XIII вв. на р. Дон (итоги раскопок 1984-1986 гг.) // Археология славянского юго-востока. Воронеж.
- Пряхин Д.С., Цыбин М.В., 1996.* Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987-1993 гг.) // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж.
- Разуваев Ю.Д., 1998.* Ишутинское городище на Красивой мече // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Воронеж.
- Раппопорт П.А., 1975.* Древнерусское жилище. САИ. Вып. Е 1 - 32.
- Руденко К.А., 1999.* Металлические котлы VIII-XIV вв. Поволжья и Приуралья // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.
- Рыбаков Б.А., 1948.* Ремесло Древней Руси. М.
- Рыков П., 1933.* Чардымское городище // Известия Саратовского Нижневолжского института краеведения им. М. Горького. Саратов.
- Скрипкин А.С., 1984.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.
- Степанов П.Д., 1956.* Вольское городище // Археологический сборник. Тр. СОМК. Вып. 1.
- Степанов П.Д., 1960.* Хвалынские городища // Труды СОМК. Саратов, Вып. 3.
- Трубникова Н.В., 1950.* Городецкие племена и связь их со скіфами и сарматами // КСИИМК. Вып. XXXIV.
- Хреков А.А., 1994.* Древнерусские поселения лесостепного Прихоперья // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов.
- Хреков А.А., 1997а.* Археологические исследования в районе с. Рассказань // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов. Вып. 2.
- Хреков А.А., 1997б.* Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья (вопросы хронологии и культурной принадлежности) // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М. Т. 3.
- Хреков А.А., 1998.* Постзарубинецкое поселение Шапкино I на р. Вороне // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Воронеж.
- Хреков А.А., 1999.* Культовое место Шапкино II и некоторые вопросы мировоззрения постзарубинцев Прихоперья в первые века нашей эры // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов. Вып. 3.
- Хреков А.А., 2000.* Городецкие поселения лесостепного Прихоперья // Поволжский край. Саратов. Вып. 11.
- Хреков А.А., 2000а.* О позднегородецких памятниках лесостепного междуречья Хопра и Волги // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Саранск.
- Хреков А.А., 2000б.* Хронологические индикаторы постзарубинецких памятников иняевского типа в лесостепном Прихоперье // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии (матер. междунар. научн. конф.). Саратов.

- Цыбин М.В., 1987. Древнерусские памятники второй половины XIII-XIV вв. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Цыбин М.В., 1997. Юго-восток русских земель во второй половине XIII - XIV в. (к изучению этнокультурных процессов) // Этногенез и этнокультурные связи славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М. Том 3.
- Четвериков С.И., 1993. Отчет о научно-исследовательской работе. Выявление и картографирование археологических памятников в Лысогорском районе Саратовской области. Архив Управления по историко-культурному наследию Саратовской области. № 14.
- Щукин М.Б., 1986. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
- Юдин А.И., 1988. Отчет об археологических разведках в бассейнах рек Терешки и Большого Карамана в 1987 году. Архив ИА РАН. Р-1.
- Юдин А.И., 1997. Поселения средней бронзы степного Заволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей (матер. междунар. конф.). Саратов.
- Юдин А.И., 1998. Музеефикация Алексеевского городища как типичного памятника Правобережья Волги // Сохранение, восстановление, использование исторического, культурного, природного наследия народов России. (Матер. Междунар. научн.-практ. конф.). Березники.
- Юдин А.И., 1999. Памятники археологии Саратовской области как перспективные объекты туристских маршрутов // Перспективы развития туристических ресурсов Саратовской области. Саратов.
- Юдин А.И., 2000а. Алексеевское городище: от средней бронзы до позднего средневековья // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии (матер. междунар. научн. конф.). Саратов.
- Юдин А.И., 2000б. Алексеевское городище в г.Саратове: итоги и перспективы исследования // Поволжский край. Саратов. Вып. 11.

*Управление по историко-культурному наследию
министерства культуры Саратовской области*

В.А. Лопатин

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ПЕРИФЕРИЯ СМЕЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Полевые исследования Смеловского грунтового могильника в целом завершены. В настоящее время здесь выявлено 131 захоронение. Памятник занимал обширную площадку на краю первой заволжской надпойменной террасы и, как показали наблюдения за планиграфией могильника, его разрастание шло от края берега, с запада на восток (Лопатин В. А., 2000, с. 100).

Материал неоднороден. Комплексы разделены на три обрядовые группы, две из которых, наиболее ранние и одновременные, во взаимодействии формируют третью, более позднюю обрядовую группу (Лопатин В.А., 1997, с. 74). Ее характеризуют все ключевые признаки классической развитой срубной культуры эпохи поздней бронзы: прямоугольные формы могил, поза адорации скелетов на левом боку, северо-восточная ориентировка, один или два глиняных сосуда в качестве погребального инвентаря. Это самая представительная обрядовая группа в Смеловском могильнике, она наиболее однородна; представляется, что погребальная обрядность того периода строго канонизирована. Все это позволяет рассматривать наш памятник в качестве уникального примера локального культурогенеза в начальной фазе эпохи поздней бронзы.

Большая часть могил третьей группы приурочена к определенным родовым участкам кладбища, ритуальными центрами которых являются комплексы первой, реже второй, групп. Ритуальные родовые центры некрополя закладывались еще на ранней стадии взаимодействия местного степного и пришлого волго-уральского лесостепного компонентов. На последующем этапе, классическом срубном, некоторое время еще наблюдается развитие первоначальных структур. Потомков хоронят возле магических кругов (ровиков) и мавзолеев полуобожествленных предков.

Со временем эта картина меняется. Правильные круги ровиков трансформируются в серповидные и аморфные варианты, смешаются ритуальные центры, нарушается порядок построения свит могил. На периферийных участках памятника мы видим уже беспорядочные скопления захоронений, или ряды могильных ям, которые планиграфически самостоятельны и ни к каким центрам не относятся.

Работы последних лет были сосредоточены как раз на восточной и северо-восточной окраинах могильника, где наиболее полно были представлены погребения третьей группы, а комплексы первой и второй групп, или их реминисценции в производном, напротив, были единичны. Рассмотрим ситуацию периферии на примере произвольной выборки погребений №№ 112 – 117.

Весьма показательным представляется, комплекс погребения № 112 (рис. 1, 1), которое являлось ритуальным центром ровика № 4. Здесь, в тесной могильной яме овальной формы, расчищен скелет подростка. Все сопутствующие признаки, говорят о принадлежности этого погребения к первой обрядовой группе: указанная форма могилы, юго-восточная ориентировка скелета, очень сильная скорченность на левом боку, кости мелкого рогатого скота.

Подчеркнутый «аскетизм» погребенных с восточными ориентировками, их престижные позиции в планиграфических ситуациях (центральные положения на площадках с ровиками), очевидно, следует расценивать как отражение особого прижизненного статуса. Если в ритуальном центре покоятся взрослый человек («пращур»), то такой комплекс всегда сопровождается представительными свитами могил. К пращурам совершили подхоронения, иногда даже непосредственно в створ могильной ямы, то есть отправляли к ним посланников из мира живых в мир мертвых. Чаще всего это были дети, и это заставляет особо задуматься о ролевой функциональности огромного количества детских захоронений в погребальной обрядности срубной культуры.

Пrestижные позиции на родовых участках взрослых «пращуров», глав больших патриархальных родов, вполне объяснимы. На этом фоне несколько загадочно выглядит подростковое погребение № 112, «очерченное» магическим кругом, как знаком престижности. Для полноты приданого статуса умершему явно не хватает возраста, а также свиты могил, в которых должны быть захоронены потомки и посланники. Это можно, видимо, объяснить возрастом погребенного, не оставившего потомства, но обосновать его престижное положение в некрополе возможно только его принадлежностью к особому сословию (касте).

Не исключено, что к варианту первой обрядовой группы относится и комплекс погребения № 115 (рис. 1, 8-10). Этот вариант условно объединен с предыдущим в рамках автохтонного степного субстрата и, возможно, в будущем его удастся как-либо обособить. Это захоронения в подбойных могилах, иногда оснащенных ступенями, ориентированные на север и северо-восток, где скелеты не столь сильно скорчены и лежат в позах адорации на левом боку. Как правило, они безынвентарны, в них были отмечены лишь кости лошадей или крупного рогатого скота. Это обстоятельство заставляет не так уж категорично относить подростка из погребения № 115 к аскетам первой группы, поскольку при нем обнаружены два глиняных лепных сосуда, которые малоинформативны для раннего этапа становления срубной культуре, но зато более свойственны ее развитому, классическому времени (рис. 1, 9, 10). Вместе с тем, тип погребальной конструкции этого захоронения резко отличен от классических срубных могил. Входная штолня имела, скорее всего, квадрат-

ную форму и была ориентирована с юго-востока на северо-запад. В ее западной половине была устроена погребальная камера-подбоя овальной формы, с меридиональной ориентировкой. На дне подбоя расчищен скелет подростка, который был погребен в позе адорации, на левом боку, головой к северу. Ноги умершего подогнуты в коленях под острым углом, руки согнуты в локтях: левая под острым углом, так что кисть ее расположена перед лицевым отделом черепа, а правая – под прямым углом, ее кисть была выставлена вперед на уровне груди. Перед покойным стояли два горшка: тот, что крупнее, у лица, а миниатюрный баночный сосудик – около левого локтя. По основным конструктивным показателям это и прочие подбойные погребения Смоловки почти идентичны комплексам Мурманского кургана (Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988, с.130).

Большая часть северо-восточной периферии могильника занята захоронениями третьей обрядовой группы. Погребение № 114 – грунтовая яма подпрямоугольной формы, ориентированная по линии «юг – север». Стенки могилы слегка расширяются ко дну. Здесь расчищен скелет ребенка, погребенного на левом боку, в позе адорации, головой к северу (рис. 1, 5). Перед умершим стояли два глиняных лепных сосуда: более крупный – слабопрофилированный с вертикальным венчиком – у лица, а миниатюрная баночка с вертикальными стенками – около левого локтя (рис. 1, 6, 7).

Погребение № 116 – прямоугольная грунтовая яма с округленными углами, ориентированная с юго-запада на северо-восток (рис. 1, 11). Стенки могилы слегка суживаются ко дну. Здесь расчищен скелет взрослого человека, погребенного в сильно скорченной позе, на левом боку, с заметным завалом на грудь, головой к северо-востоку. Перед умершим обнаружены два лепных сосуда: около лица стояла банка средних размеров, а перед грудью зафиксирован слабопрофилированный сосуд с нехарактерно зауженной шейкой (рис. 1, 12, 13). Между ними лежали кости мелкого рогатого скота.

Погребение № 117 – подпрямоугольная грунтовая яма с сильно закругленными углами, ориентированная с юго-запада на северо-восток (рис. 1, 14). На дне могилы выявлен скелет подростка, лежавший на левом боку, в позе адорации, с такой же северо-восточной ориентировкой, но с необычным положением головы. Лицевой отдел черепа относительно корпуса скелета был повернут в обратную сторону, к северо-западу. Заметим, что это не единичный случай в Смоловском могильнике, поэтому подобные варианты очевидно следует относить к элементам особой обрядности. Не исключено также, что здесь имела место обрядовая декапитация, хотя на шейных позвонках следов грубого механического отделения головы не отмечено. Возле затылочной части черепа, вплот-

ную друг к другу, стояли два баночных сосуда (рис. 1, 16, 17). На миниатюрной баночке закрытой профилировки тонким инструментом прочерчена пиктограмма, состоящая из двух фигур – короткого косого отрезка и ломаной линии с раздвоенным концом. Около нижней челюсти погребенного найдена дисковидная бусина из белой пасты (рис. 1, 15).

В целом, периферия Смеловского грунтового некрополя весьма показательно демонстрирует сформировавшийся пласт культуры степных скотоводов и именно среднюю социальную страту этого общества. Самое характерное в Смеловке – это трансформация погребальной обрядности и строгая канонизация главных признаков нового культа, в основе которого наиболее заметны обращенность к восходу солнца (ориентировка), преклонение (адорация) и подношение (ритуальная пища). А некоторые данные пластиграфии и стратиграфии позволяют нам предполагать формирование и развитие здесь в середине и второй половине II тыс. до н.э. именно культа предков, как одного из прообразов раннего тейизма.

Литература

- Лопатин В.А., 2000. Культовые сооружения Смеловского могильника // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов.
 Лопатин В.А., 1997. Смеловский грунтовый могильник (к проблеме формирования срубной культуры в степном Заволжье) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
 Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988. Срубные погребения в подбоях на Еруслане // СА, № 2.

Саратовский госуниверситет

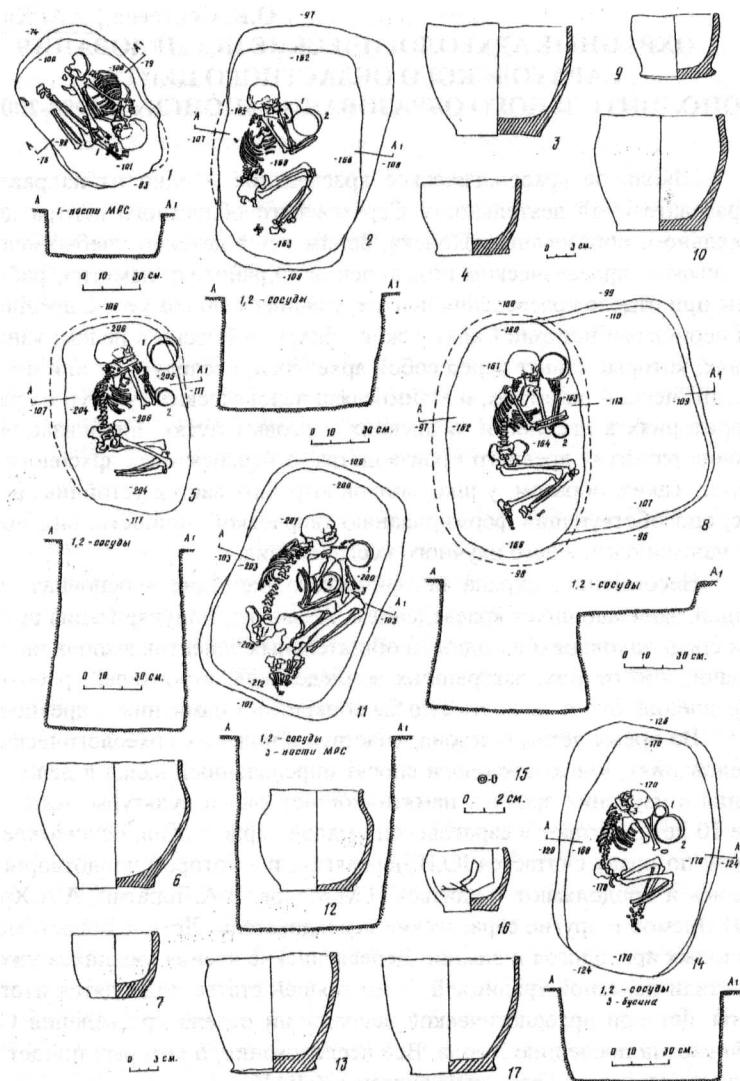

Рис. 1. Погребальные комплексы северо-восточной периферии Смеловского могильника. 1 – п. 112; 2-4 – п. 113; 5-7 – п. 114; 8 - 10 – п. 115; 11-13 – п. 116; 14-17 – п. 117. 3, 4, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 16, 17, - керамика; 15 – паста.

О.В. Сергеева, Д.А. Хоркин

**ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
САРАТОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ЦЕНТРА
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «ПОИСК» В 1998-2000 гг.**

Школьное археологическое краеведение – одно из направлений образовательной деятельности Саратовского областного центра дополнительного образования «Поиск». Занимаясь в детском учебно-исследовательском краеведческом объединении «Хранитель памяти», работающем при отделе краеведения центра, учащиеся знакомятся с древнейшими периодами истории Саратовской области и России в целом; узнают о целях, которые ставят перед собой археологи, исследуя тот или иной археологический памятник, о взаимосвязи человеческих культур на разных территориях в древности, о древних торговых путях, цивилизациях, об уровне развития древнего производства, о перспективах археологии как науки. Таким образом, у школьников вырабатывается устойчивый интерес, способствующий формированию творческой личности, они получают навыки настоящего научного исследования.

Несомненно, охрана исторического наследия – основная задача людей, занимающихся краеведением. А, значит, популяризация археологии среди школьников – один из обязательных аспектов выполнения этой задачи, ибо от них, завтраших землемельцев, строителей, работников управления, будут зависеть судьбы конкретных памятников древности.

Во время летнего сезона, участвуя в полевых археологических исследованиях, юные археологи вносят определенный вклад в дело сохранения и изучения древних памятников истории и культуры. Авторы более 10 лет работают в саратовской «малой» археологии, основателем которой по праву считается Ю.В.Деревянин, и в которой плодотворно трудились и продолжают трудиться Н.М.Малов, В.А.Лопатин, А.А.Хреков, И.И.Дремов и другие саратовские исследователи. Летние областные слеты юных археологов и зимние Деревянинские чтения учащихся уже давно стали полезной традицией. В настоящей статье подводятся итоги работы Детской археологической экспедиции отдела краеведения ОЦДО «Поиск» за последние 3 года. Все исследования, о которых пойдет речь, производились по Открытым листам ИА РАН.

Поселение Усть-Курдюм (1998 г.)

Ранее (в 1995 и 1996 гг.) Саратовским Областным центром детско-юношеского туризма, краеведения и экскурсий (ныне Областной центр дополнительного образования «Поиск») проводились исследования разрушающегося поселения эпохи поздней бронзы у села Усть-Курдюм в 20

км от Саратова выше по течению Волги. Работы 1995-96 гг. показали уникальность усть-курдюмских материалов. В процессе охранной засечки береговой кромки была выявлена часть полуzemляночного строения, при раскопках которого, в подсобном боковом помещении, в специально устроенной яме (тайнике?) (рис. 1, 3) обнаружены неоспоримые доказательства местной металлообработки (склад, состоящий из универсального литейного комплекта из двух керамических 5-предметных односторонних литейных форм и набора кузнецких инструментов и абразивов). На сегодняшний день опубликована большая часть материалов из Усть-Курдюма (Лопатин В.А., Хоркин Д.А., 1997, 1997а; Хоркин Д.А., 1998, 2000), поэтому нет нужды возвращаться к ним в настоящей работе.

С конца 90-х годов поселению стала активно угрожать деятельность человека: в непосредственной близости устроен частный пляж, начато строительство базы отдыха, верхняя терраса застраивается коттеджами. В 1998 году охранные работы на поселении Усть-Курдюм были продолжены.

Во время раскопок использовалась условная поквадратная сетка. Размеры квадратов 2×2 м. Для фиксации напластований было оставлено 2 стратиграфические бровки, ориентированные по линии «север-юг», кроме того, изучение стратиграфии памятника велось по стенкам раскопа. Все работы на поселении велись вручную. Культурный слой разбирался условными горизонтальными пластами по 0,2 м с обязательной фиксацией каждой находки на рабочем плане раскопа. Стратиграфия исследованного участка была следующей. Сразу под дерном залегал аллювиальный слой серого цвета, имевший мощность в различных местах раскопа от 0,10 до 0,20 м. Ниже располагался однородный рыхлый темно-серый грунт – культурный слой, достигавший в околодемяночном пространстве 0,5 м, а в заполнении котлована 1,2 м. Материк состоял из очень плотной глины коричневого цвета с темными вкраплениями.

В заполнении культурного слоя и на дне котлована были обнаружены многочисленные фрагменты глиняной лепной посуды и кости животных. На сегодняшний день с поселения происходит керамическая серия, состоящая более чем из 340 сосудов (из них почти 170 орнаментировано), представленных фрагментарно. Уровень сохранности керамики из постройки позволяет реконструировать лишь 16 сосудов (рис. 2, 1-15; 3, 1). Большинство орнаментированной и профилированной керамики представлено стенками и днищами, поэтому на типы уверенно можно разделить только 105 сосудов, из них слабопрофилированных – 28 (27 % от общего числа), баночных – 68 (65 %), острореберных – 9 (8%). В примесях отмечены шамот, органика, песок и дресва.

Что касается орнамента, то в усть-курдюмской серии можно выделить следующие его элементы: тонкие и широкие прорезанные линии;

оттиски крупнозубчатого штампа; оттиски штампа, имитирующего шнур; пальцевидные и ногтевидные оттиски; клиновидные, линзовидные, каплевидные и овальные вдавления; зубчатые каплевидные оттиски, имитирующие личинку; под треугольные оттиски; Т-образные вдавления. Многие из перечисленных элементов орнамента отмечены на ряде срубных поселений.

Сюжеты орнамента сосудов Усть-Курдюмского поселения: ряды различных оттисков и вдавлений; параллельные прочерченные линии; косые прочерченные штрихи и решетки; вертикальные решетки из прочерченных линий; парные кресты оттисков крупнозубчатого штампа и кресты из линзовидных оттисков; зигзаги; штрихованные треугольники; «ёлочный» орнамент, выполненный зубчатым штампом или линзовидными оттисками; хаотичные скопления оттисков и прочерченных линий; «висячая баxрома» (прочерченный зигзаг с рядами каплевидных оттисков по всему шагу). Таким образом, коллекция керамики из Усть-Курдюма имеет облик, типичный для поселений нижневолжской срубной культуры развитого этапа.

Предварительный анализ остеологического материала показал преобладание КРС - 60%, далее идут МРС - 30% и лошадь - 10%. Встречены также кости рыбы, возможно, щуки и щитки осетра.

Работы 1998 года позволили до конца определить конфигурацию сохранившейся части усть-курдюмской постройки (рис. 1, 2). Очевидно, это было подпрямоугольное строение шириной около 12 м, вытянутое по линии «север-юг» с выходом в направлении реки и боковым подсобным помещением с западной стороны. Следов столбовых опор не обнаружено.

У южной стенки котлована древней постройки расчищены хозяйственныe ямы 8 и 9 (ямы 1 – 7 были исследованы в прежние сезоны). В яме 8, кроме многочисленных обломков посуды было найдено керамическое колесико от культовой модели повозки (рис. 3, 7) и небольшой предмет из обожженной глины, который был интерпретирован как глиняная одноразовая пробка, закрывавшая литниковое отверстие при литье (рис. 3, 4). На краю ямы, на ступени, расчищен развал крупного глубокого сосуда (корчаги), украшенного нерегулярным орнаментом (под устьем - ряд горизонтальной крупнозубчатой «елочки»; в одном месте он прерывается и здесь изображен заштрихованный оттисками зубчатого штампа треугольник, обращенный вершиной вниз) (рис. 3, 1). На дне ямы 9, стенки которой носят следы наиболее значительного прокала, стояла плавильная чаша, изготовленная из целого днища массивного сосуда, с характерной ошлаковкой по краям.

Таким образом, в южной части котлована прослежен целый комплекс хозяйственных ям (5, 6, 8, 9), с находившимися в них керамикой,

орудиями производства и предметами ритуального характера. Ранее в яме 6 найдены полусферическая терка из песчаника, символический глиняный жертвенный хлебец (рис. 3, 5) и обломок глиняного колесика от повозочки (рис. 3, 6). В районе комплекса обнаружены многочисленные фрагменты абрязивов, наковаленки (?) из гематита, упомянем здесь же о находке на полу постройки двух амулетов - массивного из агата с одним сквозным отверстием и двумя незаконченными сверлинами (рис. 3, 2) и небольшого овального плоского из лимонита (рис. 3, 3). В заполнении всех ям встречены мелкие кости животных (зачастую пережженные), угли, мелкие кусочки охры. В соответствии с тезисом о том, что некоторые ямы в жилищах бронзового века в свое время использовались как жертвенники (Горбов В.Н., 1996, с. 73), и принимая во внимание оригинальный характер их заполнения в Усть-Курдюме (наличие пережженных и раздробленных костей, охры, сакральных вещей и производственных предметов, видимо, использовавшихся как ритуальные), тот факт, что орудия производства, обнаруженные при его расчистке, являются необходимой частью инвентаря литейщика, была высказана гипотеза о функционировании в усть-курдюмской постройке алтаря-жертвенника, связанного с обрядовыми действиями древних металлообработчиков (Хоркин Д.А., 1998, с. 81). Сама постройка была классифицирована как производственно-ритуальная, позволяющая совместить требуемые сакральные действия с размещением трудоемкого производства в отдельном помещении (Хоркин Д.А., 2000, с. 67).

В целом материалы усть-курдюмской землянки, как имеющие непосредственное отношение к срубной металлообработке, значительно расширяют базу данных о бронзолитеином производстве племен развитой нижневолжской срубной культуры.

Кроме указанных раскопок, на поселении была произведена шурфовка с целью обнаружения сохранившихся участков памятника, т.к. площадь вокруг раскопа 1995-98 гг. носит следы явного разрушения культурного слоя: проложено несколько грунтовых дорог, глубоко разбивших слой, берег изрезан осипями, в некоторых местах вырыты мусорные ямы. Шурф размером 2×4 м был заложен в 60 м к северо-западу от края раскопа, севернее старой хозяйственной траншеи, на краю крутого понижения террасы к берегу, в месте наибольшей концентрации подъемного материала, и вписан в общую условную поквадратную сетку.

Стратиграфия исследованного шурфом участка оказалась следующей. Верхний слой представляет собой светло-серый грунт, сильно насыщенный различным современным строительным мусором (проволокой, стеклом, битым кирпичом) и крупной галькой. Очевидно, этот слой - результат заравнивания траншеи, наверняка, использовавшейся как

свалка. Он несет в себе незначительное количество переотложенных находок и достигает мощности 30 см. Сразу под ним залегает серый аллювиальный слой толщиной до 0,2 м, далее - темно-серый грунт - культурный слой, мощностью до 0,5 м. Таким образом, стратиграфическая ситуация (за исключением позднейшего верхнего наноса) почти идентична ситуации в раскопе 1995-98 гг.

В культурном слое и на дне шурфа было обнаружено около 180 фрагментов лепной керамики, из них орнаментированных или характеризующих форму профиля – 45 (25%). Орнамент на фрагментах сосудов представлен одиночными и парными зигзагами, горизонтальными линиями, рядами различных оттисков, беспорядочными вдавлениями. Элементы орнамента - отпечатки зубчатого штампа, прочерченные линии, ногтевые и овальные вдавления, клиновидные, линзовидные и подтреугольные оттиски. Два сосуда графически реконструированы до точки максимального расширения туловы (рис. 3, 8-9).

Особое внимание привлекает фрагмент керамической плитки толщиной 2,9 см с ровными параллельными поверхностями и волнистым, чуть округлым краем (рис. 3, 10). Думается, можно предположить, что это обломок глиняной литейной формы, тем более, если принять во внимание характер материалов расчищенной усть-курдюмской постройки.

Остеологический материал представлен более чем 200 обломками костей животных, из которых 80% принадлежит КРС, около 15% - лошади, процент МРС крайне незначителен.

Обращает на себя внимание тот факт, что находки, обнаруженные в шурфе, в основном, концентрировались у южной, дальней от реки, стенки. Тем интереснее, что при выборке последнего пласта культурного слоя обнаружились очертания овального вытянутого углубления, расположенного почти перпендикулярно к южной стенке шурфа и уходящего под неё. Углубление было расчищено, глубина его незначительна (до 13 см от уровня материка). Повышение дна углубления к реке, его овальная, расширяющаяся к югу конфигурация, а также упомянутая концентрация материала позволяют предположить, что это тамбур входа еще одного полуземляночного строения. После полной зачистки материка в углублении, шурф №1 был законсервирован путем засыпки, с целью сохранения комплекса для полного исследования в последующих сезонах.

Поселение Нижняя Красавка (1999 г.)

Поселение эпохи поздней бронзы Нижняя Красавка расположено на остатках высокой террасы левого берега р.Медведицы, в 0,25 км к северо-востоку от деревни Нижняя Красавка Аткарского района Саратовской области и в 3 км к юго-западу от железнодорожной станции Красавка.

Памятник известен с 60-х гг. после разведок Ю.В.Деревягина (Деревягин Ю.В., 1976, с. 128). По материалам разведок поселение Нижняя Красавка было отнесено А.Д. Пряхиным к древностям доно-волжской абальевской культуры (Пряхин А.Д., 1971, с. 103), а Н.М. Малов поставил его в ряд срубно-абашевских памятников (Малов Н.М., 1986, с. 30).

В 1971 году В.А. Фисенко произвел на памятнике раскопки методом закладки траншей по линиям «север-юг» и «восток-запад». Всего было вскрыто более 120 м². Скоропостижная смерть в том же году помешала исследователю осуществить обработку полученных материалов. По различным обстоятельствам полевая документация и коллекция до настоящего времени не сохранились. Ныне поселение, ограниченное с юго-запада широкой промонной, а с северо-запада – изрезавшими берег оврагами, почти полностью разрушившимися в этом месте культурный слой, постоянно разрушается береговыми оползнями (рис. 4). Во время обследования поселения Нижняя Красавка в апреле 1998 года был собран обильный подъемный материал, состоявший более чем из 110 обломков лепной посуды (с орнаментом или профицированных - 37), многочисленных костей животных.

В срезе берега была зафиксирована линза жилищного котлована, на которой в 1999 г. был заложен раскоп в 30 м². Сохранившаяся часть разрушающейся древней постройки была полностью исследована. На зачищенном дне раскопанной части котлована хозяйственных ям или следов столбовых опор не прослежено. Кроме нее, на поселении визуально обнаружены еще две земляночные западины.

В культурном слое, мощность которого доходит до 1 м, и на дне постройки, кроме многочисленных обломков стенок лепных сосудов и костей животных, обнаружены фрагменты венчиков и днищ, представляющие примерно 70 сосудов. В тесте отмечены шамот, песок, раковина, дресва и органика, причем шамот и песок в процентном соотношении с другими отощителями составляют подавляющее большинство – около 70 % от общего количества найденной керамики.

Из профицированной керамики орнаментировано около 50 % венчиков, при этом орнамент чаще всего располагается в верхней части туловы, лишь в единичных случаях опускаясь до линии максимального расширения.

В керамическом комплексе, который получен на данном, начальном, этапе исследований памятника, преобладают, в основном, две формы: слабофицированные сосуды – около 60% и баночные сосуды – около 40%. Пока отмечен только 1 фрагмент острореберного сосуда. Сюжеты декора довольно примитивны: ряды оттисков зубчатого штампа и прочерченных линий, прочерченные и крупнозубчные зигзаги, кресты, ряды различных вдавлений. Среди элементов орнамента выделяют-

ся отиски крупнозубчатого, мелкозубчатого и двузубчатого штампов, овальные и клиновидные вдавления, отиски ребристого штампа и имитатора витого шнура.

Почти вся керамика имеет желто-коричневый или серо-коричневый, редко серый, цвет внешней поверхности и серый или серо-коричневый – внутренней. Поверхность либо ровная гладкая, либо имеющая хаотично расположенные следы сглаживания мелкозубчатым штампом. Желто-коричневая керамика в изломе черная, серо-коричневая – серая.

Таким образом, можно сказать, что облик основной массы керамики из Нижней Красавки соответствует сложившимся представлениям о керамическом комплексе срубной культуры развитого этапа. Однако ряд фрагментов действительно обращает на себя внимание присутствием в форме, а также в способах и сюжетах орнаментации сосудов, элементов, свойственных синcretичной срубно-абашевской, или покровской, керамике.

Из элементов формы сосудов таковыми, очевидно, являются внутреннее ребро под венчиком (рис. 5, 8, 10-13, 15) и так называемая технологическая сформированная губа (Бобринский А.А., 1988, с. 21, рис. 9), т.е. характерное «грибовидное» утолщение венчика, возникшее под воздействием технологических причин (рис. 5, 1-4, 6, 9).

Ранним признаком в орнаменте, по-видимому, следует считать горизонтальные опоясывающие устье линии глубоких оттисков крупнозубчатого штампа, читающиеся в профиле сосудов. Для доно-волжской абашевской керамики присущ орнаментальный мотив, состоящий из многорядных горизонтально прочерченных линий, зачастую обрамленных боковыми вдавлениями. Покровская керамика из Нижней Красавки наследует этот сюжет, но от абашевской её отличает меньшее количество горизонтальных рядов, исполнение их крупнозубчатым штампом, а не прочерченными линиями, и отсутствие упомянутого обрамления (рис. 5, 1-4, 7, 19).

К абашевцам восходит и использование вертикальных «расчесов» штампом как особого приема орнаментации. Но штрихованное заглаживание стенок на абашевских сосудах более крупное и более упорядоченное, чаще вертикальное по внешней и горизонтальное по внутренней поверхности, а на красавских фрагментах вертикальная штриховка образует в верхней части сосудов лишь отдельные орнаментальные зоны (рис. 5, 5, 9).

Отметим, что в культурном слое исследованной части поселения керамика с упомянутыми признаками никоим образом не стратифицировалась в отдельную прослойку, а достаточно равномерно распределялась по всей его глубине, начиная с первых пластов. Упомянем также, что

лишь четыре орнаментированных фрагмента имеют в тесте толченую раковину, остальная керамика с раковиной (её менее 20 %) – это неорнаментированные обломки стенок и характерных днищ без закраин.

Видимо, на Нижней Красавке мы имеем дело с синкретичной покровской керамикой, отразившей трансформацию и примитивизацию абашевских традиций и традиционно сочетающейся с чисто срубными образцами.

Упомянутые «ранние» элементы находят аналоги именно среди керамических комплексов срубных памятников покровского времени, как Правобережья, так и Заволжья. В Саратовском Заволжье они отмечены на поселениях Успенка, Чапаевка, Преображенка, Трумбицкое (Лопатин В.А., 1996, с. 142, рис. 1, 3, с. 145, рис. 3, 9, 20; с. 152, рис. 7, 7, 21, 22), Скатовка, Натальино V, Вихляные Овраги, Красный Яр (Памятники срубной культуры, 1993). Наиболее близок нижнекрасавскому керамическому комплексу по сюжетам орнамента керамический комплекс правобережного поселения Вишневое, раскопанного в черте города Саратова (Дремов И.И., 1992, с. 80, рис. 4; с. 82, рис. 5), хотя бросается в глаза расхождение по процентному содержанию различных примесей в керамическом тесте: на Вишневом шамот составляет менее 10 %, а на Красавке более 70 %.

Присутствуют вышеназванные элементы и на керамике таких погребальных памятников, как Покровский курганный могильник, курганные могильники Калмыцкая Гора, Терновка, Натальино II (Памятники срубной культуры, 1993). Причем следует заметить, что «грибовидный» венчик, видимо, характерен более для поселенческой посуды, хотя, например, в материалах Вишневого он не встречается.

Не останавливаясь подробно, отметим широкий круг аналогий указанным особенностям нижнекрасавской керамики и в других регионах: в Самарском Заволжье – курганный могильник у с. Песочное (Зудина В.Н., Скарбовенко В.А., 1985, с. 78, рис. 6, 9), поселение Точка (Васильев И.Б., Кузьмина О.В., 1981, с. 93, рис. 3, 20, 21); на Северском Донце (Литвиненко Р.А., 1994, с. 56, рис. 2, 1, 2, 5).

Стоит ли говорить, что в керамике развитого этапа срубной культуры такие черты, как внутреннее ребро, «грибовидность» венчика, вертикальные «расчесы» и многорядность глубоких опоясывающих зубча-тых оттисков и резных линий практически не встречаются.

Интересной представляется находка двух фрагментов с орнаментом в виде меандра, изображенного в виде оттисков зубчатого штампа (рис. 5, 17) и прочерченной линии (рис. 5, 16). Последний отдаленно напоминает прочерченный меандр на сосудах Погаповского могильника (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994, с. 126, рис. 22, 2), но лишь по способу изображения.

Учитывая перечисленные характерные особенности керамического комплекса поселения Нижняя Красавка и присутствие в тесте части сосудов примеси толченой раковины, можно с уверенностью отнести время существования поселения Нижняя Красавка к покровскому этапу срубной культуры.

Курганская группа у с.Рахмановка¹

Курганская группа у с. Рахмановка (Пугачевский район Саратовской области) расположена на юго-восточной окраине села в 0,7 км к востоку от левого берега р. Камелик. Через северо-восточную часть памятника проходит трасса Саратов – Перелюб, при ремонте которой был поврежден курган 1.

Курганская группа состоит из 20 насыпей, четыре из которых распахиваются, остальные задернованы. Большинство из них округлой формы диаметром 15-20 м, высотой 0,2-0,4 м.

Курган 1 (1993 г.)

Курган 1 имел эллипсовидную форму насыпи, его диаметр 19x23 м, высота 0,35 м над современной поверхностью. Юго-западная половина кургана была повреждена при ремонте трассы. А.В.Бабенко с помощью школьников доисследовал эту половину насыпи с расположенной здесь могильной ямой, использовав скрепер строителей. Таким образом, к нашему прибытию не раскопанной оставалась северо-восточная половина кургана.

Стратиграфия кургана была следующей: дерн 0,08-0,12 м; насыпь – гумусированный суглинок светло-серого цвета толщиной до 0,35 м; погребенная почва – суглинок темно-серого цвета толщиной 0,15-0,25 м; материк – желтая глина.

В кургане находилось одно парное захоронение, расположенное немного северо-восточнее современного центра кургана. Вокруг могильной ямы на погребенной почве кольцом располагался выкид мощностью 0,1-0,3 м и шириной до 4 м, концы которого с северо-северо-востока не смыкались, а образовывали узкий проход (рис. 6, 1). Погребение было ограблено еще в древности. В его северном углу и в бровке кургана фиксировался грабительский ход. Заполнение хода представляло собой зачечный грунт, состоящий из суглинка и материковой глины, в его заполнении найден обломок днища бронзового сосуда (рис. 8, 7). Днище

¹ В охранных исследованиях рахмановских курганов принимали активное участие ученики Рахмановской средней школы – члены туристско-краеведческого клуба, возглавляемого местным краеведом, учителем географии А.В. Бабенко. Всем участникам раскопок авторы приносят сердечную благодарность.

плоское с закраиной, диаметром около 19 см. С внутренней стороны имеются следы нагара.

Могильная яма трапециевидной формы с закругленными углами (рис. 6, 2) имела ориентировку юго-запад – северо-восток с небольшим отклонением к югу. Ее размеры 3,05x3,30 м, глубина 2,30 м от нулевой отметки. Стенки ямы отвесные, дно неровное. Оно имеет 5 углублений и 2 ступени.

Вдоль северо-западной стенки могилы в 0,32 м от западного угла расположено углубление овальной формы длиной 0,77 м, шириной 0,42 м и глубиной 0,26 м от дна ямы. От северо-восточного края этого углубления вдоль стенки могильной ямы поднимается ступенька длиной 1,56 м, шириной 0,38 м и высотой 0,29 м. К северному углу могилы она образует две ступени, при той же высоте. От северного угла вдоль северо-восточной стены поднимается еще одно возвышение, приобретающее с другого конца двухступенчатую конструкцию. Его длина 2,13 м, ширина 0,26-0,37 м, высота 0,35-0,38 м. В углу на возвышении лежал череп человека, лицевой частью вниз. Его нижняя челюсть найдена в заполнении могилы. Около юго-восточной стенки, ближе к восточному углу располагалось углубление длиной 0,92 м, шириной 0,81 м, глубиной 0,13-0,15 м. Вдоль северо-западной стенки находится большое, аморфное в плане, но неглубокое (0,12-0,13 м) углубление. Рядом с ним расположена небольшая круглая ямка диаметром 0,23 м и глубиной 0,15 м. Небольшая канавка глубиной 0,08 м располагалась вдоль левой ноги и части туловища близлежащего к северо-западной стене скелета. Углубления находок не содержали.

В 0,35 м от юго-восточной и в 0,83 м от юго-западной стенок могилы находилось два позвонка животного.

Могильная яма была перекрыта поперек бревенчатым накатником, остатки которого в большом количестве были встречены в заполнении могилы. Часть перекрытия лежала на дне вдоль северо-западной и северо-восточной стенок ямы и на костях одного из скелетов.

Погребенные, мужчина и женщина (?), были смещены относительно центра могилы к северо-западной стене, лежали в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад. Скелет одного из погребенных сохранился почти полностью. Его левая рука отходит в сторону от туловища, согнута в локте, кистью вверх. Сохранившаяся часть правой руки вытянута вдоль туловища. В 0,08 м от нее лежал кусок желтой охры, диаметром около 3 см.

От второго скелета сохранились лишь кости рук и ног, несколько позвонков и половина таза. Под тазовой костью найден обломок железного однолезвийного ножа, длиной 8,6 см (рис. 8, 5). Руки вытянуты вдоль туловища. Правая нога слегка согнута в колене и отведена не-

сколько в сторону. Между локтем левой руки и ямой лежал развал але- бастрого сосуда. Восстанавливается его нижняя часть, сохранившаяся на высоту 4 см. Диаметр наибольшего расширения тулова равен 9,7 см, дно округлое, слегка вогнутое внутрь, толщина стенок 1,1 см (рис. 8, 3). В 12 см ниже первого располагался второй очень маленький алебастро- вый сосудик, форма которого восстанавливается полностью. Его высота 2,8 см, диаметр венчика 2,2 см, диаметр дна 1 см (рис. 8, 4).

В 0,1 м ниже кисти левой руки лежал фрагмент бронзового сосуда, дно от которого и было, вероятно, найдено в заполнении грабительской ямы.

В ногах скелета находились развалины двух гончарных сосудов. Один из них, сероглиняный подложененный кувшинчик или кружка, вос- становливается полностью. Его высота 9 см, диаметр венчика 5,7 см. На $\frac{1}{4}$ высоты от дна сосуда имеется ребро. Дно вогнуто внутрь, его диаметр 5,2 см. Ручка кружки была отломана еще в древности (рис. 8, 1). От второго сосуда сохранилась лишь верхняя часть. Это кувшин с высоким узким горлом и резко отогнутым венчиком. Его диаметр 8,5 см (рис. 8, 2).

Кроме этого в заполнении могильной ямы найдены две стеклянные бусины. Одна из них круглой формы, диаметром 1,6 см, синего цвета с двумя белыми с позолотой спиральными (рис. 8, 8). Вторая бусина зеленого цвета, цилиндрической формы диаметром 0,6 см и высотой 0,4 см (рис. 8, 9). Найден также обломок железного неопределенного предмета, длиной 7,7 см. Это остатки круглого в сечении прута, диаметром 0,9-1,0 см (рис. 8, 6).

Характерные формы серогощеной керамики, алебастровые сосу- дики, полосчатая стеклянная бусина имеют круг аналогий среди памятников среднесарматской культуры, в частности, материалов Сусловского курганного могильника, ставших эталонными в ее выделении (Скрипкин А.С., 1992, с. 16, рис. 4). Это дает возможность отнести парное погребе- ние из кургана 1 Рахмановской курганной группы к среднесарматской культуре.

Курган 20 (1999 г.)

Курган 20 имел в плане круглую форму насыпи диаметром 16 м, высотой 0,24 м. Для наблюдения за стратиграфией была оставлена одна меридиональная бровка.

Стратиграфия была следующей: дерн толщиной 0,10-0,12 м; на- сыпь – серый плотный гумусированный суглинок толщиной до 0,25 м; погребенная почва – серо-коричневая супесь с норами грызунов толщи- ной 0,18-0,20 м; материк – желтая глина.

В центре кургана обнаружено центральное и единственное захоронение (рис. 7, 1), окруженное кольцом материкового выкида. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентированная

по линии север-юг с небольшим отклонением к востоку, имела размеры 1,60x0,5 м и глубину -1,84 м от нулевой отметки. Западная стенка ямы слегка расширяется к дну. Могила сильно потревожена норами грызу- нов. При ее выборке в заполнении на разной глубине встречались кости скелета человека, перемещенные сюда со дна. Кости, найденные на дне могилы, лежали в беспорядке. Череп с явными следами искусственной деформации располагался в южной половине могилы ближе к ее центру (рис. 7, 2). Других находок в погребении не обнаружено.

Археологические памятники р. Большой Колышлей (2000 г.)

Летом 2000 проводилось обследование нижнего течения р. Большой Колышлей на участке от места ее впадения в р. Медведица до с. Павловка Аткарского района Саратовской области. В результате разве- док обследованы памятники, открытые ранее (курганные группы Ко- лышлей 1 и 2, поселения Станция Красавка и Барановка 4) и обнаружено четыре новых. Курганская группа Колышлей 1, открытая и частично рас- копанная в 1930 г. И.В.Синицыным и насчитывающая по его данным свыше 50 насыпей, к настоящему времени состоит из 7 курганов. Три из них содержат колодцы старых раскопов. Возможно, что курганные груп- пы 1 и 2, расположенные в непосредственной близости друг от друга, ранее составляли один могильник.

Наиболее интересные представляют новые материалы. Это поселе- ния Нижний Колышлей и Павловка, курганская группа Колышлей 3 и ме-стонахождение у с.Андреевка.

Курганская группа Колышлей 3 расположена на краю второй надпойменной террасы левого берега р. Б.Колышлей в 1,7 км к юго-юго-востоку от с. Колышлей (раннее оно представляло собой два села Ниж- ний и Средний Колышлей, слившиеся теперь воедино) и в 1,2 км к запа- ду от с. Павловка. Между курганами проходит грунтовая дорога Колыш- лей – Ершовка. Группа насчитывает две насыпи, одна из которых под- вергается распашке, ее высота 1,1 м, диаметр около 55 м. Высота задер- нованного кургана 2 м, диаметр около 50 м.

Поселение Нижний Колышлей расположено в 0,2 км от левого берега р. Б.Колышлей на невысоком склоне террасы, на западной окраине села Колышлей (бывший Нижний Колышлей), в 0,04 км к северо-западу от грейдера Аткарск – Колышлей. Через поселение проходит грунтовая дорога. Площадь памятника 40x80 м. На селище найдено 13 фрагментов лепной керамики с примесью песка и шамота, 2 из них ор- наментированы зубчатым штампом. Поселение относится к срубной культуре.

Поселение Павловка расположено у подножия второй надпой- менной террасы левого берега р. Б.Колышлей в 0,13 км к юго-западу от

реки и в 0,3 км к юго-юго-западу от с. Павловка. С трех сторон поселение окружено неглубокой промоиной или древней старицей, через его центр проходит грунтовая дорога, а через северо-западную окраину – ЛЭП. На задернованной поверхности памятника (70x75 м) хорошо видны три земляночные западины. Собрano 33 фрагмента лепной керамики, 6 из которых орнаментированы зубчатым штампом и прочерченными линиями, а также кварцитовый скребок. Поселение относится к срубной культуре.

Местонахождение у с.Андреевка расположено у подножия второй надпойменной террасы правого берега р. Б.Колышлей, в 0,07 км к юго-западу от с. Андреевка и в 0,1 км к северо-востоку от реки. На участке грунтовой дороги (3x70) найдено 7 фрагментов лепной керамики, два из них орнаментировано зубчатым штампом. Относится к эпохе поздней бронзы.

Литература

- Бобринский А.Г., 1988. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев.
 Васильев И.Б., Кузьмина О.В., 1981. Абашевские поселения лесостепного Заволжья // Эпоха бронзы Волго-Уральской степи. Воронеж.
 Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.
 Горбов В.Н., 1996. К интерпретации некоторых поселенческих комплексов бронзового века Поволжья // Древности Волго-Донских степей в системе Восточно-европейского бронзового века. Волгоград.
 Деревягин Ю.В., 1976. Юному туристу-археологу // Изучай родной край и оберегай его богатства. Саратов.
 Дремов И.И., 1992. Вишневое – поселение покровского времени в Саратове // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
 Зудина В.Н., Скарбовенко В.А., 1985. Раннесрубный могильник у с. Песочное // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев.
 Литвиненко Р.А., 1994. Керамический комплекс погребений покровского горизонта Донецкой лесостепи // Срубная культурно-историческая область. Саратов.
 Лопатин В.А., 1996. Построочные комплексы периода становления срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. 1. Саратов.
 Лопатин В.А., Хоркин Д.А., 1997. Срубный металлообрабатывающий комплекс в Саратовском Правобережье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы науч. конф. Саратов.
 Лопатин В.А., Хоркин Д.А., 1997а. Керамические литейные формы с поселения срубной культуры у села Усть-Курдюм // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов.
 Малов Н.М., 1986. Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов

- Памятники срубной культуры. Волго-уральское междуречье. 1993. САИ. Вып. 1-10. Саратов.
 Пряхин А.Д., 1971. Абашевская культура в Подонье. Воронеж.
 Скрипкин А.С., 1992. Об уточнении хронологии сарматских культур // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов.
 Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.
 Хоркин Д.А., 1998. Ритуальный комплекс на поселении нижневолжских бронзовителей у села Усть-Курдюм // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тезисы докл. VII Донской арх. конф. Ростов-на-Дону.
 Хоркин Д.А., 2000. Производственно-ритуальная постройка на срубном металлообрабатывающем поселении Усть-Курдюм под Саратовом // Научное наследие А.П. Смирнова и проблемы археологии Волго-Камья. Материалы науч. конф.

Областной центр дополнительного образования «Поиск»

Рис. 1. Планграфия производственно-ритуальной постройки на поселении Усть-Курдюм. 1 - схема расположения памятника ; 2 - план распределения ям, орудий труда и ритуальных предметов по площади постройки:

А - абразивные инструменты и их фрагменты, Т - терки из песчаника, П - каменные песты и их фрагменты, а- брус отожженной охры, б- каменный оселок, в- керамическое прядлице, г - фрагмент глиняного колесика от модели повозки, д- фрагмент лощила, е- фрагмент трехпредметной литейной формы, ж- амулет из агата, з- фрагмент каменного шлифовального орудия, и- глиняный вотовый "хлебец", к- амулет из лимонита, л- оливкообразный бронзовый слиток-заготовка, м- абразив из обломка керамики, н- наковаленки из гематита, о- глиняное колесико от модели повозки, п- литниковая одноразовая пробка, - находки из заполнения; 3 - план и профиль ямы №4: 1 - набор каменных кузнечных инструментов, 2 - кости животных, 2 - трапециевидная каменная плита, 3 - необработанные камни, 4 - раковины-грифели, 5 - керамические литейные формы, б - фрагменты керамики

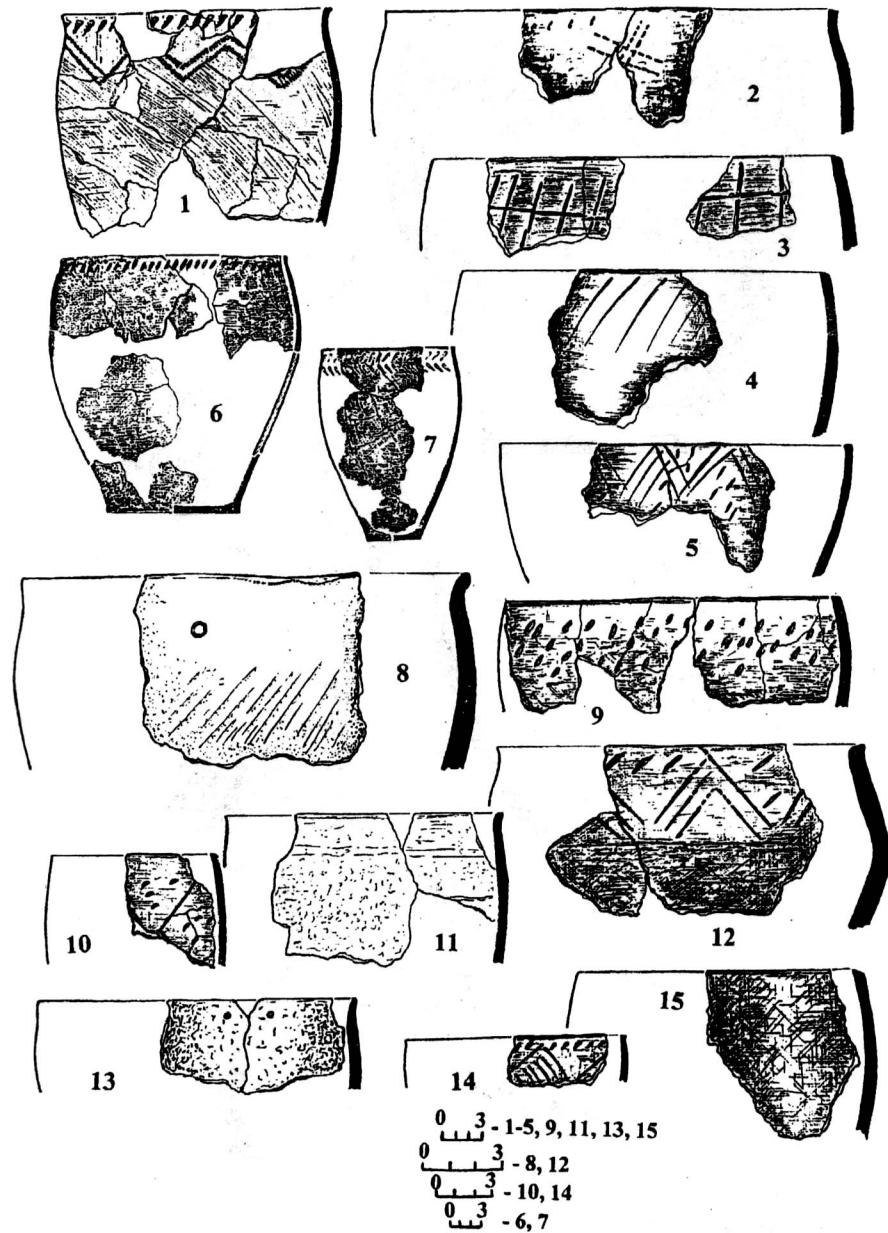
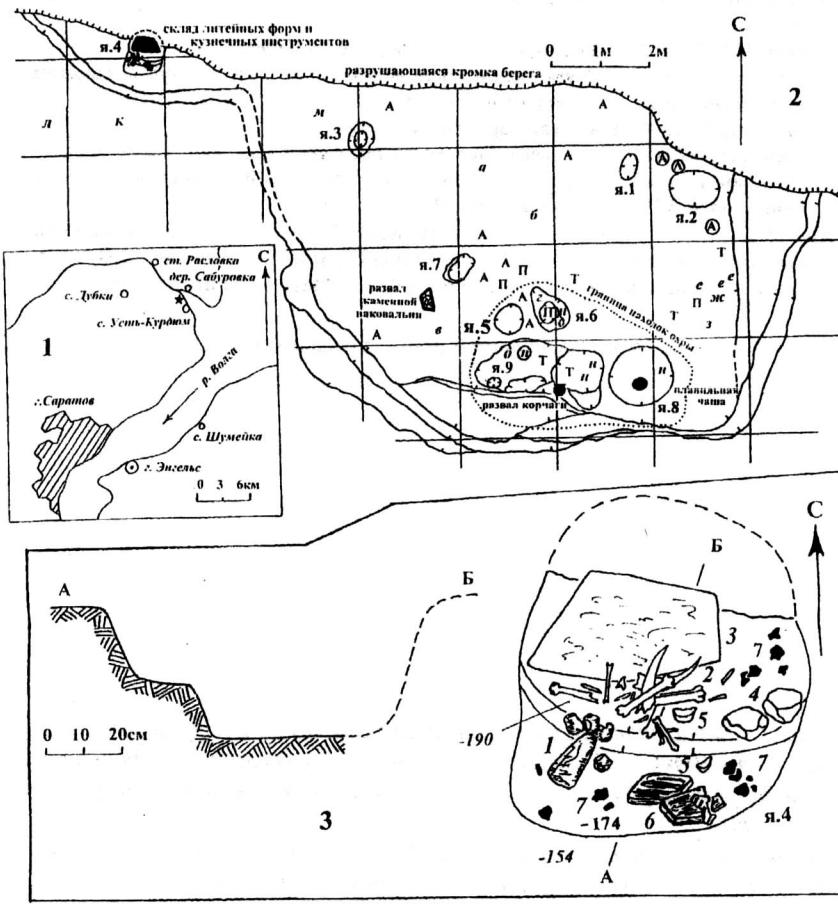

Рис. 2. Реконструкции сосудов с поселения Усть-Курдюм.

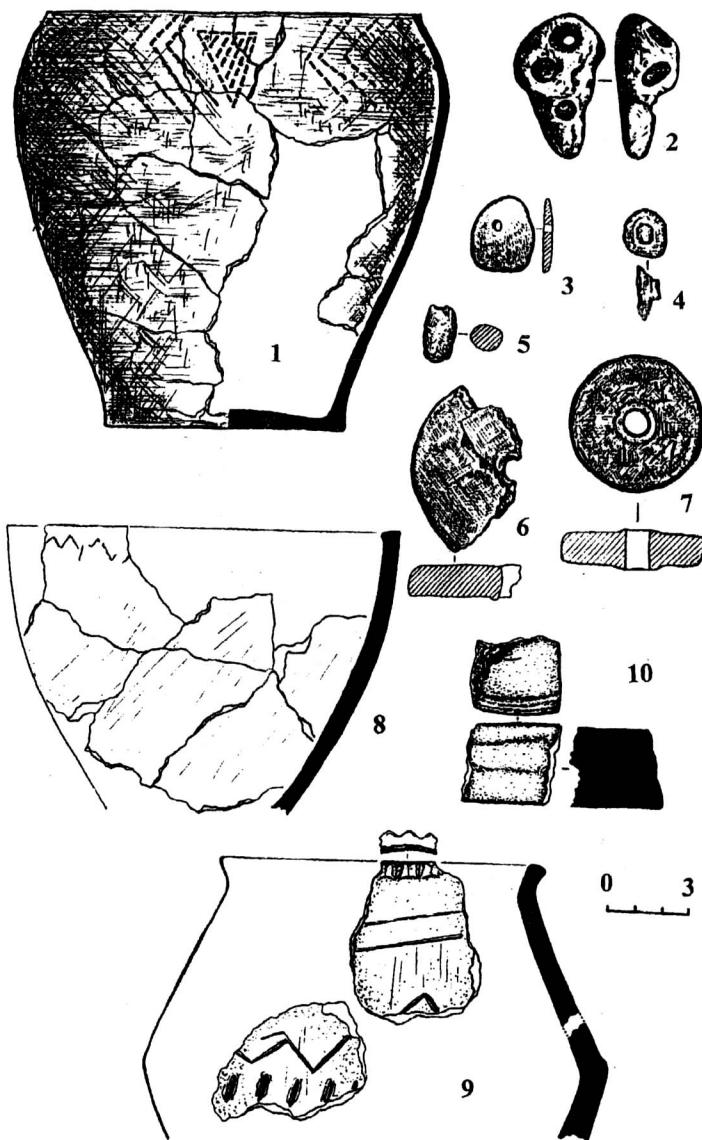

Рис. 3. Материалы поселения Усть-Курдюм: 2, 3 – камень, остальное – керамика.

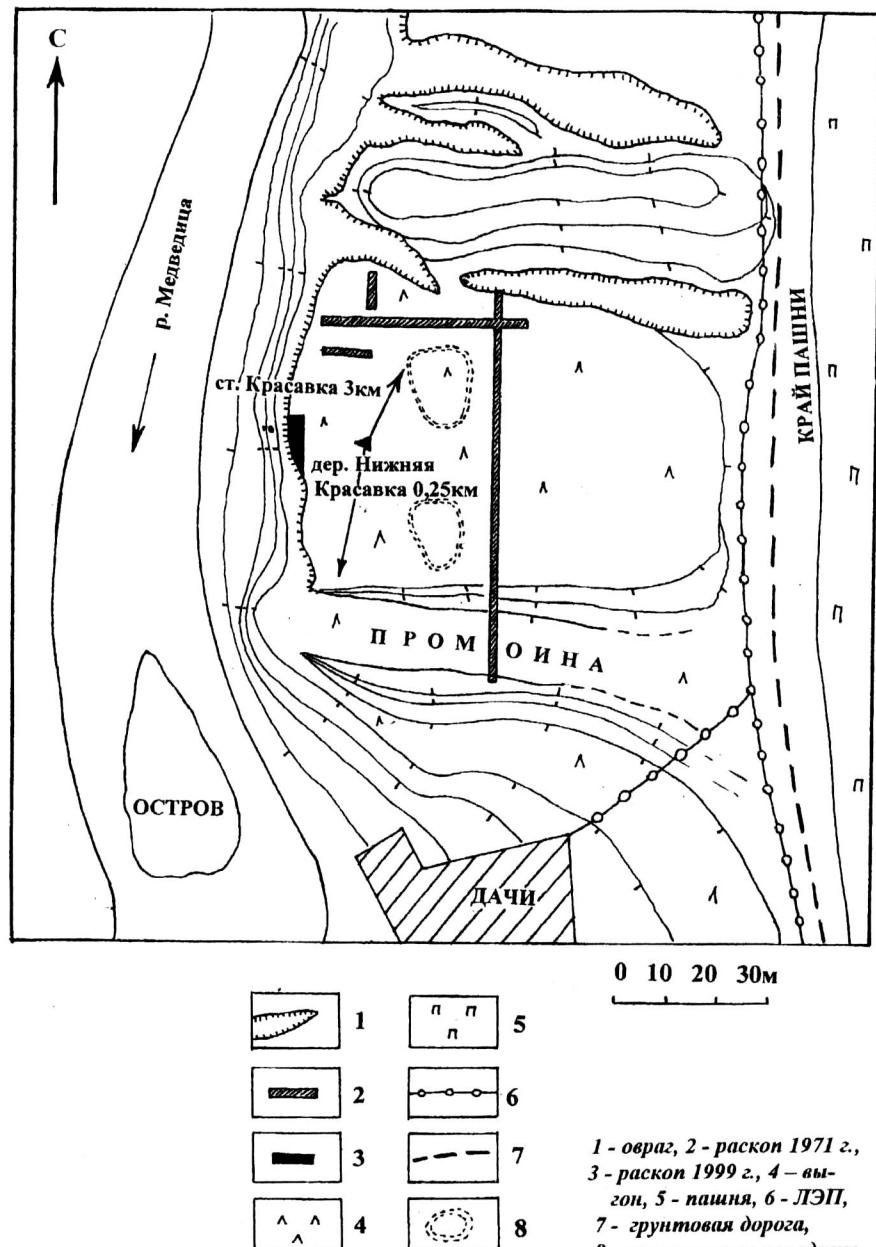

Рис. 4. Поселение Нижняя Красавка.

1 - овраг, 2 - раскоп 1971 г.,
3 - раскоп 1999 г., 4 - вы-
гоп, 5 - пашня, 6 - ЛЭП,
7 - грунтовая дорога,
8 - земляночные западины

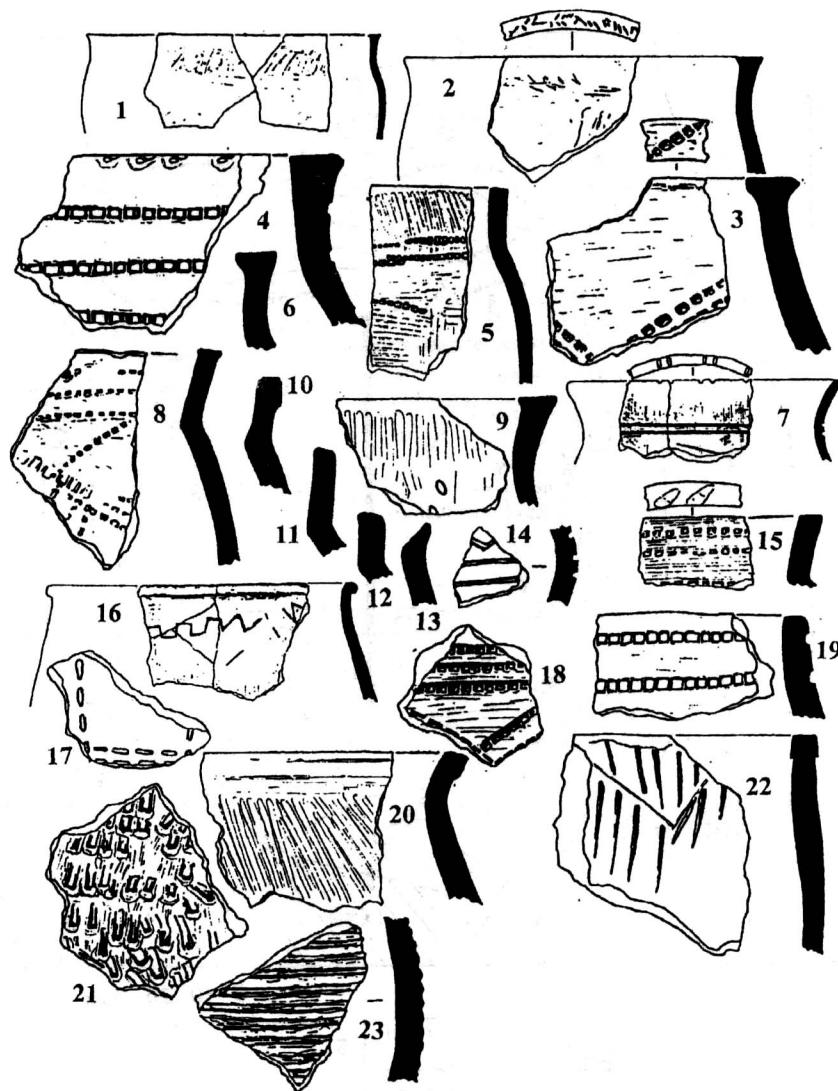
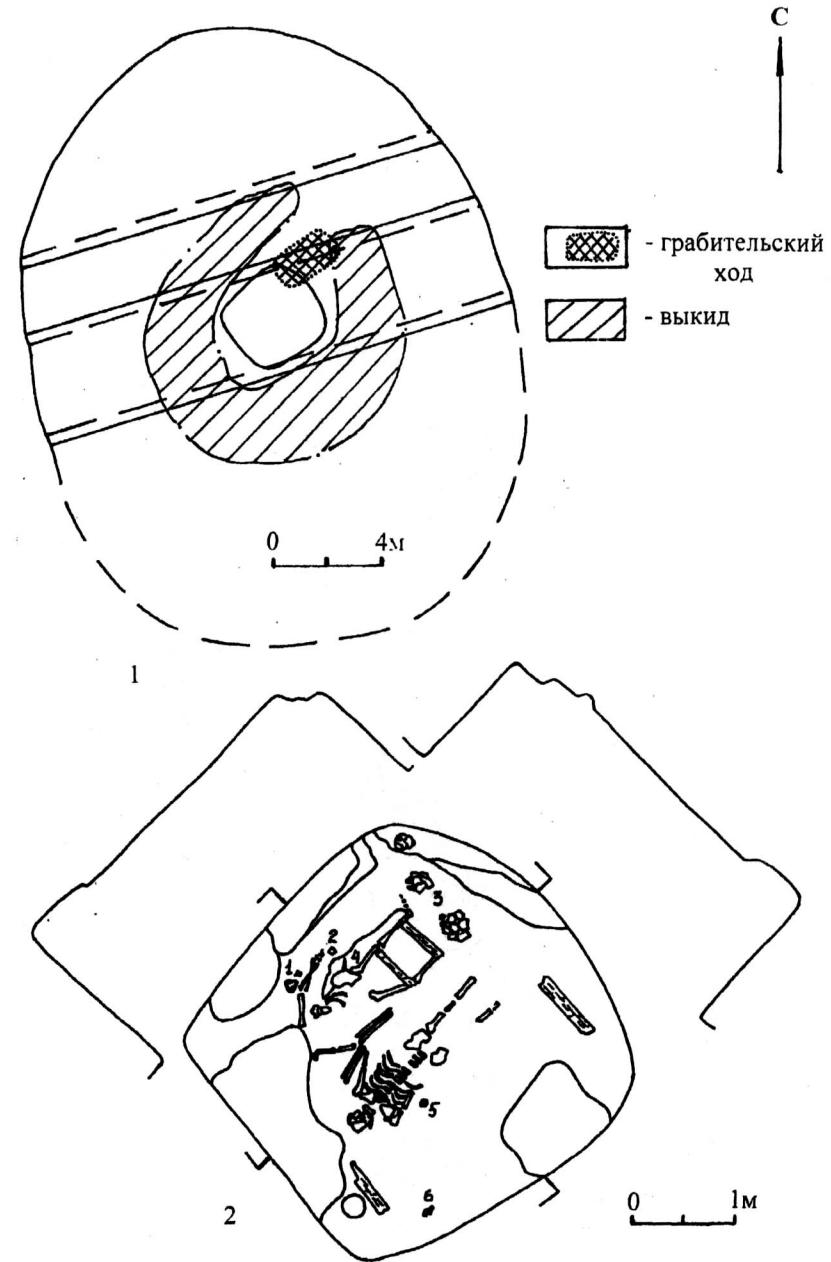

Рис. 5. Покровская керамика с поселения Нижняя Красавка.

Рис. 6. Курганская группа у села Рахмановка: 1 - план кургана 1; 2 - план погребения из кургана 1: 1 - альбастровые сосуды, 2 - фрагмент бронзового сосуда, 3 - развали гончарных сосудов, 4 - железный нож, 5 - кусок серы, 6 - позвонки животного.

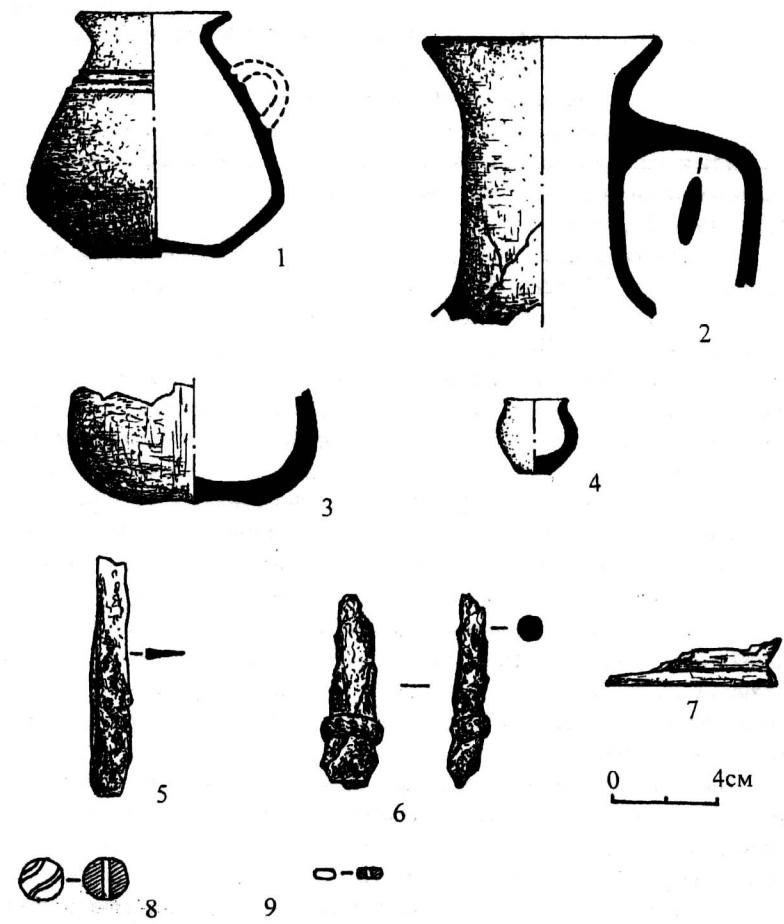
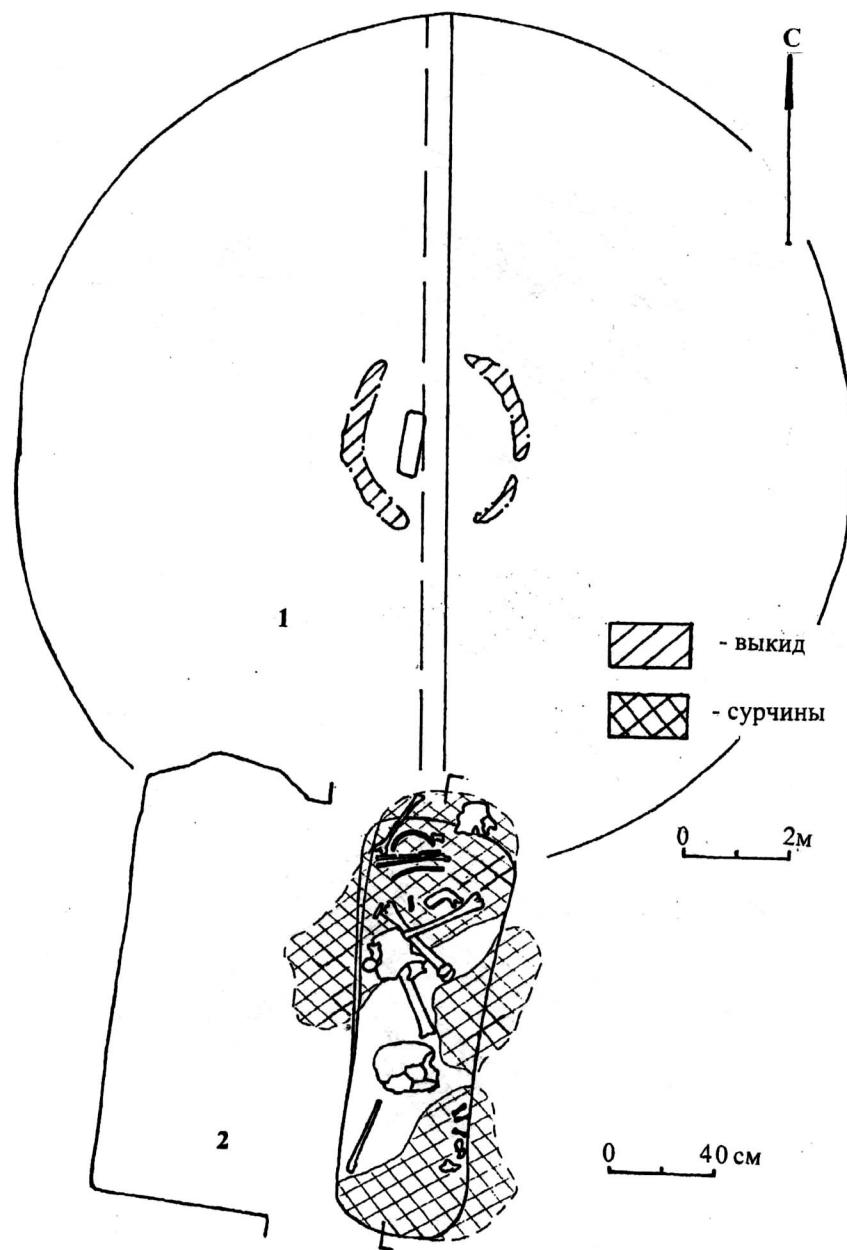

Рис. 8. Курганская группа у села Рахмановка. Инвентарь погребения из кургана 1: 1, 2 – сереброщенные сосуды; 3, 4 – альбастровые сосуды; 5 – железный нож; 6 – обломок железного предмета; 7 – днище бронзового сосуда; 8, 9 – бусы.

← Рис. 7. Курганская группа у села Рахмановка: 1 – план кургана 20, 2 – план погребения из кургана 20.

К.Ю. Моржерин
ИССЛЕДОВАНИЯ В ОКРЕСТНОСТЯХ с.КОШЕЛИ

Экспедиция Саратовского областного музея краеведения в 1998 и 1999 годах проводила исследования двух поселенческих памятников к юго-западу и западу от с.Кошели Воскресенского р-на Саратовской обл. Оба они располагаются на Пименовой (на современных картах - Пивной) горе, в устье р.Терешки.

В археологическом отношении данная территория впервые обследовалась в начале XX века. В 1911 г. с разведками в окрестностях с.Кошели были члены Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) Б.В.Зайковский и С.А.Щеглов. Результаты этих разведок были опубликованы в трудах СУАК, где кроме прочего, есть упоминания о находках черепков глиняной посуды на Пименовой горе, в урочище «Турчий взвоз» и на бечевнике (С.Щеглов, 1912, с.96), но отсутствует точная привязка. В 1975 г. в окрестностях Кошелей с разведками был Н.М.Малов.

Первый памятник, исследованный в 1998 г., поселение «Пименова гора» занимает мыс крайнего южного отрога Пименовой (Пивной) горы, выходящий на берег Волгоградского водохранилища. Размеры поселения 80x34 м, высота мыса над волжской поймой 8-10 м. Слоны и поверхность памятника задернованы. Почва песчаная. У оконечности и в средней части мыса на поверхности заметны слабые очертания шести неглубоких впадин. Вероятно, это жилищные линзы квадратной и прямоугольной форм, размером от 2x2 до 5x3 м. Визуально система укреплений не фиксируется.

С напольной стороны поселения, на участке подверженном разрушению (грнтовыми дорогами), был заложен раскоп площадью 94 кв. м. Выявлена следующая стратиграфия: дерн мощностью 0,1-0,24 м; темный гумусированный слой, мощностью 0,12-0,4 м, в понижениях до 0,52 м, в нем обнаружены остатки жизнедеятельности в виде лепной керамики, костей животных, песчаниковых камней и мелких древесных углей; серый гумусированный слой, мощностью 0,1-0,42 м, в понижениях (канавах и хозяйственных ямах) до 0,88 м, цветовая гамма слоя меняется сверху вниз от черно-серого до серо-желтого, в верхней части слоя сосредоточено наибольшее количество находок; светло-желтый предматериковый слой, мощностью 0,08-0,8 м, его прорезают ямы и канавы вышележащего слоя, находок в слое не обнаружено; материк - плотный желтый песок.

Как уже отмечалось, во втором и третьем слоях культурного слоя, т.е. во втором (20-40 см) и третьем (40-60 см) пластиах, были обнаружены остатки деятельности жителей поселения. Это лепная керамика городецкой культуры трех видов («рогожная», «сетчатая», гладкостенная) (рис.

1), глиняные (пряслица и грузило от ткацкого стана) и костяные (проколка и лощило) орудия труда, подвеска из резца животного (рис. 2), песчаниковые шлифовальные и очажные камни, большое количество костей домашних животных и несколько от крупных рыб.

Керамика. Всего найден 231 фрагмент от лепных сосудов, в том числе пять неполных развалов, причем 122 фрагмента с оттисками псевдорогожного штампа и только 4 фрагмента с «сетчатыми» отпечатками. Обнаружены фрагменты днищ от шести сосудов, все они плоские, два имеют закраины (рис. 1, 20). Зафиксированные диаметры днищ - 5, 11,5 и 12 см. На одном из днищ с внешней и внутренней сторон оттиски псевдорогожного штампа.

Все сосуды кострового одно- и двустороннего обжига, степень обжига средняя и сильная. Черепки крепкие, цвет их снаружи серый, оранжевый, черный. **Псевдорогожная** керамика (рис. 1, 1-11) представлена фрагментами, как минимум, от 13 сосудов. Это банки со слабопрофилированным туловом, среднего и крупного размеров. Верхний край прямой или слегка отогнут наружу. Края венчиков разнообразные: Г-образные с наплытом на внешнюю или внутреннюю стороны, Т-образные, ровные, округлые с наплытом в обе стороны. У нескольких по срезу нанесены оттиски псевдорогожного штампа. Поверхность от венчика до дна обработана оттисками зубчатого штампа, с площадью зубцов 8, 20, 25 и 28 кв. мм. Фиксируется размер плоского штампа или валика шириной от 2 до 3 см. Иногда по одному месту штамп накладывали несколько раз. У ряда фрагментов под венчиком проведена горизонтальная полоса сглаживания пальцем. На 30 % псевдорогожной керамики как технологический прием используется затирание поверхности. У данного вида керамики зафиксированы следующие рецепты формовочных масс: глина+шамот+дресва, глина+шамот+дресва+песок+органика. Дресва средняя и крупная, шамот мелкий и средний. Толщина стенок сосудов от 0,6 до 1,1 см. Какой-либо орнаментации на керамике данного вида не встречено.

«Сетчатая» керамика (рис. 1, 12,13) происходит от трех сосудов из слоя и подъемного материала. Это слабопрофилированные горшки с реконструируемым диаметром венчика 22 и 28 см. Край венчика отогнут наружу, срез ровный. От верха по тулову проходят «текстильные» отпечатки, с толщиной «нити» 0,1- 0,3 см. Рецепты формовочных масс - глина+дресва+шамот, в одном случае - глина+песок+органика. Толщина черепка от 0,6 до 1 см. Орнаментация отсутствует.

Гладкостенная керамика (рис. 1, 14-19) представлена фрагментами от пяти слабопрофилированных горшков, фрагментом чаши, ручкой светильника и двумя фрагментами миниатюрных сосудов. Реконст-

рируемый диаметр венчика горшка 24 см, миниатюрного сосуда - 6-8 см. У горшков край венчиков округлый, у одного фрагмента край Г-образный, ровный, с наплывом наружу. На двух обломках под венчиком сквозные проколы (рис. 2, 15, 16). Рецепты формовочных масс у горшков глина+шамот+дресва+песок, по одному случаю - глина+шамот, глина+шамот+органика. Шамот и дресва мелкие и средние. В одном случае внешняя поверхность - с вертикальными и косыми расчесами. Толщина стенок горшков от 0,5 до 0,8 см, у одного 1,3 см. У маленького сосуда край венчика округлый и загнут внутрь. Рецепты у миниатюрных сосудов - глина+шамот+песок+органика. Черепки желтого цвета, толщиной 0,6-0,8 см. Чаша представлена фрагментом с невысоким бортиком, ровным срезом с небольшими наплывами на внутреннюю и внешнюю стороны (рис. 1, 19). В глине примеси шамота, дресвы и органики. Черепок серо-оранжевый, плотный, толщиной 1,3 см. От светильника найдена слабовыступающая овальная в плане ручка, загнутая вверх (рис. 1, 18). Ширина ее 2,3 см, толщина 1,5 см. В глине - примеси шамота и дресвы. Черепок оранжевого цвета, поверхности шероховатая.

В целом, рассмотренная керамика характерна для раннего периода существования нижневолжских памятников городецкой культуры, в пользу чего говорят следующие аргументы: преобладание псевдорогожной посуды и баночных форм, наличие отверстий под венчиком, преимущественная примесь в тесте в виде дресвы и шамота, а также преобладание псевдорогожных фрагментов, поверхность которых обработаны штампом с площадью ячейки более 20 кв. мм, и отсутствием позднего мелкозубчатого штампа, а также нет керамики, орнаментированной пальцевыми защипами по срезу венчика, появление которой на нижневолжских городецких памятниках ряд исследователей относит ко времени после III в. до н.э.

Из других глиняных изделий в культурном слое поселения найдено три прядлица и одно поднято с колеи дороги (рис. 2). Все они разной конфигурации: битрапециевидное удлиненное асимметричное (рис. 2, 1) (пм) высотой 3 см, диаметром 3,3 см, с отверстием 0,5 см; уплощенное (рис. 2, 3) (сл. 40-60 см) высотой 1,7 см, диаметром 3,2 см, с отверстием 0,5 см; катушковидное трапециевидной формы, пережатое в середине, с вдавленными основаниями (рис. 2, 2) (сл. 60-80 см), высотой 2,2 см, диаметр 2,2-2,4 см, размер отверстия 0,4 см; битрапециевидное со смещенным центром и округлым ребром, с орнаментом из парных вдавлений концом пера по одному из оснований и по примыкающей стороне (рис. 2, 4) (сл. 40-60 см), высота 2,3 см, диаметр 3 см, диаметр отверстия 0,35 см. В глине прядлиц фиксируются примеси: дресва, шамот, песок, органика. К предметам ткачества также относятся два небольших фрагмента глиняного грузила от ткацкого стана (сл. 40-60 см).

Орудий из кости (рис. 2, 5-8) найдено немного. Это два орудия труда (проколка и лощило), одна подвеска из резца животного (бобра ?) и поделка неясного назначения. Проколка (рис. 2, 7) (сл. 40-60 см) сделана на конце продольного скола трубчатой кости животного, рабочий участок треугольной формы приострен, в сечении овальный, поверхности отшлифованы. Размеры орудия: длина 8,5 см, ширина у рабочего конца 0,9 см. Лощило (рис. 2, 6) (сл. 40-60 см) сделано из расколотого вдоль ребра (?) животного, конец имеет эллипсовидную форму, широкие поверхности скошены к концу и вместе с гранями отшлифованы. Орудие представлено лишь частично, его длина 3 см и ширина 1 см. Подвеска-амulet (рис. 2, 8) (сл. 60-80 см) выполнена из резца бобра (?), у конца в коренной части просверлено отверстие диаметром 0,25 см. Длина предмета 5 см, концы обломаны. Предмет неясного назначения круглой формы (рис. 2, 5) (сл. 40-60 см) вырезан из тонкой пластины, в центре которой имеется маленькое углубление от ножки-иглы циркульного инструмента. Диаметр предмета 1,8 см, толщина 0,15 см.

Каменные (песчаниковые) изделия представлены обломками шлифовальных орудий на крупных кусках подпрямоугольной и трапециевидной форм и точильных брусков треугольной и плоской форм с отшлифованной одной - тремя поверхностями. Остальная масса обломков камней несет на себе следы термического воздействия, т.к. они использовались в качестве очажных камней.

Проведя анализ полученного материала с поселения «Пименова гора», мы можем говорить о том, что население, оставившее данный памятник, в своей массе было однородным, уже сложившимся в системе раннегородецких памятников нижневолжского локального варианта, и, предварительно, может быть датировано серединой I тыс. до н.э. Конечно, освоение этой местности в указанное время может подтвердить и находка бронзового наконечника стрелы на Пименовой горе (Щеглов С., 1912, с. 98).

Второй памятник, разведочные шурфы на котором были заложены в 1999 г., - поселение «Турчий взвоз», занимающее пологий западный склон Пименовой горы на левом берегу р. Терешки, около её устья. Памятник полностью занят дачным поселком. Размеры поселения - 440 на 340 м.

Подъемный материал в большинстве происходит с колеи грунтовых дорог, идущих через дачный поселок и вокруг него, с противопожарной опашки лесного массива на восточной окраине памятника, а также с бечевника. Среди находок преобладает гончарная керамика золотоордынского времени, с большим количеством русской керамики и несколькими фрагментами лепной средневековой керамики мордовского производства. Кроме того, найдено несколько мелких фрагментов ка-

шинной поливной посуды. Золотоординская посуда представлена фрагментами кувшинов (горло и ручки) (рис. 3, 7, 8), с прорезанным линейно-волнистым орнаментом. Русская посуда представлена обломками горшков, в основном с плавно изогнутыми венчиками, со слабопрофилированным округлым валиком на внутренней поверхности (рис. 4, 1-19). Посуда мордовского облика представлена венчиками баночных сосудов (рис. 4, 20-22). На поселении найдены и металлические предметы: стенка чугунного котла с заплаткой (рис. 3, 10), фрагмент лезвия и цепь однолезвийный нож с коротким черешком (рис. 3, 9), пластинчатая накладка с заклепкой на конце, венчик медного котла в виде согнутой пополам пластины с одним зубчатым краем (рис. 3, 11), серебряная лопастная сюльгама (рис. 3, 12). В большом количестве, особенно на восточной окраине памятника, найдены остатки железоделательного производства в виде шлака в структуре стеклофазы, что может говорить о кратковременности плавки или быстром процессе остывания расплава. Из подъемного материала происходит и кольцевая витая бусина из синего полупрозрачного стекла (рис. 3, 13). На бечевнике, на берегу р. Терешки найдено до 20 фрагментов лепной керамики эпохи поздней бронзы от баночных сосудов, часть из которых орнаментирована мазками или оттисками крупнозубчатого штампа (рис. 3, 1-6). Найдена здесь и средневековая керамика.

Для выяснения мощности культурного слоя поселения были заложены шурф 2x2 м и траншея 4x1 м. Шурф был устроен в прибрежной части, у края террасы, у западной окраины поселения. Траншея заложена на противоположном конце памятника, в 0,25 км к северо-востоку-востоку от шурфа. В шурфе, в песчаном грунте, выявлена следующая стратиграфия: дерн – 0,14-0,24 м; темно-гумусированный слой с золистыми включениями мощностью от 0,4 до 1,05 м, содержал основную массу находок (гончарную керамику, куски глиняной обмазки, кости животных, необработанные песчаниковые камни средней величины, шлак железоделательного производства). С этим слоем связано несколько индивидуальных находок: медная монета - анонимный пул времени Узбек-хана, чекана Сарая 737 г.х. (1336/1337 гг.) (рис. 3, 15), часть железной обувной подковы (?) и сломанная железная пряжка с подвижным длинным узким щитком, перегнутым через рамку и заклепанным (рис. 3, 14). В нижней части рассматриваемого слоя найден маленький фрагмент стенки лепного сосуда срубной культуры с оттисками зубчатого штампа. В этом слое фиксируются углубления шириной до 0,5 и глубиной 0,3-0,6 м (возможно сточные канавы), прорезающие нижележащий светлосерый слой без находок, мощность которого 0,55-0,8 м.; под этим слоем залегает материк, плотный светлый песок. В траншее выделены те же стратиграфические слои, только верхний темно-гумусированный слой

гораздо тоньше (0,4 м) и соответственно толще нижний слой, который имел цвет от коричневого вверху до серо-желтого внизу. Находки (средневековая керамика) в траншее найдены только в дерне и во втором пласте (20-40 см).

Таким образом, место, занимаемое поселением «Турчий взвоз», было заселено в прибрежной части в эпоху поздней бронзы (срубная культура) и большей площадью в золотоординское время. Существование средневекового поселка, по монетным находкам (пул 1336/1337 гг. в шурфе и пул Джанибек-хана 1361 г., находка Б.В.Зайковского 1912 г.) (Щеглов С., 1912, с. 96), можно ограничить 60-ми гг. XIV в.

Литература

Щеглов С., 1912. Предварительные археологические разведки у селений Кошили и Березняки, Вольского уезда // Тр. СУАК, Саратов. Вып. 29.

Саратовский областной музей краеведения

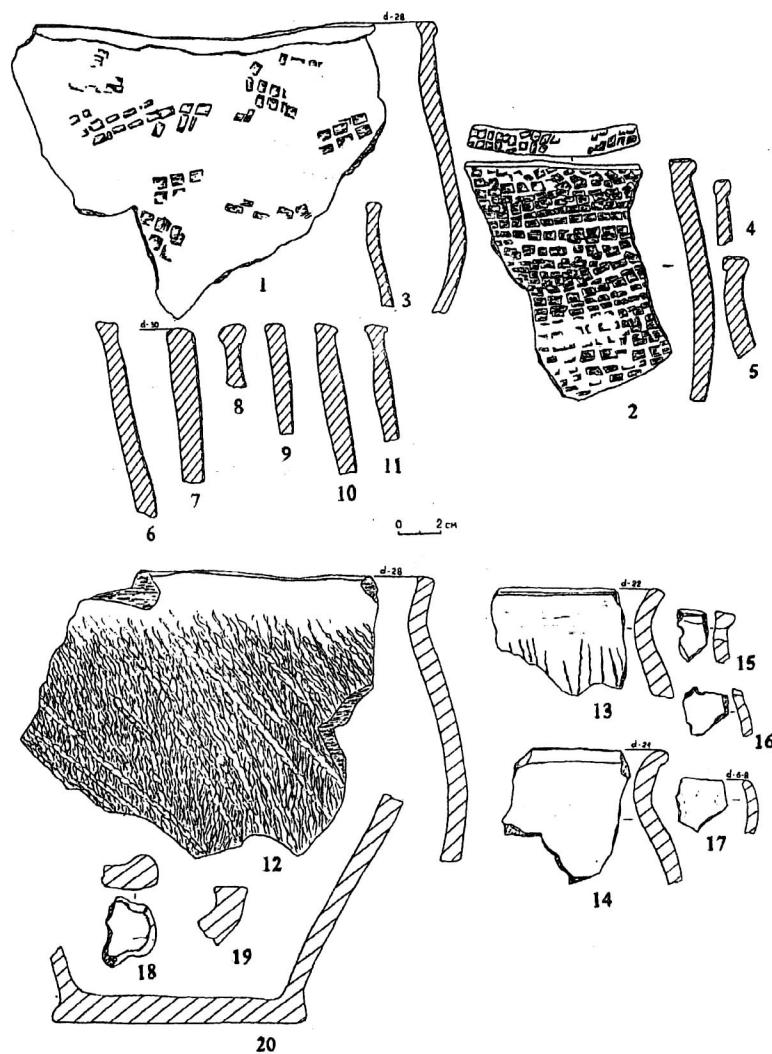

Рис. 1. Поселение «Пименова гора». Керамика из слоя (20-40 см – 3, 13, 16; 40-60 см – 1, 2, 4-11, 15, 17-20) и сборов (12).

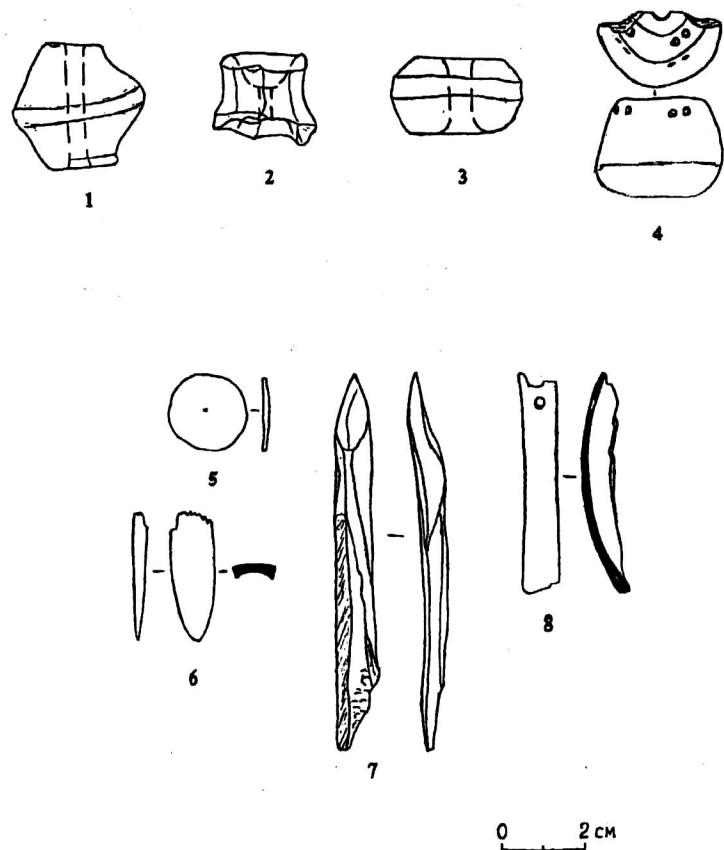

Рис. 2. Поселение «Пименова гора». Изделия из глины (1-4) и кости (5-8).

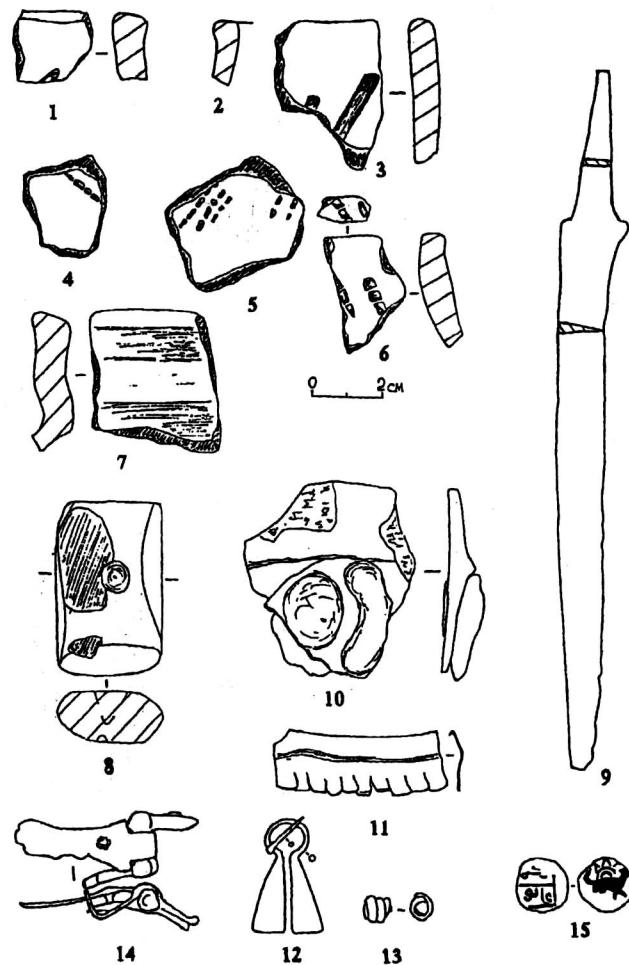

Рис.3. Поселение «Турчий взвоз». Находки с поверхности (1-13) и из слоя (20-40 см – 14, 15). 1-8 – глина; 9, 14 – железо; 10 – чугун; 11, 15 – медь, 12 – серебро, 13 – стекло.

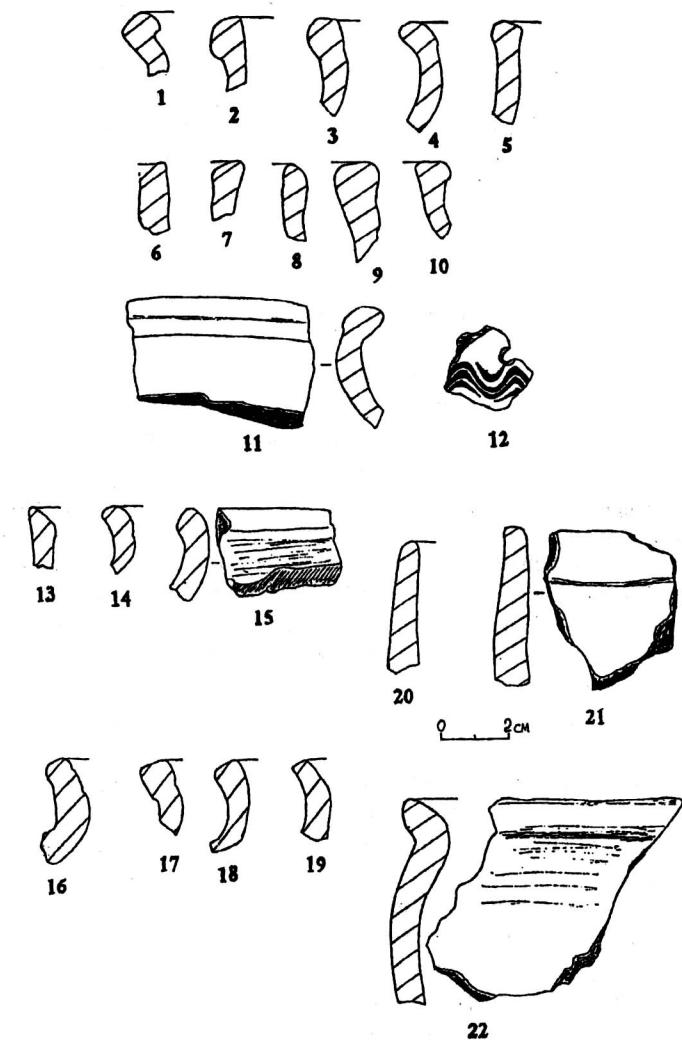

Рис.4. Поселение «Турчий взвоз». Русская (1-19) и мордовская (20-22) керамика из сборов (1-12, 20-22) и из слоя (шурф, 20-40 см – 13-16; шурф, 40-60 см – 17-19).

Л.Ф. Недашковский
РАСКОПКИ ХМЕЛЕВСКОГО I СЕЛИЩА В 1999 ГОДУ¹

В августе 1999 года отрядом Казанского государственного университета было продолжено изучение Саратовского района Саратовской области. Исследования проводились при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 98-01-18106; руководитель проекта А.А.Бурханов). В раскопках приняли участие лаборант Казанского университета Е.М.Загуменнова и студенты Татарского государственного гуманитарного института Валесев Р.Р., Зарипов Л.И., Сабиров И.И.

В ходе исследований проводились раскопки Хмелевского I селища, расположенного между речками Петровкой и Хмелевкой к востоку - северо-востоку от с. Хмелевка.

Несмотря на почти столетнюю историю исследования, округа золотоордынского Укека изучена весьма слабо: подавляющее большинство памятников обследовалось лишь разведками. Из чисто золотоордынских поселений (не имеющих подстилающего или перекрывающего золотоордынские напластования слоя) большой площадью раскапывалось лишь поселение у с. Подгорное в Энгельсском районе (т.е. на Левобережье Волги, а наши работы 1999 года были проведены на Правобережье). Все это позволяет считать результаты данных исследований у с. Хмелевка очень важными для изучения округи Укека в целом.

Сейчас Хмелевское I поселение частично застроено дачами, а также самим селом. Площадь памятника около 65 га. Данное селище золотоордынской эпохи было известно с начала XX в.: в Саратовском областном музее краеведения хранятся предметы, собранные на нем в 1908 г. В.А.Шахматовым² и в 1984-1985 гг. М.И.Куракиным³. В 1995-1998 гг. селище было обследовано нами. Раскопок памятника ранее не проводилось.

Перед началом раскопок в 1999 г. на памятнике был произведен сбор подъемного материала.

На пашне были собраны 2 орнаментированных свинцовых грузика-пломбы, 2 фрагмента металлических зеркал (одно, с узким высоким бортиком - с изображениями по окружности 4-х сидящих человеческих фигур, разделенных 4-мя драконами, а другое, с низким валикообразным бортиком - с орнаментом в виде концентрической окружности), фрагменты бронзовых сосудов и люстровой чаши.

¹ This work was supported by the Research Support Scheme of the Open Society Institute Support Foundation, grant No. 1001/2000.

² СОМК №/№ СМК 52003 (АО 817), НВСП 31238, 31414, 31465/1-2.

³ СОМК № НВСП 31557-31562.

Недалеко от места будущего раскопа на грунтовой дороге идущей вдоль дач была найдена медная монета (определение А.В.Фомина) хулагуидского ильхана Аргуна (1284-1291 гг.), представляющая большой интерес, так как находки хулагуидских монет на золотоордынских памятниках достаточно редки.

В 1999 г. в центральной части памятника нами был заложен раскоп I, в створ которого вошел шурф Л.Ф.Недашковского 1995 г.¹ Раскоп располагался в 35 м к западу - северо-западу (as 295) от трансформатора, расположенного у дач и в 10 м к северо-западу от грунтовой дороги, идущей вдоль дач.

Раскоп I имел прямоугольную форму и был ориентирован по сторонам света. Размеры раскопа: 8 м с запада на восток и 6 м с севера на юг.

В ходе работ на раскопе удалось четко выделить три горизонта культурного слоя золотоордынского времени.

Первый, верхний, горизонт представляет собой слой пашни серого цвета; его наибольшая мощность - 38 см - зафиксирована в юго-восточной части раскопа, а наименьшая - 20 см - в северо-западной его части. Из горизонта происходят 247 фрагментов золотоордынской неполивной гончарной керамики, орнаментированной горизонтальными линиями, многорядной волной, отисками гребенчатого штампа и фестонами, два сероглиняных штампованных, фрагменты глиняной обмазки, камни и кости животных. В числе находок следует упомянуть железную скобу.

Второй горизонт - серо-черная супесь мощностью от 12 (в западной части раскопа) до 54 см (в южной части). С горизонтом связаны дневные уровни ям 1 и 2. Судя по находке в яме 2 пула 737 г.х. (1336-1337 гг.), горизонт можно предварительно датировать 30-ми - 40-ми гг. XIV в.

Третий, нижний, горизонт, ввиду переработанности более поздними напластованиями присутствующий лишь в северо-западной части раскопа, является светло-серой супесью мощностью до 30 см. С горизонтом связаны дневные уровни ям 4 и 5. Опираясь на находку в яме 4 пула 731 г.х. (1330-1331 гг.), горизонт можно датировать первой третью XIV в., возможно, 20-ми - первой половиной 30-х гг. XIV в.

Из второго и третьего горизонтов происходят 529 фрагментов золотоордынской неполивной гончарной керамики, орнаментированной горизонтальными параллельными линиями, волной и отисками гребенчатого штампа, 3 сероглиняной штампованный, 7 кашинной и 1

¹ Предполагалось, что шурф 1995 г. войдет в створ раскопа в качестве участка 2. Однако ввиду того, что раскоп закладывался на пашне, произошло смещение на 35 см.

красноглиняной поливной посуды, 2 фрагмента древнерусской керамики и 1 лепной (мордовской?), фрагменты глиняной обмазки и кирпича, камни, кости животных. В числе индивидуальных находок имеются железные гвоздь и бронебойный наконечник стрелы. Культурный слой подстилается плотным коричневым материковым суглинком.

На раскопе I были зафиксированы 5 ям (4 из них частично вышли за пределы раскопа), 2 из которых (ямы 2 и 4) можно предварительно атрибутировать как жилища или крупные постройки хозяйственного назначения (яма 2). Еще в одной яме (яма 5) были исследованы остатки тандыра; две других ямы (1 и 3) являлись хозяйственными. Большой интерес представляет факт, что стратиграфически и планиграфически удалось выявить разновременность исследованных сооружений: тандыр и одно из жилищ (яма 4, датирована монетой 1330-1331 гг.), погибшие в пожаре, являются более ранними, а другое жилище (яма 2, датирована монетой, чеканенной, судя по типу, не ранее 1336-1337 гг.) и две ямы - более поздними (одна из них - яма 1 - синхронна жилищу, а другая - яма 3 - функционировала позднее). Все сооружения имеют одно родное заполнение.

Яма 1 округлой формы, колоколовидная в разрезе, была выявлена на участках 2 и 3 на уровне -96 см. На глубине -112 см диаметр ямы уменьшился. Максимальная глубина ямы -243 см. В заполнении сооружения попадались яичная скорлупа и небольшие угольки; на отметке -155 см была зафиксирована прослойка золы. Массовый материал из ямы представлен 212 фрагментами неполивной золотоордынской керамики, 7 фрагментами кашинной посуды, 4 фрагментами лепной мордовского облика, 11 древнерусской керамики и 2 фрагментами трапезундских амфор с мелким рифлением и белым ангобом, железным шлаком, фрагментами глиняной обмазки, камнями и костями животных. Индивидуальные находки представлены железными рамкой небольшой пряжки, бронзовыми обломком зеркала с низким валикообразным бортиком и серьгой в виде вопросительного знака с проволочной оплеткой и многогранной металлической бусиной на конце, а также свинцовым грузиком-пломбой.

Яма 2 сложной подвосьмеркообразной формы была выявлена на участках 5-6 и 8-12 на глубине -44 см. Размеры исследованной раскопом части 334x540 см. В юго-восточной части ямы на глубине -74 см зафиксировано скопление золы, вероятно от очага, а в 1 м к западу от него - скопление камней. Восточная часть ямы являлась наиболее глубокой и видимо служила колоколовидным в сечении погребом со ступенчатым спуском в него; в заполнении были зафиксированы зернышки проса, скопление рыбьей чешуи и яичная скорлупа. Вдоль южной стенки ямы располагаются мелкие ямки, вероятно являющиеся столбовыми или норами мелких грызунов. Максимальная глубина восточной

части ямы -274 см, а западной -76 см. Массовый материал из ямы представлен 675 фрагментами неполивной золотоордынской керамики, 31 фрагментом кашинной (фрагменты чаш) и 9 красноглиняной (в том числе причерноморской) поливной посуды, 1 фрагментом лепной, 8 древнерусской керамики и фрагментом амфоры (?), железным шлаком, сточенным белемнитом, фрагментами глиняной обмазки, кирпича, камнями и костями животных. Из сооружения происходят многочисленные индивидуальные находки: железные 6 ножей, рамка пряжки, наконечник стрелы в виде узкого срезня, небольшой замок, ключ с раздвоенной рабочей частью, фрагмент топора, шило и неопределенные предметы, бронзовые наперсток, два фрагмента зеркала с изображениями по окружности 4-х сидящих человеческих фигур, разделенных 4-мя драконами, пластинчатый браслет, украшенный орнаментом в виде четырех выступающих продольных полос, монета Узбека (Сарай, 737 г.х.), пластинки, половинка кашинной пуговицы, керамическое изделие неясного назначения, фрагменты стеклянных сосудов и перстня.

Яма 3 выявлена на участках 3 и 6 на отметке -68 см. Максимальная глубина сооружения -118 см. Материал из ямы представлен 42 фрагментами неполивной золотоордынской керамики с орнаментом в виде фестонов, прочерченных горизонтальных линий, многорядной волны и перекрецивающихся оттисков гребенчатого штампа, 4 древнерусской посуды, 2 фрагментами трапезундских амфор с мелким рифлением и белым ангобом, фрагментами глиняной обмазки. Судя по стратиграфии, яма должна датироваться более поздним временем, чем второй горизонт и чем все остальные сооружения, исследованные на раскопе. К сожалению, датирующих находок в яме 3 не обнаружено, однако стратиграфия и керамический материал позволяют предварительно датировать ее второй половиной XIV в.

Яма 4 сложной формы, многократно менявшая очертания по мере углубления, была выявлена на участках 1, 4-5, 7-8, 10-11; уровень выявления -73 см. Размеры исследованной раскопом части 280x760 см, максимальная глубина -228 см зафиксирована в северной части ямы. Сооружение представляет собой остатки наземного жилища. В яме зафиксированы развалы керамических сосудов, в том числе кувшинов, светильников, корчаги и туваха, а также остатки отопительной системы в виде прокопченных изнутри дымоходных труб со следами соединительного раствора снаружи. В заполнении на участках 4 и 7 часто попадались угольки и обгоревшие фрагменты керамики, что говорит о гибели построек в результате пожара. Массовый материал из ямы представлен 567 фрагментами неполивной золотоордынской керамики, в том числе заготовкой напрясля (?), 7 фрагментами кашинной посуды, 1 фрагментом красноглиняной поливной, 3 фрагментами штампованной,

3 лепной (горшковидные сосуды и котловидный с орнаментом в виде защипов), 11 коричневой древнерусской керамики, железным шлаком, альчиком с тремя несквозными отверстиями, фрагментами глиняной обмазки, кирпича, камнями и костями животных. Из сооружения происходят следующие индивидуальные находки: железные пробой, три ножа, фрагмент замка, скоба, ключ, круглая пряжка, пластина, трубка, медная монета Узбека (Сарай, 737 г.х.), фрагмент стеклянного сосуда.

Яма 5 подovalной формы, изменявшая очертания по мере углубления, выявлена на участках 9, 11-12 на уровне -80 см. Максимальная глубина -203 см. Сооружение представляет собой остатки тандыра (восточная часть ямы, выложенная изнутри песчаником и обмазанная глиной с характерной для золотоордынских тандыров орнаментацией) и его топочной камеры (западная часть ямы). В заполнении сооружения фиксировались угли. Массовый материал из ямы представлен 87 фрагментами неполивной золотоордынской гончарной керамики (в том числе крупных сосудов-хумов), 2 фрагментами кашинной, 3 поливной красноглиняной посуды, 3 фрагментами лепной, 9 кусками железных шлаков, фрагментами глиняной обмазки и костями животных. Индивидуальные находки: железные гвоздь, сланцевый оселок.

Неполивная золотоордынская керамика с раскопа I (2359 фрагментов) позволяет сделать предварительные выводы. Так, например, можно утверждать, что нелощеная керамика (82,8% всей неполивной керамики) абсолютно преобладает над лощеной (17,2%). Хорошо обожженная керамика (43,7%) ненамного уступает посуде плохого обжига - с темной прослойкой в средней части излома (56,3%), что очевидно связано с особенностями местного (негородского) керамического производства, для которого не всегда оказывалось возможным достичь высокого уровня обжига керамики. Что же касается цвета неполивной керамики, то по имеющимся данным можно заключить, что преобладает бурый (46,4%) цвет, затем идут красный (37,5%), коричневый (13,8%) и серый (2,3%).

Сравнение массового материала раскопа I на различных хронологических этапах лучше всего провести по ямам, так как все они довольно четко датируются.

В наиболее древних ямах 4 и 5 лощеная керамика составляет 18,8% всей неполивной, в более поздних ямах 1 и 2 - 11,4%, а в еще более поздней яме 3 - 9,5%. В ямах 4 и 5 посуда хорошего обжига (без темной полоски в изломе) составляет 39,3%, в ямах 1 и 2 - 43,6%, а в яме 3 - 66,7%. Таким образом, налицо неуклонное снижение со временем количества лощеной керамики, при одновременном увеличении доли хорошо обожженной посуды.

Что касается поливной керамики, то кашинной посуды найдено в ямах 4 и 5 всего 9 фрагментов, в ямах 1 и 2 - 38 фрагментов, а красноглиняной поливной в ямах 4 и 5 - 4 фрагмента, в ямах 1 и 2 - 9 фрагментов.

Древнерусской керамики в яме 4 найдено 11 фрагментов, в ямах 1 и 2 - 19 фрагментов, в яме 3 - 4 фрагмента. Это говорит о присутствии древнерусского компонента на памятнике в XIV в.

Представляют большой интерес находки в ямах 1 и 2 трех фрагментов трапезундских амфор, а в яме 3 - еще двух фрагментов. В яме 2 были найдены также фрагменты чаши причерноморского происхождения. Эти данные, а также находка на пашне фрагмента листовой керамики и монеты хулагуида Аргуна (1284-1291 гг.), говорят о широких южных торговых связях поселения на всем протяжении его существования, т.е. в конце XIII - XIV в.

Результаты наших исследований говорят об очень высокой насыщенности напластований памятника находками (по сравнению с другими золотоордынскими поселениями Саратовского Поволжья). Ввиду этого, а также в связи с возможностью точной датировки исследованных сооружений, считаем перспективными дальнейшие исследования Хмелевского I селища. В первую очередь предполагается доисследовать сооружения, выявленные на раскопе I в 1999 г. и частично вышедшие за его пределы.

Казанский государственный университет

Исследования предыдущих лет

И.И. Дремов

УРАКОВ БУГОР: МАТЕРИАЛЫ РАННЕГО МЕЗОЛИТА, СРЕДНЕЙ И ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ

В начале 1990-х годов в 30 километрах к северо-востоку от г.Камышина Волгоградской области, на правом берегу Волги, между селами Нижняя Добринка и Дубовка исследовалась стратифицированная стоянка Ураков Бугор, содержащая материалы раннего мезолита, средней и финальной бронзы. Памятник исследовался не только археологически, но и как объект, отразивший развитие природной среды с начала голоцена до наших дней. Произведены следующие анализы: палеомагнитный, гранулометрический, термовесовой, спектральный, по содержанию бора, палинологический (спорово-пыльцевой), радиоуглеродный.

Памятник расположен в 1 км к северу от вершины Уракова Бугра на сильно понижающемся к Волге мысу, ограниченном с севера и юга глубокими оврагами, заросшими кустарником и деревьями. Береговая часть размывается Волгой. За 10 последних лет берег обрушился примерно на 3 м. Высота мыса над урезом воды 10-20 м. Далее, через 100 м высота увеличивается до 30 м. Ширина мыса между оврагами 45-50 м. Изделия из камня в подъемом материале встречаются на расстоянии до 20-30 м от берега Волги вдоль краев оврагов. Культурный слой эпохи мезолита зафиксирован на расстоянии 15 м от берега Волги, причем здесь он залегает на 30 см глубже и имеет мощность на 20 см больше. Точные границы мезолитической стоянки не определены, но очевидно, что ее площадь не менее 1000 кв. м. Находки эпохи средней и финальной бронзы распространяются несколько более чем на 100 м от берега, что составляет площадь около 5000 кв. м.

Вскрытая площадь памятника составляет 76 кв. м. вдоль разрушающейся части берега. Наибольшую мощность имеет участок, раскопанный на береговом обрыве посередине между северным и южным склонами оврагов. Этот срез послужил объектом различных анализов.

Стратиграфия на данном участке выглядела следующим образом (описание почв дается по И.В. Иванову):

0-20 см – светло-серая слегка гумусированная эоловая супесь почти не содержащая находок.

20-80 см - серый и светло-серый уплотненные сильно гумусированные слабо плотные эолово-деллювиальные эолово-деллювиального происхождения. Содержат находки эпохи средней и финальной бронзы, а так же отдельные изделия из камня, аналогичные залегающим в нижних слоях. Верхняя часть почвы темнее и легче чем нижняя, что может соответствовать срубно-хвалынскому и ямнокатаомбному времени.

80-180 см - серый и серокоричневый тяжелый суглинок и глина деллювиального происхождения с включением щебня и гальки, сильно уплотненный на глубине 80-110 см, очень плотный - на 110-150 см, уплотненный на глубине 150-180 см. В слое содержатся каменные изделия, керамика отсутствует. Слой перенасыщен костями рыб, реже встречаются обломки костей некрупных животных, встречаются скопления углей. Наиболее обильно находки концентрируются на глубине 150-180 см.

180-200 см - шоколадная хвалынская глина с обильным включением галечника из подстилающих палеогеновых слоев. Предметов человеческой деятельности не встречается.

Произведенные А.В.Шадрухиным и И.В.Ивановым исследования позволили определить геологический возраст стоянки и динамику природных изменений от начала голоцена и, соответственно мезолита, до конца бронзового века. Подстилающий слой, судя по наличию палеомагнитной аномалии, относится ко времени не позже 12-13 тыс лет, то есть ко времени хвалынской трансгрессии. Несколько позже, возможно, на берегу Хвалынского моря, или вскоре после его отступления, возникает стоянка. По крайней мере нижние находки лежат на стыке культурного слоя с хвалынской глиной. Нижняя часть слоя (150-180 см) характеризуется холодным климатом с преобладанием разнотравья. Для него имеется усредненная радиоуглеродная дата по костям 10480 ± 680 (ЛЕ4819). На уровне 120-140 см увеличивается количество широколистенных и болотных растений. Этот слой имеет несколько меньшую, но значительную насыщенность. Выше, по данным палинологического анализа и по содержанию бора климат становится суще и холоднее. Культурный слой насыщен слабее. Эти ритмы отражают колебания климата в начале голоцена.

Археологические материалы соответствуют результатам анализов.

Находки. Керамика встречается только в верхнем гумусированном слое от 20 до 60-80 см. Найдены фрагменты с валиковой орнаментацией финальной бронзы и с веревочной орнаментацией - эпохи средней бронзы - катакомбной культуры или ямно-катакомбного времени. У всей керамики в примеси шамот, серая поверхность и обычный для этого времени низкотемпературный обжиг.

Изделия из камня выполнены из сливного (кварцитовидного) песчаника (далее кварцит), кремня и единичные предметы из окаменелого дерева. Кварцит и окаменелое дерево местного происхождения. Кремень поблизости не встречается. Имеется серый, черный и светлый с красноватым или желтоватым оттенками, высокой и низкой прозрачности. Несколько предметов и отщепов сделаны из непрозрачного яшмовидного кремня красноватого и красновато-коричневого цвета. Имеются изделия из опаловидных пород высокой прозрачности светло-желтого цвета. Эти

камни, по мнению петрографов НИИ Геологии СГУ, происходят с Южного Урала. Количество кремневых отщепов и орудий почти совпадают, в то время, как кварцитовые сколы почти в 10 раз превышают количество орудий из кварцита, так как кварцит был местным, а кремень привозным сырьем. В раскопе, не считая сборов, учтено 3838 изделий из камня, из которых 3614 кварцитовых и 224 кремневых. Отщепов найдено, соответственно, 3335 и 107; пластин 210 и 77, скребков и скребел на отщепах - 33 и 50; нуклеусов - 36 и 10. Кроме того, 10 отбойников из различных минералов и 4 изделия из кости. Фактически, количество кварцитовых орудий, вероятно, было значительно больше, но изобилие сырья позволяло использовать отщепы без вторичной обработки. Удивительно, что и на кремневых изделиях ретушь чрезвычайно редка, несмотря на отсутствие его близлежащих выходов.

Нуклеусы имеют размеры от 2,5 до 8 см, кремневые меньше кварцитовых. Типологически они все близки между собой - одноплоскодонные, для получения пластин. Выделяются призматические, конические и клиновидные с торцевым скальванием. Все они либо с односторонним, либо с двусторонним скальванием. Отсутствие скальвания по всему периметру подчеркивает раннемезолитический возраст стоянки. Ширина негативов скальвания от 2 до 10 мм, длина от 5 до 70 мм, что соответствует параметрам пластин.

Пластины сделаны из кварцита (210 экз.) и из кремня (77 экз.). По сравнению с отщепами, имеющими соотношение кварцитовых и кремневых около 1/10, пластины имеют соотношение близкое к 3/1. Преобладающее большинство пластин имеет ширину 8-12 мм при толщине 2-3 мм. Длина, как правило, не устанавливается, так как почти все они представлены сечениями от 1 до 3 см. Характерно, что пластины использовались, преимущественно, без ретуши. Чёткая краевая ретушь встречена лишь на одной из них, а на нескольких имеются следы, которые могут быть как результатом подработки, так и следами сработанности. На нескольких пластинах заметна концевая ретушь, три пластины имеют склонный край с ретушью. Наиболее многочисленной категорией орудий на пластинах являются резцы. Насчитывается не менее 20 пластин с резцовыми сколами, причем некоторые из них имеют по несколько резцовых сколов, нанесенных в разных направлениях и с разных сторон. Большинство пластин представлено сечениями без вторичной обработки с прямыми или склонными краями, которые, вероятно, использовались в качестве вкладышей.

Орудия на отщепах представлены около 100 экз. изделий из кварцита и кремня примерно в равных пропорциях. Редкость нанесения ретуши затрудняет точное разграничение отщепов и орудий. Крупные орудия представлены, в основном, кварцитовыми изделиями. Они имеют

самую различную форму, края подработаны крупными сколами, иногда мелкой ретушью. Мелкие скребки сделаны, как правило, из кремня, есть и серия кварцитовых скребков. Выделяются скребки с ретушью по одному краю, с ретушью по всей окружности и с нерегулярной ретушью.

Материалы каменного века со стоянки Ураков Бугор относятся к эпохе раннего мезолита. По геологическим и палеопочвоведческим анализам они характеризуют начало современной геологической эпохи. Артефакты представлены развитой техникой получения пластин, отсутствием геометрических микролитов и наконечников стрел. Нанесение ретуши на пластины не характерно, но имеется значительное количество пластин и их сечений со следами их использования. На стоянке нет костей мамонта, преобладают кости рыб, что является отличительной чертой мезолита от палеолита.

Похожие материалы этого же времени известны на стоянках Южного Предуралья и в Волго-Камье. Учитывая наличие изделий из яшмовидного и опаловидного кремней, можно сделать вывод о связях Нижнего Поволжья с этими территориями в эпоху раннего мезолита.

За сухостью данных строк остаются великие передвижения народов с юга на север, после ледникового периода, появление техники геометрических микролитов, и ее носителей - индоевропейцев. Уход (полный или частичный) предков финно-угров в более северные регионы. Пока стоянка Ураков Бугор остается единственным выразительным памятником эпохи раннего голоцене между Волгой и Днепром, а материалы эпохи финальной бронзы могут явиться ключом, для решения загадки исчезновения срубной культуры.

*Управление по историко-культурному наследию
министерства культуры Саратовской области*

Рис. 1. Ураков Бугор. Схема расположения памятника, план памятника и спорово-пыльцевая диаграмма (по А.В.Шадрухину)

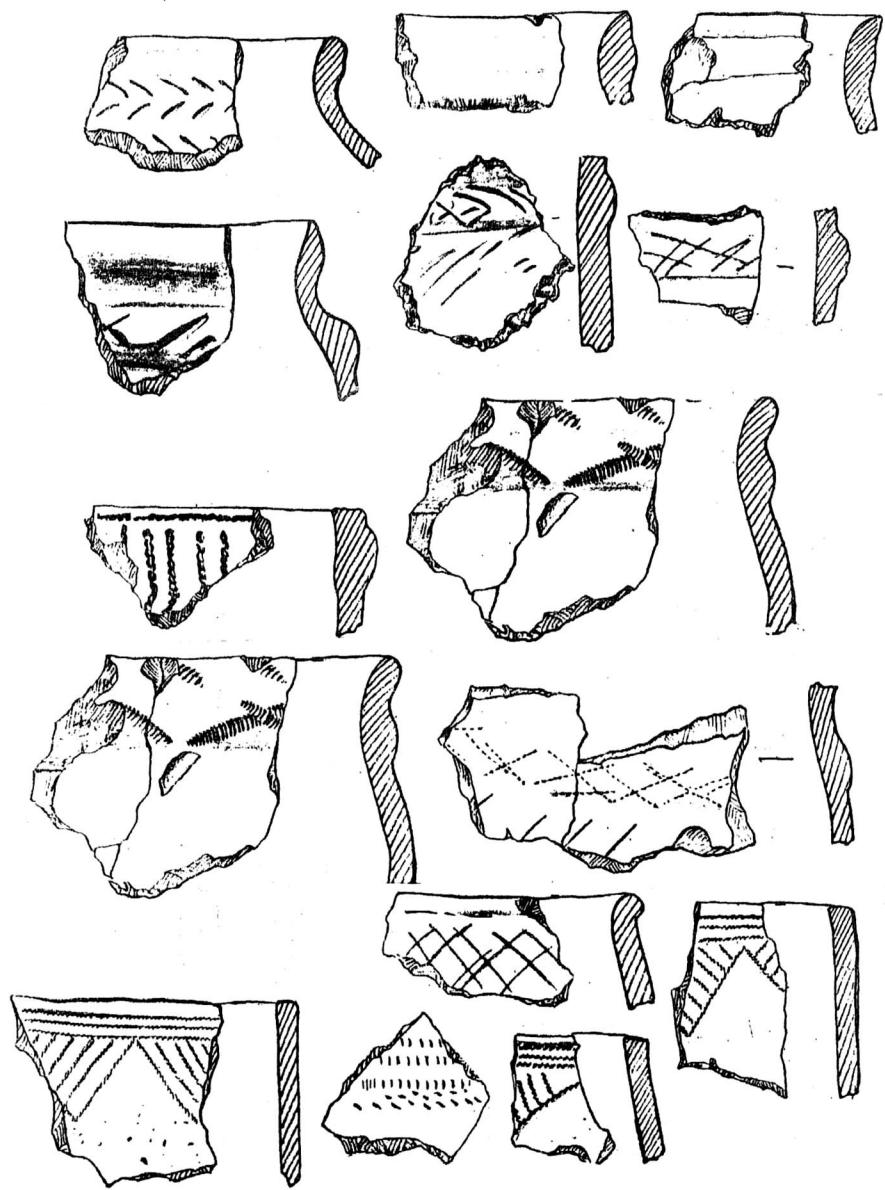
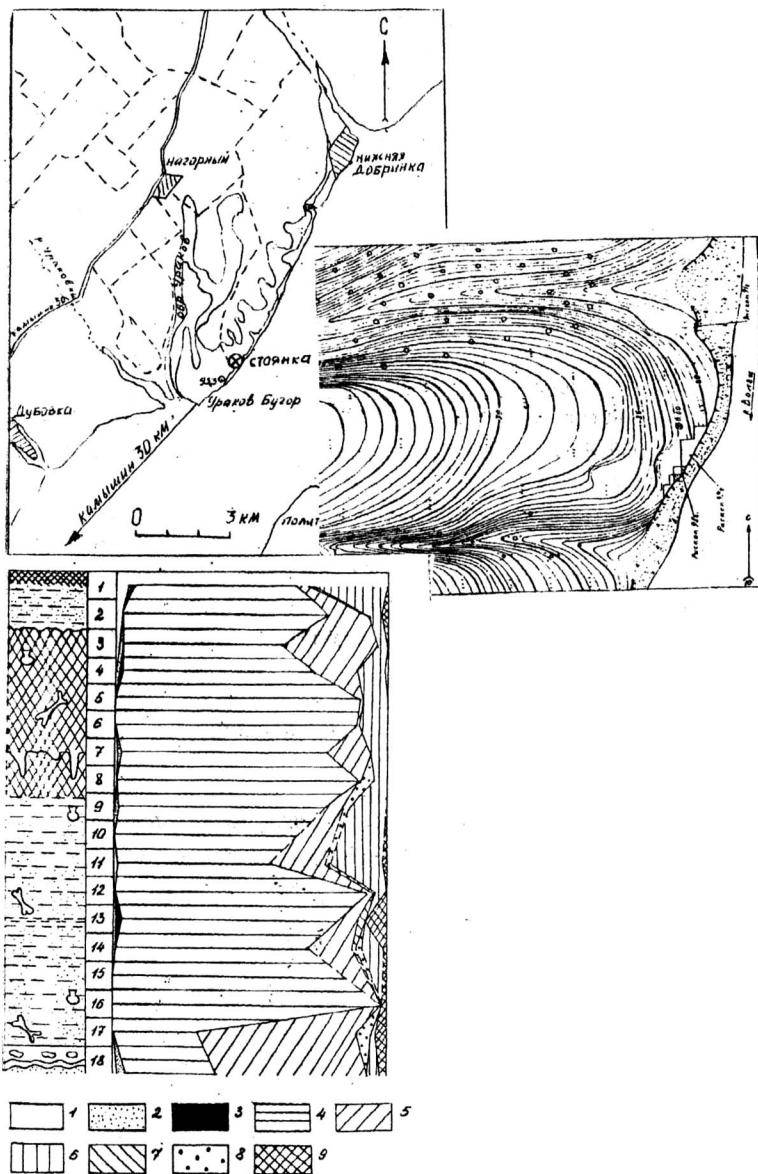

Рис. 2. Ураков Бугор. Керамика из слоя эпохи бронзы

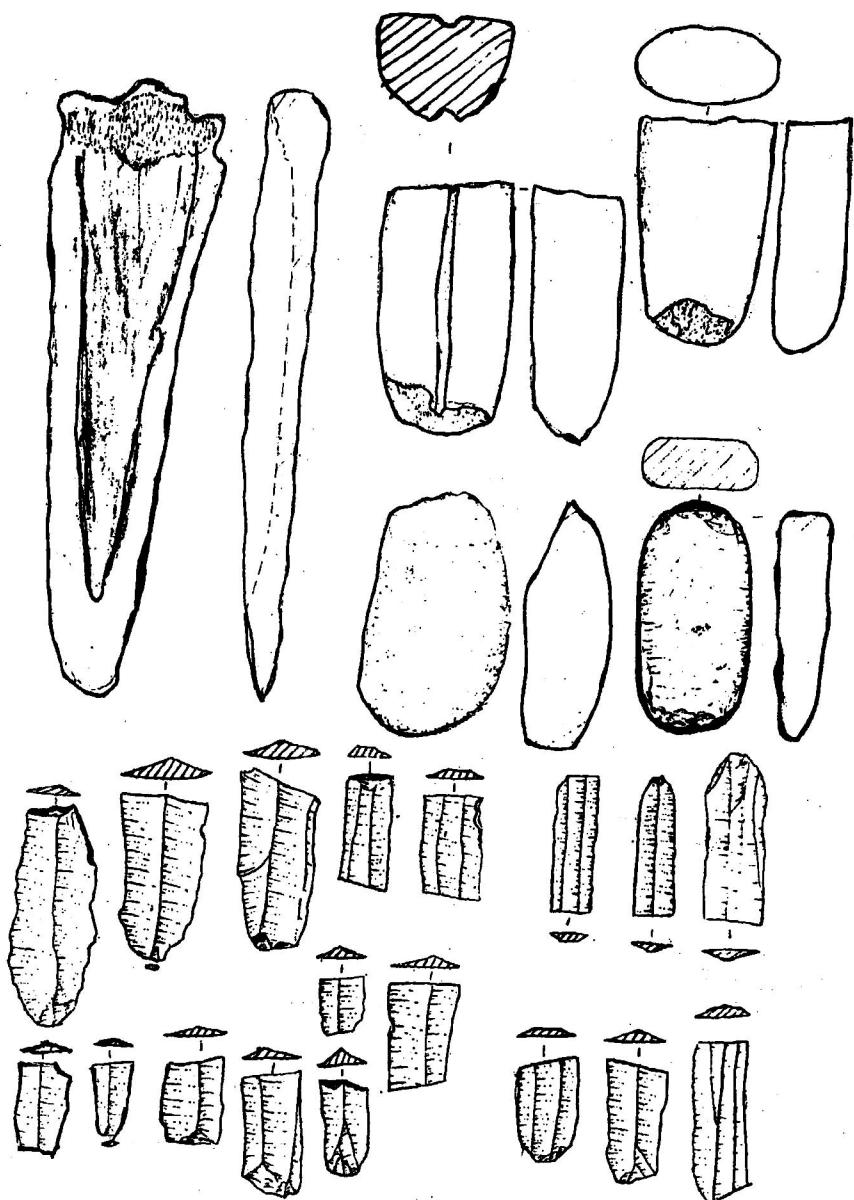

Рис. 3. Ураков Бугор. Костяное орудие, орудия из камня и пластины из мезолитического слоя

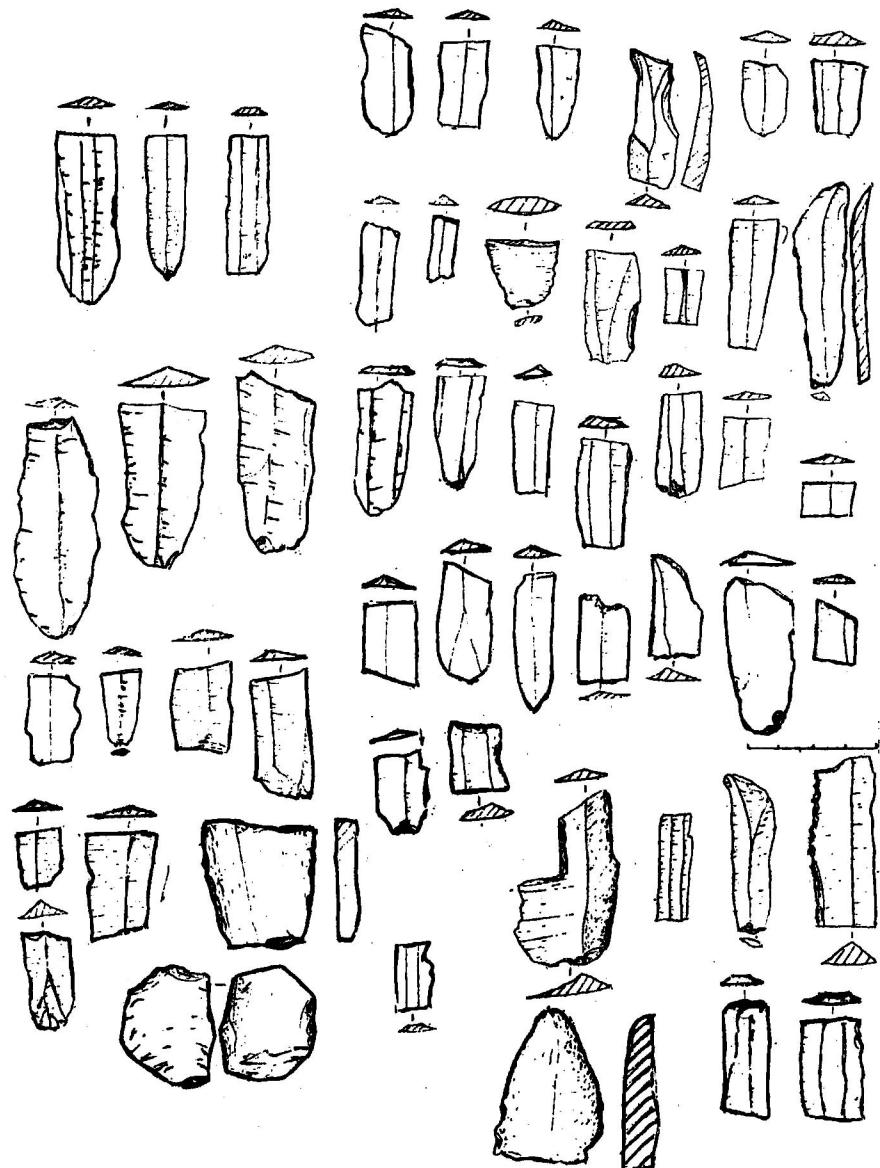

Рис. 4. Ураков Бугор. Находки из камня

Рис. 5. Ураков Бугор. Находки из камня

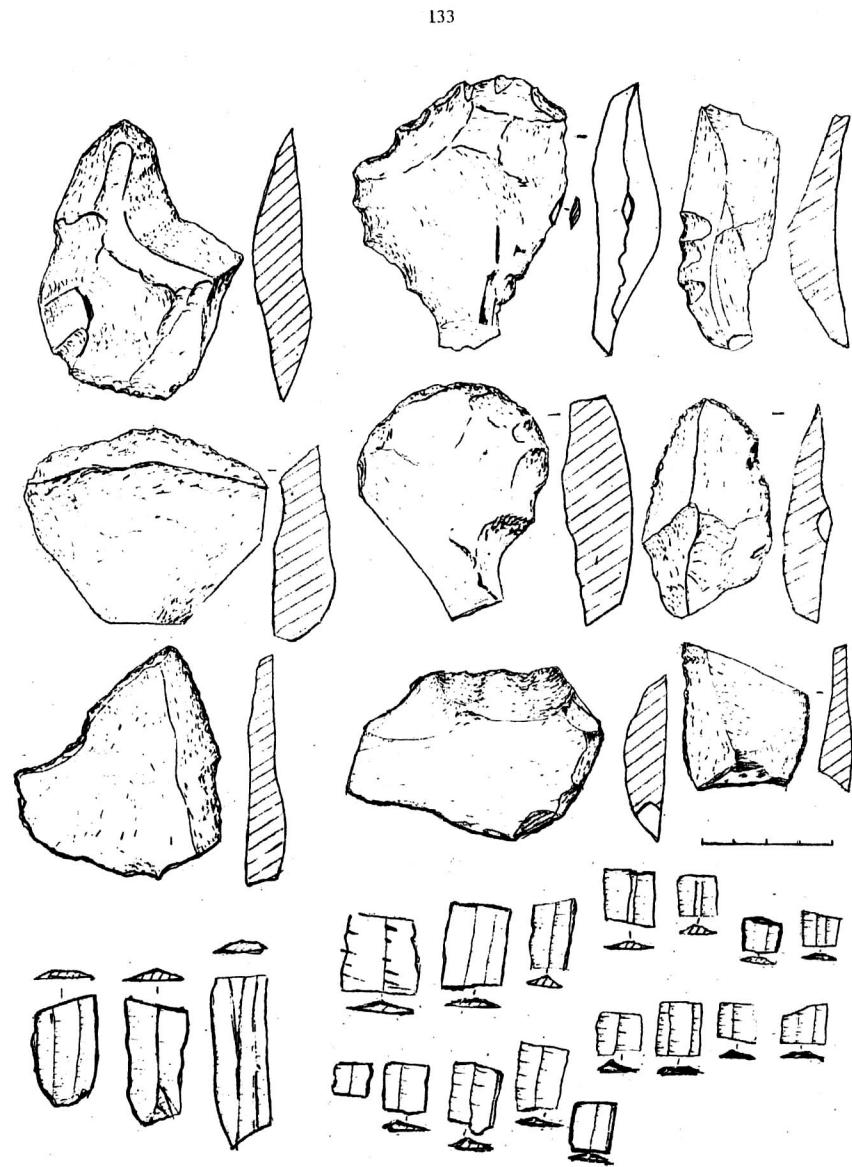

Рис. 6. Ураков Бугор. Находки из камня

Д.Г.Баринов
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЕ И МОГИЛЬНИК
У с.КАЛМАНТАЙ

В 1990-91 годах в ходе проведения археологических разведок в Вольском районе Саратовской области, на северо-восточной окраине с.Калмантай были обнаружены древнерусские средневековые поселение и могильник. Поселение расположено на правом берегу р.Карнай, в 300 м восточнее от впадения в реку Калмантай, на первой надпойменной террасе (рис. 1, 1).

Площадь осмотренной части поселения около 8000 кв. м. Остальная часть занята домами и огородами с.Калмантай. Весь вещевой материал был обнаружен в глубокой промоине, разрезающей поселение с севера на юг, вдоль сельской улицы. Скопления керамики и костей были обнаружены в двух ямах средневекового времени. Ямы округлой формы, с поврежденными размывами северной и южной стенками. Размеры ям: первой - 3,5x2,9 м, глубина 1,72 м; второй - 2,75x2,92 м, глубина 0,9 м. Расстояние между ям по линии север-юг - 2,62 м. В первой яме было обнаружено более 80% всех находок. Культурный слой вокруг ям уничтожен во время благоустройства села.

Керамический материал представлен 161 фрагментом сосудов, в основном, желтого и красно-коричневого цветов. Обжиг плохой, черепок ломкий, в изломе трехслойный с примесью крупного песка, шамота и опоки. Форма сосудов, в основном, горшковидная. Диаметры горла устанавливаются у 18 сосудов: от 12,8 до 16,5 см у 12 горшков; 17,2 см - у 4-х горшков; 19,8 и 24 см у двух сосудов. Кроме того был найден целый горшок темно-серого цвета следующих размеров: диаметр горла 19,8 см, высота 23,4 см, диаметр дна 12,2 см (рис. 2, 37). Из сосудов других форм обнаружены лепная банка и корчага. Лепная банка желто-красного цвета подработана на гончарном круге. Диаметр горла 8,8 см, высота 7,8 см, диаметр дна 4,2 см. В тесте глины примесь белой опоки и крупного песка (рис. 1, 8). Лепная корчага также подработана на гончарном круге и имеет темный цвет и крупные включения дресвы и опоки в тесте. Диаметр горла 28 см, дна - 14 см, высота не устанавливается.

Орнаментировано 54% керамики (84 фрагмента). Орнамент - линейно-волнистой. Волна преимущественно многорядная. В двух случаях орнамент доходит до дна сосудов (рис. 1, 5, 9). В одном случае - комбинация волны и штампа в виде личинок (рис. 1, 22). Два венчика серого цвета их хорошо отмученной глины хорошего обжига имеют орнамент в виде многорядных вертикальных полос (рис. 1, 20, 21).

Профиляровка венчиков следующая: а - простой венчик, отогнут наружу и имеет округлый или плоский край (рис. 1, 23; 2, 1, 5, 6, 12, 15,

17, 19, 21, 22, 25, 27, 28, 31, 37, 39; 3, 1-4, 6, 9-11); б - отогнутый наружу венчик имеет загнутый внутрь округлый или более вытянутый край, образующий с внутренней стороны желобок (рис. 2, 2, 3, 7-11, 13, 14, 16, 23, 24, 26, 29, 30, 32-36, 38, 40, 41; 3, 5, 7, 8). В двух случаях желобок идет по краю венчика, в одном - край венчика срезан наружу (рис. 2, 4, 18, 20).

На 16 фрагментах (87%) днищ сосудов имеются различные клейма, выполненные в технике рельефа (рис. 1, 5-19; 2, 37).

Датировать керамические комплексы без наличия предметов с узкими хронологическими рамками весьма сложно. В Саратовском Покровье наиболее ранние поселения с русской керамикой, датированные монетами, относятся к 50 годам XIII века (Ивановка Хвалынского района, Воскресенское 2, Укек). Керамические комплексы русской посуды золотоордынских поселений XIII века не отличаются от аналогичных комплексов собственно XIV века (Шумейка, Подгорное). Это черная и серая керамика, иногда желтоватая, значительно лучшего качества, чем с поселения в с.Калмантай. Орнаментация бедная, отсутствуют клейма на днищах. Классифицируя керамику Булгар, Т.А.Хлебникова, вслед за М.Д.Полубояриновой, в XIV группе славянской (древнерусской) керамики выделяет две подгруппы в которой вторая подгруппа является производной от первой. Первая подгруппа отличается от второй своей выразительностью, богатством орнамента, грубыми примесями в тесте, плохим обжигом при сохранении формы и деталей оформления венчика. Датировка XIV группы керамики весьма широка - от домонгольского периода до конца золотоордынского времени (Хлебникова Т.А., 1988, с. 31-33). Керамика поселения в с.Калмантай на наш взгляд относится именно к первой подгруппе и датируется концом XII - началом XIII века, в то время как керамика золотоордынских поселений относится ко второй подгруппе.

Кроме керамической посуды на поселении было найдено овальное в сечении пряслице (рис. 1, 4). Подобные находки часто встречаются на памятниках древнерусского времени, в том числе и на территории Саратовской области (Изотова М.А., 1999, с. 184). Следует заметить, что в золотоордынский период, в основном, использовались пряслица из стеклоконоподобных сосудов или металлические (Баринов Д.Г., 1997, с. 246).

Могильник расположен в 120 м к северо-западу от поселения, на возвышенном участке террасы. До 30-х годов здесь располагались жилые постройки села. Человеческие кости обнаружены на площади 120x70 м. Всего исследовано пять погребений. Выбор погребений для исследования был обусловлен наличием видимых на современной поверхности могильных пятен или костей человека.

Погребение 1. Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами имеет следующие размеры: 2,2x0,7 м, глубина в материке 0,35 м. Погребенный лежал на спине вытянуто, головой на юг. Череп развернут лицевыми костями на восток. Правая рука согнута, кисть положена на предплечье левой руки. Кисть левой руки покоятся на левой ключице.

Погребение 2 (парное) располагалось в 50 м к северо-востоку от первого. Совершено в могильной яме с округлыми углами. Южная и восточная стенки не сохранились. Дно могилы неровное. Длина 2,07 м, ширина не восстанавливается, глубина 0,3 м. Погребенные лежали головой на запад, на спине. У первого скелета правая рука согнута в локте и покоятся в области таза, левая - вытянута. Череп погребенного развернут лицевыми костями на север. У второго погребенного руки согнуты в локтях и положены на таз. Левая рука частично перекрыта первым погребенным. Череп развернут лицевой частью на юг. На черепах обоих погребенных следы насильтвенной смерти - проломлены правые височные кости.

Погребение 3 расположено в 1 м к северу от погребения 2. Могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами. Длина ямы 2 м, ширина 0,52 м, глубина 0,28 м. Погребенный лежал на спине, головой на юго-запад. Руки согнуты в локтях и покоятся на животе. Череп развернут лицевыми костями на северо-запад. На нем имеются следы насильтвенной смерти - проломлена лобовая часть.

Погребение 4 (парное). Расположено в 0,4 м к юго-западу от погребения 3. Могила удлиненной формы с округлыми углами, неровными стенками и дном. Размеры могилы: 1,9x0,85 м, глубина 0,38 м. Скелет лежал черепом на юго-запад, руки сильно согнуты в локтях, кисти помещены на верхней части груди. Череп сильно разрушен. В северо-западной части могилы - ступенька размерами 0,5x0,86 м, высотой 16 см. На ступеньке находился плохо сохранившийся скелет ребенка. Онложен вытянуто, головой на юго-запад.

Погребение 5. Расположено в 3 м к востоку-юго-востоку от погребения 4. Могильная яма не читается. Обнаружена по срезанной скрепером правой голени человека. Дно могильной ямы имеет уклон к юго-западу на 18 см. Погребенный лежал головой на юго-запад, к моменту исследования череп отсутствовал. Правая рука согнута, кисть находилась на локте левой руки. Кисть левой руки покоялась на тазовых kostях. На кости грудины - след удара острый предметом ромбовидного сечения.

Погребения могильника безынвентарные, преобладает ориентировка в юго-западный сектор. Неустойчивое положение черепа и рук, парные захоронения - все эти признаки сближают могильник в селе

Калмантай с русским кладбищем на Водянском городище (Егоров В.Л., Полубояринова М.Г., 1974, с. 69-71).

В юго-западной части могильника в конце 80-х годов местными жителями были найдены две серебряные монеты. Одна из них была передана на определение в Государственный Эрмитаж (монета династии Тимуридов, хан Шахрух, 83.. г.Х.), вторая определена автором - хан Токта, чекан Сарага, 691 г.Х. Здесь же нами были найдены фрагмент золотоордынской красноглиняной керамики, украшенный комбинацией арочного и линейного орнамента и бочонковидная бусина черного цвета, обвитая тонкими стеклянными нитями белого и розового цвета. Нить идет по спирали от одного отверстия к другому. Узор не рельефный, нить вдавлена в тело бусины. Бусина относится к отделу 1, типу 1, виду 1 по классификации М.Д.Полубояриновой. В Новгороде в слоях конца XI - начала XIII веков такие бусы имеют гладкую поверхность, а в слоях XIV века - рельефный узор. Такие бусы, гладкие и рельефные, встречаются совместно на золотоордынских поселениях Поволжья (Полубояринова М.Д., 1988, с. 174, 175). По словам местных жителей на могильнике находили погребения с бусами, браслетами и медным "котелком". С этой же части могильника происходит железное втульчатое копье с разомкнутой втулкой и треугольным в сечении пером (рис. 1, 2), переданное экспедиции краеведом В.И.Андюковым

Все перечисленные находки с могильника позволили Г.А.Федорову-Давыдову датировать могильник и поселение золотоордынским периодом (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 34). На наш взгляд могильник, по крайней мере его северо-восточная часть, а тем более поселение, относятся к домонгольскому времени, а находки золотоордынского периода, вероятно, связаны с другим поселением, находившимся при слиянии рек Карнай и Калмантай и к настоящему времени застроенному селом.

Поселение и городища древнерусского времени известны на территории Саратовской области: Никольевское городище и окружающие его поселения (Хреков А.А., 1994), поселение Алмазово II, поселение на р.Хопер в Ртищевском районе (Изотова М.А., 1999), Алексеевское городище (Юдин А.И., 2000), поселок на р.Широкий Карамыш (осмотрен автором). Отсутствие нумизматических находок позволяет отнести эти памятники к домонгольскому периоду. Это может подтверждаться следующими фактами.

Сложившаяся в конце XII века благоприятная для древнерусского государства военно-политическая обстановка обусловила продвижение русского населения на юго-восток, к Хопру и Волге. В этот период русские княжества представляли значительную угрозу не только половцам, но и Волжской Булгарии. Этим был вызван перенос столицы Булгарии в глубь территории страны. Появление большого количества древнерус-

ской керамики в культурных слоях Булгара, Биляра и других городов Волжской Булгарии относится именно к домонгольскому периоду. Монголо-татарское завоевание видно не привело к полному уничтожению русского населения на вновь освоенных землях. Так, например, поселение Алмазово II датировано автором XIII-XVII веками. Уже говорилось, что рядом с древнерусским поселением у с.Калмантай находится поселение золотоордынского времени, датируемое монетами XIII-XV веками. Заселенность берегов Дона и Волги русскими неоднократно подтверждается письменными источниками. Так в середине XIII века Рубрук видит на восточном берегу Дона поселок русских земледельцев, а на правом берегу Волги - поселок, населенный мусульманами и русскими (Рубрук Г., 1957, с. 184-185). Арабский путешественник Ибн-Батута, посетивший Поволжье в 1333 году, пишет, что в одном дне от Уека - "горы русских" (Тизенгаузен В.Г., 1884, с. 302-303).

Открытие древнерусского поселения и могильника у с.Калмантай подтверждают и дополняют отрывочные данные письменных источников.

Литература

- Баринов Д.Г., 1997. Золотоордынское поселение около поселка Шумейка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов. Вып. 2.
- Егоров В.Л., Полубояринова М.Д., 1974. Археологические исследования Водянского городища в 1967-1971 гг. // Города Поволжья в средние века. М.
- Изотова М.А., 1999. Древнерусское поселение Алмазово II // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов. Вып. 3.
- Рубрук Г. де., 1957. Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.
- Полубояринова М.Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
- Тизенгаузен В.Г., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орде. С-Пб. Т. 1.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Хлебникова Т.А., 1988. Неполивная керамика Болгар // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
- Хреков А.А., 1994. Древнерусские поселения лесостепного Прихоперья // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов.
- Юдин А.И., 2000. Алексеевское городище: от средней бронзы до позднего средневековья // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии (матер. международной научной конф.). Саратов.

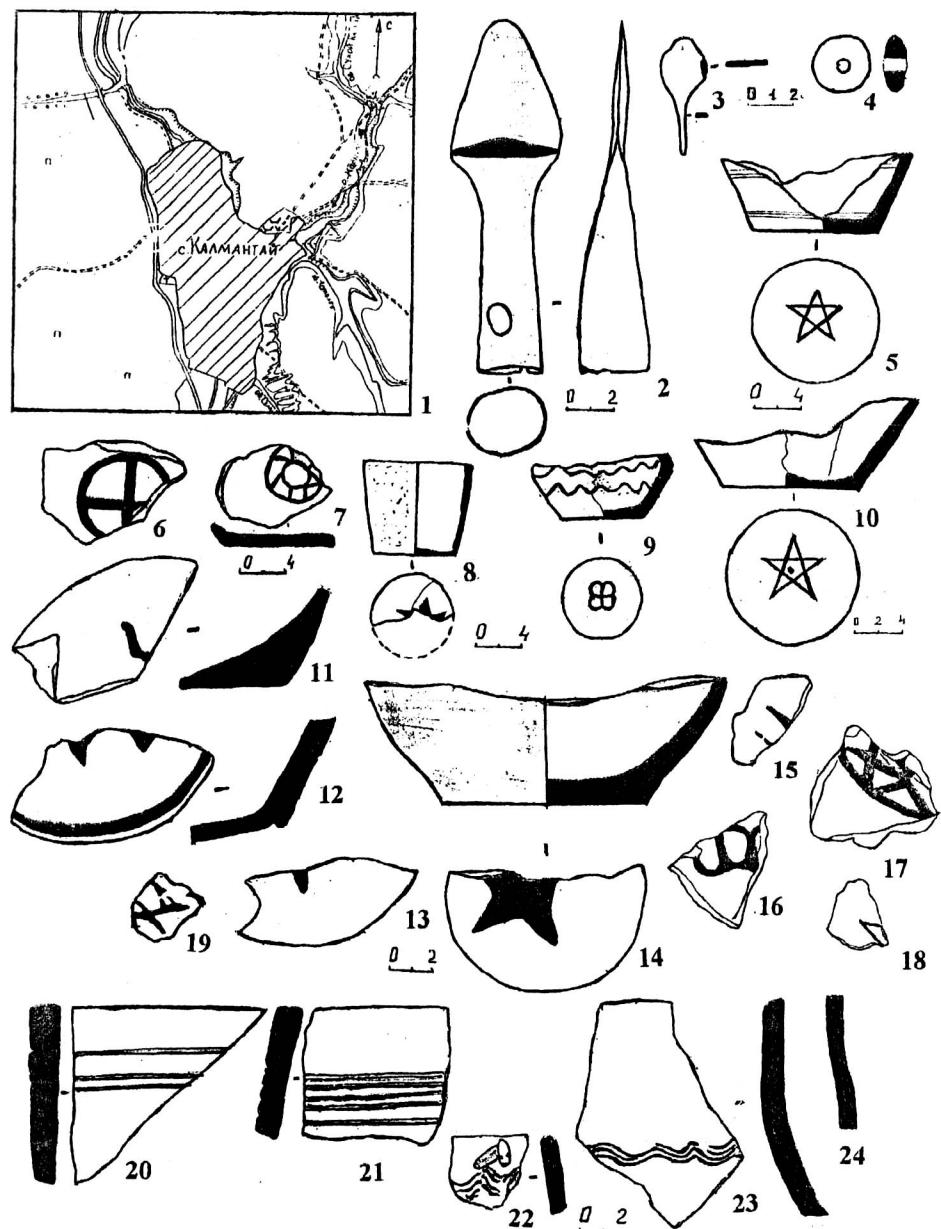
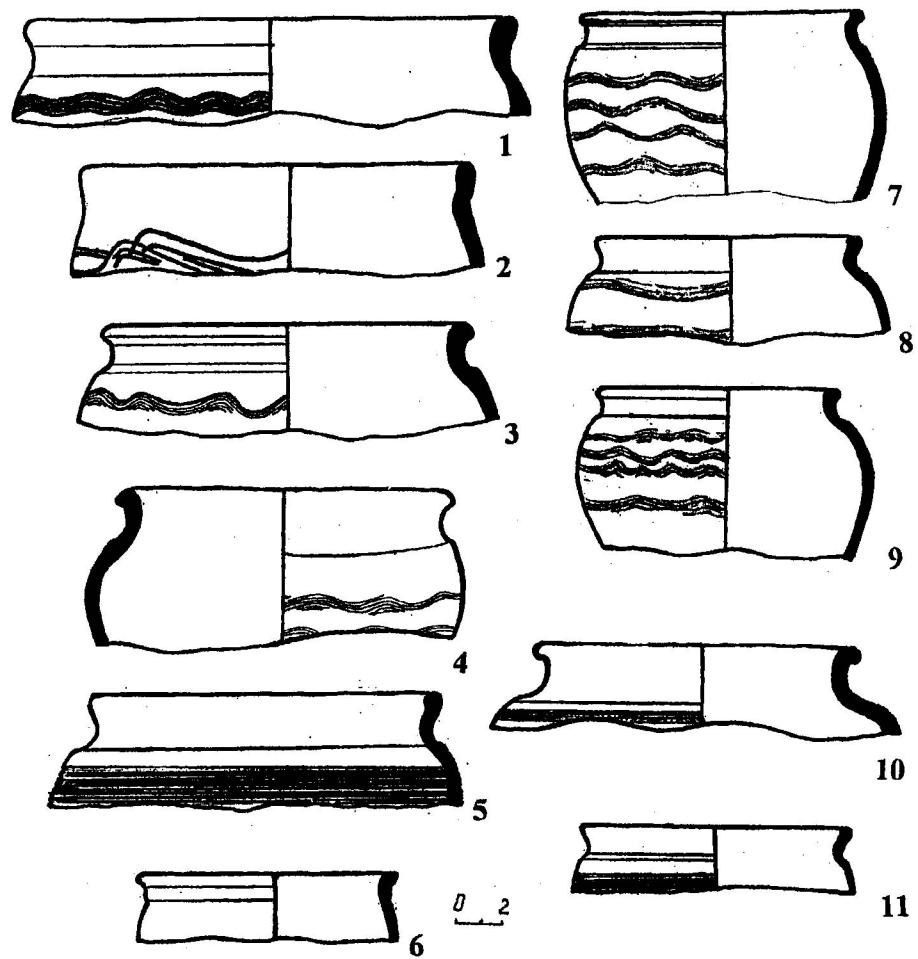
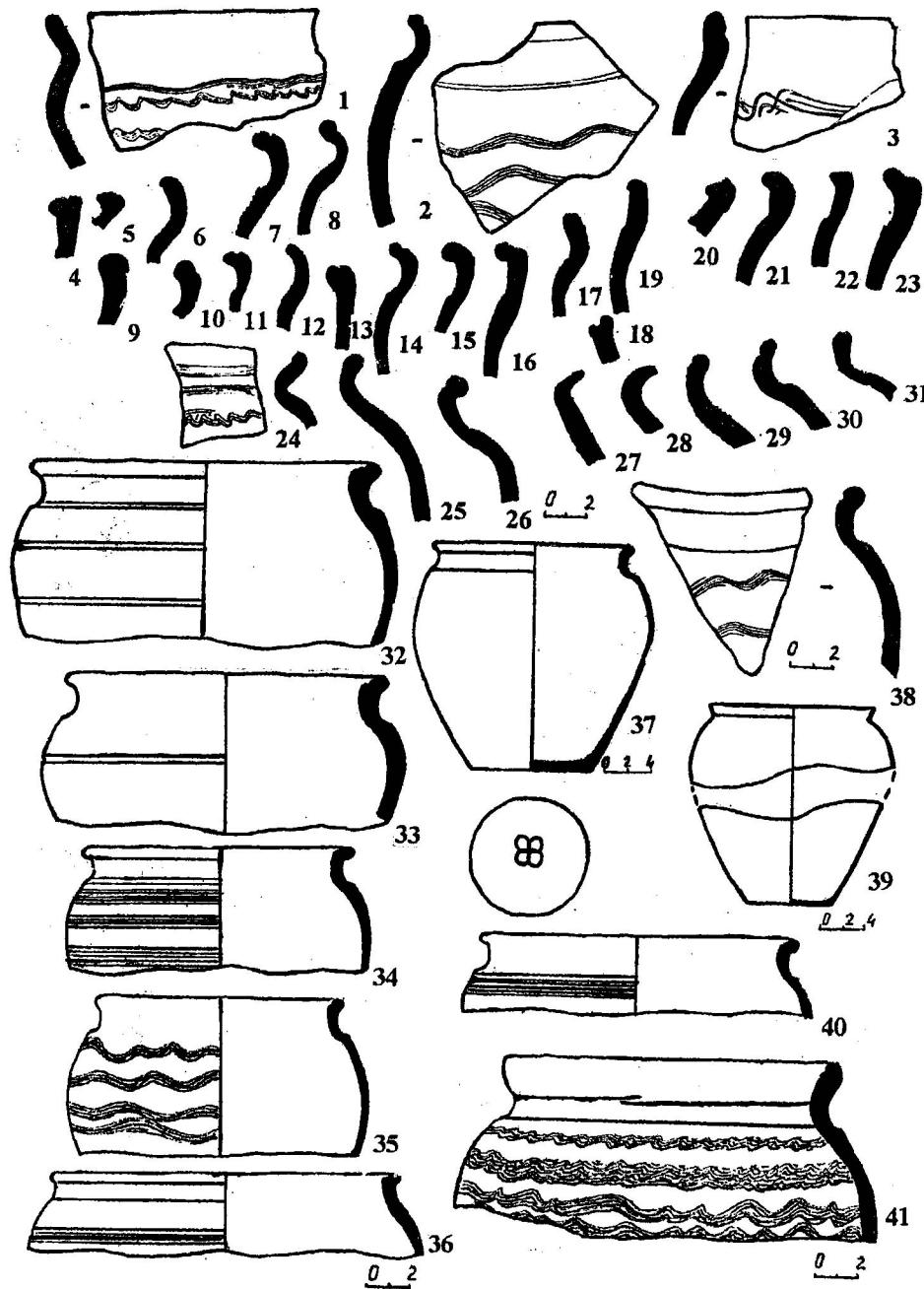

Рис. 1. Поселение и могильник у с. Калмантай (1) и находки с поселения (2-24).

← Рис. 2. Поселение у с. Калмантай. Керамика.

Рис. 3. Поселение у с. Калмантай. Керамитка.

Методика археологических исследований

Р.А. Сингатулин

О ПЕРСПЕКТИВЕ ПОДВОДНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОЛЖСКОГО БАССЕЙНА

Берега Волги издавна служили колыбелью культуры многих народов. Протекая с севера на юг на протяжении свыше 3600 км, с площадью бассейна в 1380 тыс. км², русло Волги служило самым удобным и дешёвым путём для перевозки различных товаров. В древности здесь проходил Великий Волжский путь. Начало систематических исследований Поволжского края приходится на конец XVIII века (экспедициями Российской академии наук под руководством П.С. Палласа, И.П. Фалька, И.И. Лепехина), которые позволили получить первые подробные сведения о памятниках древности Среднего и Нижнего Поволжья. Но, несмотря на все последующие годы исследований, уровень знаний о материальной культуре Волжских народов до сих пор является предметом научных споров, т.к., к сожалению, на протяжении достаточно длительного времени, культурные ценности регионов Поволжья подвергались массовому разграблению. Это обуславливает обращение археологов к нетрадиционным формам исследования и поиска исторических раритетов, где наиболее перспективным и пока невостребованным методом исследования регионов Поволжья может стать изучение осадочных слоёв и придонного грунта Волги, особенно в местах древних переправ, поселений, городов методами подводной археологии.

Действительно, подводная археология имеет ряд особых, специфических возможностей в изучении прошлого. В то же время, очевидный скепсис к подводным археологическим работам, проявляемый некоторыми исследователями, связан с незнанием их специфики и сводится к типичным вопросам "что искать", "чем искать" и "где искать". Одна из причин этого заключается в том, что основная масса исследователей не имеет достаточного представления об особенностях длительной сохранности исторических объектов в водной среде. Поэтому, на основании некоторых материалов и наблюдений (Raban A., 1973; Боровиков П.А., 1984, с. 256-259) можно представить таблицу, отражающую относительную сохранность объектов различной природы в морской и пресной воде, на грунтах различного типа (табл. 1). Причём, здесь следует различать подводные археологические работы, проводящиеся на морском шельфе и в глубинах пресноводных рек.

Вода, илистое дно, песчаные наносы, торф обеспечивают в ряде случаев лучшие условия хранения погружённых в них объектов, чем толща соленых вод морей и недр земли. Активный обмен (железо-медь) здесь может быть сведен к минимуму. Под водой хорошо сохраняется керами-

ка, стекло, некоторые металлы. В болотистых местах, особенно на торфняниках, прекрасно сохраняется бумага, ткань, дерево и даже биологические ткани. Поэтому, вероятность сохранения многих исторических материалов достаточно высока. Перечень классифицированных объектов, даже при таких условиях, может быть значительно расширен, т.е. искать можно всё то, что и в обычных условиях.

Если же ставить вопрос "где искать", то очевидным ответом должен стать результат исследований в местах древних переправ, поселений, городов. В качестве примера, правда негативного, можно привести успешную избирательную "деятельность" по поискам древних сокровищ в районе береговой линии Волги у п. Увек, где располагался средневековый город Укек, начальника землечерпалки № 29 инженера Уейского, в 1913 году. После того, как у него отобрали серебряную чашу, извлечённую им из одного из склепов (Кротков А.А., 1915, с. 111-133), предпримчивый Уейский вместе со своей командой стал "обрабатывать" землечерпалкой береговую черту вдоль древнего городища, где ему, естественно, уже никто не мог препятствовать. В этой связи, стоит заметить, что ещё в 1879 году, А.Н. Минх, одним из первых поднял проблему исследования затопленной нижней террасы Увекского массива (Минх А.Н., 1881, с. 211-238).

Искать следует в тех местах, где речная долина под влиянием боковой эрозии, вызванной суточным вращением Земли, постепенно расширяется и образует, так называемые, коренные террасы. В них может скапливаться достаточно ценный археологический материал. Помимо этого, река на всём своём протяжении образует мели, косы, мелководные перекаты, в которых также наблюдается скопление археологических находок. Основная сложность организации таких "речных" археологических работ, в отличие от ставшей классической, морской подводной археологии - это малая видимость, достигающая в лучшем случае 2-3 метров, а среднем не превышающая 0,4-0,8 м, что явно недостаточно для поиска объектов. Кроме того, проведение подобных работ в фарватере Волги усложняют и ограничивают проблемы, связанные с жизнеобеспечением человека, большая интенсивность движения водного транспорта, высокая стоимость водолазного оборудования. Инструментом исследований в этом случае может и должен выступить дистанционно-управляемый подводный аппарат, позволяющий получать за короткое время большой объём гидрографических, гидрологических и геофизических данных, производить картографическую съёмку дна.

Основу таких рабочих самоходных, свободноплавающих, поисково-исследовательских управляемых аппаратов, перемещающихся по грунту в сложных гидрологических условиях пресноводных рек, составляют корпусные конструкции тракторного типа, имеющие отрицательную

плавучесть. В соответствии с назначением и конструктивными особенностями подводных аппаратов, такие конструкции классифицируются международными стандартами как UTBP (Самоходные донные управляемые по кабелю аппараты). Средства внешней информации определяются задачами, для решения которых и предназначена данная конструкция. В этом и состоит предложенная американскими учёными идея рационального выбора конкретного аппарата для выполнения конкретно сформулированной задачи (3-th Annual..., 1971). Такие дистанционно-управляемые аппараты созданы в Саратовском государственном техническом университете для проведения подводных археологических работ и в настоящее время проводятся их комплексные испытания (рис. 1). Первоочередная задача таких НПА (необитаемых подводных аппаратов) будет заключаться в обследовании так называемых аллювиальных островов, размытых поселений, городищ и останков древних судов, обнаруженных в северной части акватории Волгоградского водохранилища (рис. 3). Конструктивные особенности таких аппаратов, такие как отсутствие экипажа и, следовательно, системы жизнеобеспечения позволяют значительно снизить объём корпуса НПА (менее 0,1 м³). Кроме того, в таких НПА, экономия в размерах и массе достигается за счёт поступления электроэнергии с берега. Есть возможность работать круглосуточно, в течение всего года.

Развивая мысль о перспективности подводных исследований Волжского бассейна нельзя не отметить, что успех такой подводной археологической операции во многом зависит не только от её организации, но и от экономической эффективности технических средств. Поскольку материальные затраты на подводные поисковые и рабочие операции, даже с учётом перечисленной эффективности НПА, высоки, оптимизация комплексов производится по экономическим критериям. Эффективность выполнения подводных операций зависит от целого ряда параметров, характеризующего выделенные силы и средства, объект поиска или работы и внешние условия. Существенно влияют на ход и результаты поисковых и рабочих операций следующие критерии: надёжность комплекса; состав поисковой аппаратуры, различной по принципу обнаружения; разрешающая способность поисковой аппаратуры; ширина полосы поиска; точность определения координат объекта; скорость аппарата при поиске; точность удержания своего места в районе работ; приспособляемость аппарата к выполнению широкого круга работ; эффективность работы манипуляторных устройств.

К параметрам, характеризующим объект поиска или работы, относят: точность обозначения места объекта; глубину места; пространственное положение объекта в среде (грунте, на поверхности и т.п.); характеристики объекта, физические и другие свойства (Papers..., 1969).

Все внешние условия характеризуются гидрометеорологической обстановкой в районе работ, гидрологической и геофизической характеристикой среды, рельефом дна, характером грунта и т.п.

Рассматривая эти внешние условия в отдельном контексте, применительно к акватории вблизи Саратова, нельзя не отметить, что долина р. Волги в пределах водохранилища имеет резко асимметричное строение с крутым правым коренным берегом и пологим левым берегом. Рельеф дна был сформирован до затопления водохранилища, вследствие чего наибольшие глубины отмечаются по затопленному руслу р. Волга (30-37 м) и протокам-воловожкам (10-15 м). Остальная часть водохранилища имеет глубины до 10 м (Гидрологический..., 1985). Переход от основного русла Волги к пойменной части - резкий и крутой, местами обрывистый. Наибольший интерес представляет характеристика прочности и подвижности грунтов дна. Заилиение водохранилища из-за большой пропоточности незначительно. В основном интенсивно заиляются устья балок и заливов береговыми перемещениями продуктов разрушения берега. В этих местах, несомненно, интересных с точки зрения поисковых археологических работ, возможны проблемы (залипание) с механическими элементами НПА (шасси, манипуляторы и т.п.). Поэтому, эти участки, вероятнее всего, придётся исследовать с помощью жёстких механических связей - больших манипуляторов, являющихся ещё одной разновидностью НПА, входящей в группу UTBI.

Нельзя не отметить, что все перечисленные выше критерии перспектив подводных археологических исследований в бассейне р. Волга, уже неоднократно, в течение последних 15-20 лет, находили практическое подтверждение работами экспедиций, организованных газетой "Комсомольская правда" и рядом других изданий, научных групп из Казани, Волгограда, Саратова, др. городов. К сожалению, работы этих экспедиций, в основном, были посвящены поиску раритетов времён Великой Отечественной войны и экологии, вопросы археологии остались не вос требованными.

В настоящее время, с появлением нового класса перспективных НПА, представляющих собой миниатюрные антропоморфные НПА весом до 2 кг (созданы в Саратовском техническом университете в 2001 г.), становится возможным получение принципиально новых археологических данных по истории Поволжья. Речь идёт о зимних подводных исследованиях, которые производятся на ледовой поверхности акватории р. Волги, путём вертикального опускания миниатюрных НПА, несущих в своём составе несколько фотограмметрических камер высокого разрешения и позволяющих получать изображения различных предметов (рис. 2) не только в толще воды, но и в грунте (Plotnikov P.K., Singatulin R.A., Ramsaev A.P., 2001).

В заключение стоит обратить внимание на то, что в ряде стран (США, ФРГ, Англия, Норвегия и др.) развитие НПА в последнее время планируют уже в рамках национальной программы. НПА считают экономически выгодными эффективными средствами для проведения различных исследований, в том числе и археологических, особенно в фарватерах крупных рек. Постепенно, шаг за шагом, морской акцент подводных исследований склоняется в сторону речной археологии. Не исключением может стать и наша Волга, хранящая в своих тёмных глубинах многочисленные страницы истории Поволжья.

Литература:

- Боровиков П.А. О методах поиска древних затонувших судов// Советская археология. № 4, 1984, с. 256-259.
 Гидрологическая справка Волгоградского водохранилища Нижне-Волжской гидрометобсерватории. Саратов. Материалы съёмки 1985 г.
 Кротков А.А. 1915. Раскопки на Увеке в 1913 году // Тр. СУАК. Саратов. Вып. 32.
 Минх А.Н. 1881. Набережный Увек // Тр. СУАК. Т. I, отд. 1. Саратов.
 Plotnikov P.K., Singatulin R.A., Ramsaev A.P., 2001. Application of Metod of Infra-Red Photogrammetry for Identification of Underground Archaeological Tracks and Rests of Constructions in Urbanist's Conditions. 4- th Inter. Geod. Symp., Berlin.
 Papers of American Society of Mechanical Engineers. VNT-5, 1969.
 Raban A., 1973. Survival of ancient wrecks in various conditions of the coast near Israel. Sci. Div. Int., 3rd Sci. Sympos. CMAS, 3-th Annual Offshore Technology Conference, Houston, Tex., 1971.

Табл. 1. Сохранность археологических памятников в различных условиях рек и морей.

Характер объекта	Прибрежное море			Река		
	Илы	Подвижные пески	Прибрежный аллювиальный гравий	Илы	Подвижные пески	Прибрежный аллювиальный гравий
Монеты	Сохранность хорошая	Сохранность для серебра хорошая	Абразивный износ	Сохранность хорошая	Сохранность хорошая	Сохранность хорошая, износ
Медные объекты	Сохранность хорошая	Слабая коррозия	Значительный износ, коррозия	Сохранность хорошая	Износ, коррозия	Износ, коррозия
Деревянные объекты	Разложение	Затруднено	Затруднено	Возможно	Затруднено	Возможно
Железные объекты	Значительная коррозия	Небольшая коррозия	Прогрессирующая коррозия	Небольшая коррозия	Прогрессирующая коррозия	Значительная коррозия
Фрагменты керамики	Сохранность хорошая	Абразивный износ, разложение	Затруднено	Сохранность хорошая	Абразивный износ	Абразивный износ
Корпус судна	Редко	Затруднено	Затруднено	Возможно	Редко	Затруднено

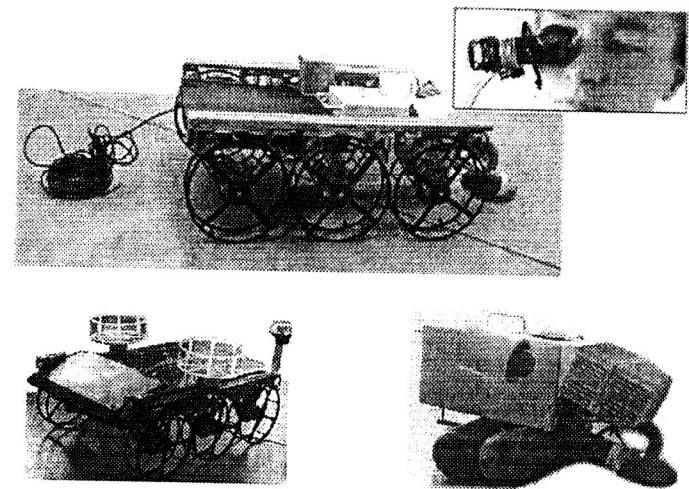

Рис. 1. Серия антропоморфных подводных исследовательских комплексов UTBP (созданы в Саратовском техническом университете в 2000-2001 гг.).

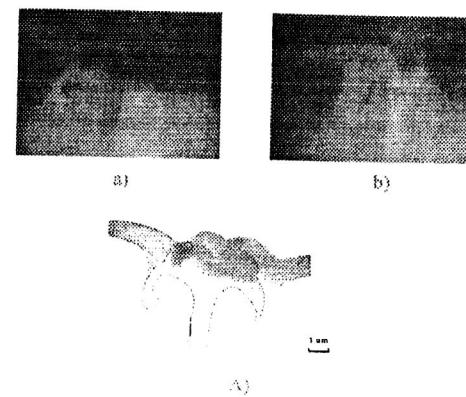

Рис. 2. Фрагмент идентифицированного стереоизображения артефакта, который представляет собой позвонки животного размерами до 9 см, расположенные в грунте на глубине 0,8 м.

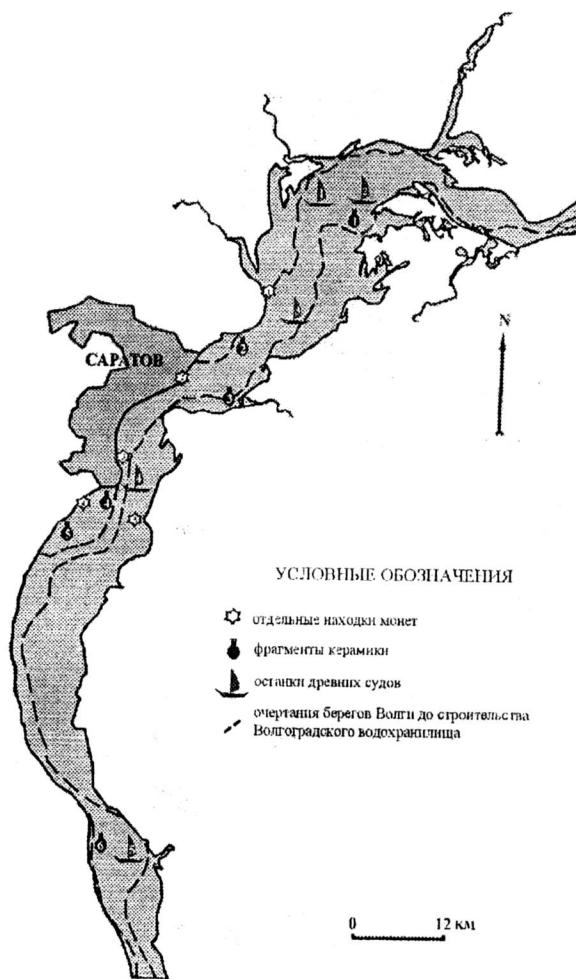

Рис. 3. Карта археологических объектов в акватории северной части Волгоградского водохранилища (составлена по материалам гидрологических экспедиций 1986-1989 гг.).

Памяти Д.А.Хоркина

27 июля 2001 года трагически погиб Денис Анатольевич Хоркин – историк, археолог, педагог, наш коллега и уважаемый всеми товарищ. Мы глубоко потрясены этой внезапной и нелепой смертью, отнявшей у нас Дениса, и никогда не сможем привыкнуть к тому, что его нет среди живых.

Денис Анатольевич родился в 1968 году, в интеллигентной семье саратовских служащих, где более всего ценились истинные общественные идеалы. Уже в школе открылись его гуманитарный склад мышления и поэтический дар ощущения жизни. Будущего историка тогда волновало абсолютно все, связанное с расширением кругозора, но более всего – литература, музыка, история культуры.

В 1985 году Денис становится студентом исторического факультета Саратовского государственного университета, и, поначалу, формирование его, как историка, вовсе не было связано с первобытностью. Блестящее дипломное сочинение, которое он готовил к защите под руководством О.Н.Исаевой, было посвящено белой эмиграции в Болгарии. Правда, позже он признавался многим из нас, что древняя история, археология всегда привлекали его. Просто, эта наука всегда представлялась ему почти недоступной мечтой. Это глубокое почтение, действительно, так и оставалось в нем до конца как в его отношениях со старшими коллегами, так и в обращении с археологическим материалом. Прошло много лет, наполненных поездками в экспедиции, участием в раскопках интереснейших и сложнейших памятников, прежде чем поднаторевший в полевых работах молодой специалист осмелился заявить о намерении провести самостоятельные исследования. Попутно этому была работа в школе, где он преподавал историю, литературу и русский язык. Затем Денис становится педагогом дополнительного образования, чтобы заниматься с детьми археологией – тем, что все более и более заполняло его жизнь. На новом месте службы, в Областном центре детско-юношеского туризма, краеведения и экскурсий, ему была присвоена высшая педагогическая категория. Здесь он продолжил традицию про-

ведения Областных слетов юных археологов, начатую когда-то Ю.В.Деревягиным, Д.С.Худяковым и Н.М.Маловым.

Постепенно внимание молодого специалиста концентрировалось на перспективной исследовательской теме, посвященной развитию ремесла и, в частности, металлообработке у степных скотоводческих племен Нижнего Поволжья в эпоху поздней бронзы. Отчасти этому способствовали удачные раскопки на поселении у села Усть-Курдюм, где был обнаружен уникальный комплекс – металлообрабатывающая мастерская с сакральными элементами, - о котором автор оперативно сообщил на ряде конференций и в печати. При кафедре историографии, региональной истории и археологии, сдав на «отлично» кандидатский минимум, соискатель Д.А.Хоркин приступил к подготовке диссертации.

Практическую деятельность Дениса Анатольевича, как археолога, всегда отличала особая ответственность, пожалуй, даже скрупулезность, при проведении полевых работ, и строгая тщательность в обработке полученных материалов. Он мог подолгу возиться с массовыми артефактами, вытягивая из груд фрагментированной керамики возможно большее число реконструированных форм. У Дениса было особое отношение к предметам древности. Очень тонкое чувство прекрасного позволяло ему замечать элементы шедевра казалось бы в самых обычных археологических находках.

И еще, он был настоящим поэтом. Были периоды, когда Денис почти не расставался с гитарой, когда слова и звуки рвались наружу и соединялись в песни, внешне сдержанные, но с удивительно глубоким по отношению к жизни смыслом. И к этой сфере своего таланта он был строго критичен, до беспощадности. Вероятно, большую часть его песен мы так и не услышали.

Очень трудно до конца осознать случившееся, смириться с этим невозможно, как невозможно забыть о том, что Денис жил в наше время и был нашим другом.

Друзья и коллеги

Научные публикации Д.А.Хоркина

Археологическое направление в работе Областного центра детско-юношеского туризма, краеведения и экскурсий (методические рекомендации и информация о работе последних лет) // Спутник. Информационно-методический бюллетень. Вып. 2. Саратов, 1996 (в соавторстве с Л.В.Зборомирской и В.А.Лопатиным).

Срубный металлообрабатывающий комплекс на поселении Усть-Курдюм в Саратовском правобережье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997 (в соавторстве с В.А.Лопатиным).

Керамические литейные формы с поселения срубной культуры у с. Усть-Курдюм // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов, 1997 (в соавторстве с В.А.Лопатиным).

Производственно-ритуальная постройка на срубном поселении Усть-Курдюм под Саратовом // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья (тез. докл. конф.). М., 1999.

Ранние черты в керамическом комплексе срубного поселения Нижняя Красавка на р. Медведице // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000.

Производственно-ритуальная постройка на срубном металлообрабатывающем поселении Усть-Курдюм под Саратовом // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Труды ГИМ. Вып 122. М., 2000.

Охранные археологические исследования Саратовского областного центра дополнительного образования «Поиск» в 1998-2000 гг. // См. статью в настоящем сборнике.

Список сокращений

ГИМ	- Государственный исторический музей
ИА РАН	- Институт археологии Российской академии наук
КСИИМК	- Краткие сообщения института истории материальной культуры
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
РА	- Российская археология
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
СОМК	- Саратовский областной музей краеведения
СУАК	- Саратовская ученая архивная комиссия

Содержание

<i>Исследования 1998-2000 гг.</i>		
Хреков А.А.	Неолитические погребения стоянки Рассказань-Ш...	3
Юдин А.И.	Алексеевское городище в г.Саратове.....	22
Лопатин В.А.	Северо-восточная периферия Смеловского могильника.....	81
Сергеева О.В., Хоркин Д.А.	Охранные археологические исследования Саратовского областного центра дополнительного образования «Поиск» в 1998-2000 гг.....	86
Моржерин К.Ю.	Исследования в окрестностях с.Кошили.....	108
Недашковский Л.Ф.	Раскопки Хмелевского I селища в 1999 году.....	118
<i>Исследования предыдущих лет</i>		
Дремов И.И.	Ураков Бугор: материалы раннего мезолита, средней и финальной бронзы.....	124
Баринов Д.Г.	Древнерусские поселение и могильник у с.Калмантай.....	134
<i>Методика археологических исследований</i>		
Сингатулин Р.А.	О перспективе подводных археологических исследований Волжского бассейна.....	142
Памяти Д.А.Хоркина.....	149	
Список сокращений.....	152	

Научное издание

Археологическое наследие Саратовского края.
Охрана и исследования в 1998 - 2000 годах.
Саратов, 2001. Вып. 4.

Статьи изданы в авторской редакции

Лицензия на издательскую деятельность:
серия ИД № 00125 от 30 августа 1999 года
ООО «Издательство Научная книга»

Подписано к печати 2.10.2001 г. Формат 60 x 84 1/16.
Бумага 80 г/м²
Уч.-изд. л. 9,75 Тираж 300 экз. Заказ 532

Издательство «Научная книга»
410054, г.Саратов, ул.Б.Садовая, 127

Отпечатано в типографии ИППОЛИТ, г.Саратов, ул.Чапаева 29/31

